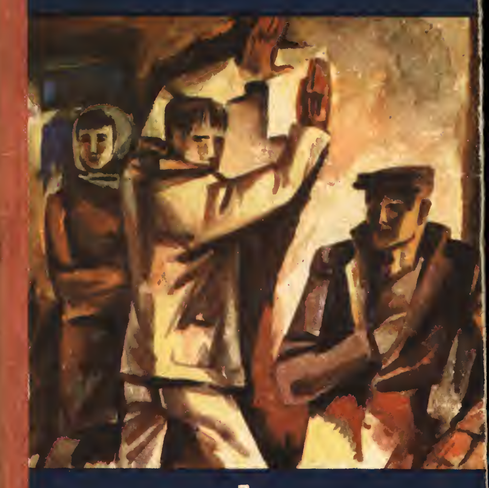
МЕМУАРЫ

У ТИХОЙ СЕРЕБРЯНКИ

М. ДМИТРИЕВ

П.Мая.
Поздравляем тебя с
8 мартом. Желаем учиться
на 4 и 5.

Мужество
по-новому
встает,
когда
к нему
приходит
испытание

Н. С. Тихонов

ИЗДАТЕЛЬСТВО «БЕЛАРУСЬ»
МИНСК 1975

Мужество
по-новому
встает,
когда
к нему
приходит
испытанье.

Н. С. Тихонов.

М. ДМИТРИЕВ

У ТИХОЙ СЕРЕБРЯНКИ

Михаил Афанасьевич Дмитриев с первых дней Великой Отечественной войны активно включился в борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Будучи невоеннообязанным, он добровольно вступил в Кормянский истребительный батальон. Затем стал одним из организаторов и руководителем подпольной комсомольской организации в Серебрянке Журавичского района. Весной 1943 года М. А. Дмитриев перешел в 10-ю Журавичскую партизанскую бригаду, где был пулеметчиком, командиром отделения. Потом его назначили вторым секретарем Журавичского подпольного райкома комсомола, помощником комиссара по комсомольской работе и начальником особого отдела партизанского отряда.

В своей книге М. А. Дмитриев рассказывает о боевой и политической деятельности подпольщиков и партизан, о работе партийных и комсомольских органов по руководству борьбой в тылу врага.

В настоящее время М. А. Дмитриев — ректор Мозырского педагогического института имени Н. К. Крупской. Он является Героем Социалистического Труда, заслуженным учителем БССР, кандидатом педагогических наук.

© Издательство «Беларусь», 1975

9(С)27
Д 53

Д $\frac{10604-246}{М 301(05)-75}$ 92-75

ХОТЯ И СНЯТ С ВОЕННОГО УЧЕТА

1

Машину трясло на выбоинах, подбрасывало на рытвинах. Фанерный чемодан подпрыгивал и все норовил опрокинуться. Я прижал его правой иогой к борту, к теневой стороне, чтобы масло не растаяло и не запачкало новую рубашку и конспекты. Ну, рубашку можио отстирать, конспекты взять у Петра Барабанова. А вот если масло зальет курсовую работу — это настоящая беда. Я писал ее весь май и половину июия. Толстую тетрадь так быстро не перепишешь, а ведь скоро госэкзамеиы...

На довском перекрестке шофер притормозил. Я воспользовался остаиовкой и открыл чемодан. Нет, масло в холщовой тряпочке еще не растаяло. Зато моей курсовой работе, оказывается, всю дорогу угрожала банка сметаны. И когда только мать сунула ее в чемодан? Вечно она боится, чтобы сынок не проголодался, хотя мне уже скоро двадцать, и, кажется, сам бы мог о себе побеспокоиться. Общую тетрадь в коленкоровом переплете суиул под пиджак, пристегнул ремнем. Пусть там чуточку и помнется, ничего не поделаешь.

Шоссе нырнуло в густые аллеи берез. Высокие деревья с обеих сторон наклоиились над дорогой, будто белесые две стены охраияют проезжих от ветра, а вверху, где сходятся они,— сплошиая зелеиая крыша, вроде от дождя. Зеленый тоннель лишь изредка обрывается, чтобы пропустить под деревянным мостом светлую речушку или чтобы на проезжих взглянула окнами в резиых наличниках старинная деревня, а то и просто один-единственный домик — не то лесника, не то дорожного мастера.

За светлой березовой стеиой мелькают поля вперемежку с болотами, густые леса с редкими полянами.

Кузов нашей полуторки уже битком набит пассажирами. Сегодия суббота, работ в середиие июия не так уж много, а надо подготовиться к сенокосу, к уборке, и люди едут на

базар. Женщины говорят о чем-то своем, мужчины толкуют о хороших косах, которые привезли в хозмаг, ругают кого-то за плохие точильные бруски.

— Один песок, да и только...

Седой дед, примостившийся на скамейке возле меня, укоризненно качает головой:

— Э-э, милые! Так можно век прожить и косу ни разу не наточить. Я вам расскажу, вот послушайте...— Но машина как раз въезжает на мост, и дед молчит с минуту.— С четырнадцати лет я пользуюсь клинкерным кирпичом с довского шоссе заместо бруска...

— О-о, так его не разобьешь и в голенище не сунешь. Да и шоссе — опять-таки...

— Захочешь — обточишь, ежели ты косарь.— Дед замолк и тут же повернулся ко мне, дышит табачным дымом: — А что мы сами себе добра не хотим? С краю берем кирпич тот, а заместо его другой кладем. Да что тебе говорить! Ты и косы в руках не держал.

Хотел было сказать, что, хотя я и учитель, каждое лето косить приходится. Но в это время лес расступился, и широкий приднепровский луг в синих рукавах стариц и озер раскинулся перед нами. Насыпь поднималась все выше. И вот впереди сверкнул широкой полосой серебристо-голубой Днепр. За ним длинной линией выдвинулись большие дома.

Рогачев! Говорят, что назвали его так потому, что он стоит в углу, образованном впадением Друти в Днепр, так сказать, на «рогу».

Дважды в год я бывал в здешнем институте на сессиях. Что же принесет мне нынешняя, последняя? А вдруг не последняя? Вдруг «срежусь» на экзаменах. Хотя на прежних сессиях у меня не было ни одного провала. И к этой готовился каждый день: перечитал и законспектировал все, что рекомендовали преподаватели.

Машина остановилась на площади, и уже минут через десять я здоровался с Барабановым. Загорел мой Петр как негр. И когда он успел? Учится на стационаре, сейчас сдает экзамены, казалось бы, не до пляжа. А я будто из заснеженных краев явился. Да и откуда быть загару: целый день в школе, вечера за тетрадками, учебниками, книгами. В воскресенье можно поваляться на солнышке, но не разрешают врачи.

После обеда я сдал свою работу. Старший преподаватель Василий Семенович Болтушкин удивленно приподнял левую бровь, перелистал и недовольно произнес:

— Ого, а больше не могли написать?

Сессия началась. Но следующий день круто изменил мою судьбу. Это было 22 июня 1941 года.

2

Петр Барабанов стоит впереди меня. Я чуть выше его, но он широкоплеч, весь налит силой и здоровьем. Прошу его стать позади меня. Он сперва упрямится, но потом уступает.

За столом военком — человек средних лет, перекрещенный желтыми ремнями, с двумя шпалами на петлицах.

Люди суровы и молчаливы. Очередь движется быстро. И вот я оказываюсь лицом к лицу с военкомом. Он листает военный билет, на миг останавливается, вчитываясь в одну-единственную фразу. И вдруг поднимает голову, пристально смотрит на меня:

— Так что же вы хотите, товарищ Дмитриев? Вы же сняты с военного учета. Сняты по болезни.

— Я выздоровел, товарищ военком.

— Где справка?

— Я из Кормянского района. А здесь на учебе.

— Езжайте в свой военкомат...

Некоторое время еще теплится надежда, но военком уже протянул руку за документами моего товарища. И вот заполняет повестку Петру Лаврентьевичу Барабанову. Значит, его призовут в армию.

А что же делать мне? Снова подхожу к столу.

— Так вам неясно? — В голосе военкома раздражение.— Езжайте в Корму и, если здоровы, вас мобилизуют.

Поздно вечером добрался в свой райцентр, зашел на сборный пункт. Там, как и в рогачевском, полно народу. Протиснулся к столу, но военком не стал меня слушать. Идите, мол, домой, надо будет — вызовем.

В окнах райкома комсомола еще горел свет. Пошел туда. И здесь теснота. Правда, тут одна лишь зеленая молодежь — лет по 16—17. Первый секретарь Николай Рытиков пожал руку, расспросил кое о чем, а потом сказал:

— А мне, думаешь, легко здесь сидеть, от всех вас отбиваться? — Затем продолжал более участливо: — Не горюй, потребуешься — сообщим.

1 июля меня вызвали в райком и направили рядовым бойцом в Кормянский истребительный батальон. Разношерстным был он и по возрасту, и по профессиям. В основном это «белобилетники» (освобожденные по состоянию здоровья от службы в армии), работники милиции, председатели сельских Советов и колхозов, руководители некоторых районных учреждений и вчерашние десятиклассники. Зачислили меня в 1-ю роту, которой командовал Александр Иосифович Сцепура, заведующий райздравотделом. Батальон вооружили винтовками различных марок. Были итальянские, англий-

ские, наши «трехлинейки». Мне досталась английская — с большой мушкой и своеобразным затвором.

И сразу же послали в деревню Сырск организовать молодежь и жителей на возведение укреплений. Вместе с председателем сельсовета обошел все дома. Никто не отказался идти на работу. Грунт на нашем участке попался глинистый, твердый, но каждый старался перевыполнить норму. Часто появлялись немецкие самолеты, обстреливали из пулеметов. Нас инструктировали, что в таких случаях нужно открывать огонь. И стреляли, хотя не видел, чтобы кто-нибудь из обычной винтовки не то, что сбил, а повредил вражескую машину.

Ночью бойцы истребительного батальона несли патрульную службу на дорогах: останавливали проходившие автомобили, проверяли у всех документы и т. п. Некоторых задерживали для уточнения: кто они, куда следуют, с какой целью. Бывали случаи, когда местные жители наводили нас на след подозрительных лиц. Мне часто помогала студентка комсомолка Екатерина Васильевна Савельева.

Однажды в полдень меня послали охранять мост между Сырском и Кормой. Вскоре над поселком закружил самолет-разведчик. Он спускался все ниже и ниже. Уже отчетливо вижу кресты на крыльях. Стоять у моста стало опасно, и я спрятался невдалеке в кустах ивняка.

Самолет еще раз развернулся и, почти касаясь труб спиртзавода, летел прямо на меня. Я выстрелил. Затем еще два раза. Фашистский стервятник поднялся выше, словно испугался моих выстрелов, сделал еще один круг над Кормой и ушел на запад.

Женщины из соседних домов видели этот поединок с самолетом, некоторые хвалили, а одна набросилась на меня:

— Да куда тебе с этой пуковкой против самолета!

А через часа полтора, надсадно воя, сюда прилетели шесть бомбардировщиков. Наш маленький городок впервые оглушили взрывы. Я лежал на дне окопа у самого моста и плотно прижимался к земле.

Когда фронт стабилизировался на Днепре, бойцы истребительного батальона доставляли раненых из полевых госпиталей в Корму. Здесь в районной больнице и ближайших домах на скорую руку оборудовали временный госпиталь. На наши плечи легло и такое — подобрать в помощь медперсоналу девушек и молодых женщин, чтобы они стирали бинты, белье, а из дома приносили раненым молоко и фрукты. Не раз доводилось нам сопровождать к фронту обозы с хлебом, сухарями, мясом. А ночью мы обычно находились на постах: охраняли пекарню, которую оборудовали прямо в парке возле Сырска, патрулировали перекрестки дорог, улицы.

Однажды истребительный батальон подняли по тревоге. На грузовиках мы помчались в Руднянскую лесную дачу вылавливать немецких летчиков, которые выбросились из самолета, подбитого нашими истребителями. Фашисты отстреливались. Двоих летчиков поймали и привезли в Корму.

Постепенно батальон уменьшился количественно. Остались лишь старики, кое-кто из руководящих работников района, милиционеры да несколько таких, как я, негодных для несения воинской службы в регулярных частях. Остальных мобилизовали в армию.

А работы все прибавлялось. Готовились к уходу в подполье, если немцы оккупируют район. В лесных чащах создавали склады продуктов, обмундирования и оружия.

В ночь на 14 августа нам, назначенным патрулями, прочитали приказ: в случае отхода советских войск и появления немцев, уходить за Сож, в деревню Бель.

Тревожной была эта ночь. По дорогам двигались обозы с ранеными, брели беженцы. Почему-то не слышно было канонады. Только огромное зарево в полнеба полыхало на западе, косой дугой захватывая и северную часть.

Пекарню, возле которой я стоял на посту, в полночь эвакуировали. Мне так хотелось уйти вместе с теми, кто обслуживал ее. Но приказ есть приказ.

Я забежал в Сырск за Катюшей Савельевой, с которой связывала меня давняя дружба, а затем заглянул в школьную квартиру, где жили мои родители. Их не оказалось: ушли с последними частями Красной Армии. Катюша упросила меня взять и Нину Савельеву, ее двоюродную сестру. Втроем мы отправились за Сож.

Командир роты Александр Сцепура приказал мне вернуться в районный центр и разведать обстановку. Вместе со мной пошла Нина Савельева, которая уже не раз помогала бойцам истребительного батальона.

Под вечер мы были в Корме. Нину я оставил в густом картофлянике на огородах, отдал ей свою винтовку, а сам кустами вишняка пробрался к центру, свернул на улицу Ильющенко. Она вела прямо на Сырск. И вот тут, в небольшом промтоварном магазине, я впервые увидел немцев. С засученными рукавами они рылись на полках. Летело на пол все: куски ситца, посуда, какие-то коробки.

Я решил тихонько проскользнуть мимо, но из-за поворота навстречу вышли два немца.

— Золдатен!

Я повернул в сторону, хотел перебежать через дорогу в открытую калитку, но в тот же миг кольнула мысль: «Он вскинет автомат, и пуля догонит меня на середине улицы...»

— Хальт! — раздался снова тот же голос,

Медленно, будто не меня это касается, оборачиваюсь. Немец держит в одной руке автомат, а другой подзывает меня. Не тороплюсь, обдумываю, что сказать ему.

— Руссиш золдатен? — Он тычет рукой мне в грудь.

Не ждал я, что первый вопрос гитлеровского оккупанта будет таким.

— Золдатен?! — Он отступает на шаг, поднимает автомат.

— Нет, я студент. Сту-дент!

— Студент капут! — Немец угрожающе трясет автоматом.

За спиной услышал всхлипывания. Чьи-то руки обняли меня, женщина на немецком языке что-то объясняет солдату.

Это Ефросинья Самойловна Исаченко. Она местная. Встретишься на улице, поздороваешься, как и со многими, вот и все знакомство с ней. Но она заверяет немца, что я ее сын, что мы вместе ищем свою корову, что я действительно студент.

— Студент? — недоверчиво переспросил немец и сдернул с моей головы кепку.

Густые длинные волосы в дополнение к гражданскому костюму, видимо, убедили, что перед ним не красноармеец.

Всю остальную часть Кормы мы прошли с Ефросиньей Самойловной. Навстречу двигалась большая колонна грузовиков, за ними тянулись тягачи с пушками, следом шли четыре легковые автомашины. Окутанные пылью, ехали велосипедисты. Побрязгивая какими-то железными ребристыми коробками, неторопливо пылили пешие. Беспрерывный поток немецких частей катился через Корму на Чечерск. В лесную же сторону района, к Сожу, гитлеровцы не сворачивали. Это хорошо: можно будет сейчас же уйти к своим. Я сказал Ефросинье Самойловне, что пойду обратно. В ответ она кивнула на окна, показала глазами на огороды. В садах и за плетнями уже расхаживали немцы. Видно, какая-то часть располагалась здесь на ночлег.

— Лучше, Афанасьевич, переночуй у меня, а утро свое покажет.

— Может, домой пойти? Тут рукой подать.

— Домой нельзя. Всюду немцы.

Утром Прасковья Архиповна Савельева, мать Катюши, наша хорошая соседка, проводила меня за Сож. Когда проходили мимо нашей хаты, я не выдержал, заглянул во двор: везде разбросаны разорванные книги, тетради, оконные проемы зияют темнотой, и только в одном окне колышется на сквозняке занавеска, окаймленная кружевами — рукоделием Лидочки, моей средней сестры. На подворье ни гого-

та гусей, ни кудахтанья кур — тихо, будто на кладбище в будний день...

Что же произошло с семьей? Жива ли мать? Жив ли отец? Он же коммунист, да еще орденоносец, учитель, депутат райсовета. И, как бы угадав мои мысли, Прасковья Архиповна говорит:

— Слава тебе господи! Ушли-таки, успели. В Белев уехали, к Тасе. Просились с красноармейцами на восток, да кто возьмет с такой семейкой? Только отец с младшеньким Витей уехали с нашими...

— Вот и хорошо. Мама с детьми останется в Белеве...

Но наша соседка думает совсем иначе. И она права. От Кормы до Белева — рукой подать, всего 7 километров, притом мать остановилась у старшей дочери, и немцы могут легко ее отыскать и схватить. Пострадает и семья моей сестры.

Значит, надо иное место найти для семьи. А где? И мы с Прасковьей Архиповной перебираем деревню за деревней, поселок за поселком, которые расположены вдали от районного центра.

— А если в Серебрянку?

Прасковья Архиповна одобрила мой выбор. Во-первых, эта деревня в другом районе, в Журавичском. Во-вторых, там живут дедушка с бабушкой — родители моей матери. Значит, не так уж будет подозрительным, что в лихую годину дочь с малыми детьми приехала туда...

Целых пять километров шел с Прасковьей Архиповной глухими тропинками вдоль Кураковщины, мимо Зеньковины до самого Сожа. Через реку переправился на лодке, меня обстреляли гитлеровцы, но, к счастью, благополучно достиг берега. Пришел в деревню Бель.

Навстречу бежала Катюша Савельева, за ней Нина, которая раньше меня перебралась через реку.

— Вернулся! Невредим!

От радости они смеялись, пели.

— Ну, Михаил, выкладывай, что видел, что разузнал? — спросил командир роты Сцепура, радуясь моему возвращению.

Разговор был коротким. Обстановка ясна, и Сцепура принимает решение: всем бойцам готовиться к отходу в лес. Мне же приказал снова идти в Корму, затем в Белев и помочь семье укрыться в более надежное место. Это задание должен был выполнить за трое суток и вернуться к своим, в урочище Панасова Поляна.

— Теперь и я пойду с тобой,— говорит Катюша.— Мы должны быть только вместе.

В сумерках мы с Катюшей осторожно на той же лодке переплыли на правый берег Сожа и глухими тропинками

добрались до Сырска. На рассвете в дом, где мы остановились, зашли немцы. Один из них резко бросил:

— Комм, медхеи! Шиель, шнель!

И увели Катюшу.

Ну, думаю, я вам ее не отдам! Пошел за гитлеровцами. Если будет грозить Катюше опасность, то зубами вцеплюсь волкам в горло.

Привели ее в пустой дом иа окраине Сырска. На полу полно мусора, битого кирпича, валяются сиопы. Катюшу заставили убирать весь этот хлам. Я с облегчеиием вздохнул. Стал ждать Катюшу тут же во дворе.

К вечеру я добрался в Белев, а утром следующего дня семья выехала на телеге в Серебрянку.

Малышам — Наде и Володе — эта поездка нравилась. Оии то спрыгивали с телеги и бегом обгоияли ее, то снова взбирались на пушистое сеио. Что понимали? А мама молча вытирала слезы. Старшие — Василек, Петя, Лидочка — шли хмурые, подавленные.

Когда мы свернули иа большак, пришлось прижаться к самой обочине. Навстречу с грохотом иеслись мотоциклисты. Натужно взвывая на песчаных подъемах, шли машины, полные немцев.

Уже стемнело, когда подъехали к Серебрянке. На шоссе постепенио замирало движеиие. Мы решили въехать в деревню ие по главной улице, а через переулок, со стороны Малашкович, чтобы лишний глаз не видел иас.

Подъезжаем к дому дедушки. Тихо. Вхожу в хату, а там... немцы.

— Вер ист дас? Кто такие? Как сюда попали?

Бабушка как могла старалась объяснить, что это ее дочь приехала со своими детьми. Но иемец поднял шум: мол, руссиш швайн хотел стащить пистолет...

— Найн, геноссе,— подыскивая слова, начал оправдываться я.— Нихт, геноссе. Я и ие думал брать. Зачем он мне, геноссе.

Глаза иемца стали еще более злыми.

— Геноссе?! — В тот же миг две пощечины обожгли мне лицо.

Я отшатиулся и навзничь упал иа широкую лавку, а немец с минуту еще орал на меня. Школьиые знания иемецкого языка позволили поиять только то, что мне товарищем может быть только свинья, а не он, представитель великой Германии.

Туго пришлось бы от таких «квартирантов», если бы пробыли они здесь дольше. Но, к нашей радости, часа через два немцы уехали.

Утром я ушел туда, где и положено было мие быть,— в свой район, за Сож. Но оказалось, что Бель уже навод-

нена гитлеровцами. В условленном месте нашего батальона не было, и никто не мог подсказать, где находится он.

Миновало трое суток. Решил зайти в Струмень. Думал, что, может, в этой лесной деревне, найду своих. Дважды ночевал у Павла Редуто, а днем бродил по лесу в надежде встретить кого-либо из батальона. Напрасно бродил: товарищей так и не нашел. Правда, подобрал четыре винтовки. Спрятал их под выворотом у дороги на Кляпин. Верил, что оружие пригодится. И вернулся в Серебрянку.

Там все шло по-прежнему. Приезжали небольшие немецкие воинские подразделения, останавливались на сутки-другие и уходили на восток. На шоссе почти весь день не редел поток пехотинцев и машин.

В Серебрянке вскоре подружился с Михаилом Прохоровым. Что скрепило нашу дружбу? Может, то, что он, как и я, приезжий и тоже прячется в этой деревне у родственников вместе с семьей. Его отец, как и мой, коммунист. Прохоровы остановились в колхозной бане: если узнают немцы, родня не пострадает из-за них. А может, потянуло меня к Михаилу то, что он, как говорится, уже понюхал пороху. Служил в Красной Армии, под Жлобином попал в окружение, неделю был в плену, затем бежал.

Какие бы причины ни вели нас на сближение, но мы стали настоящими друзьями. Хорошо было с этим высоким, подтянутым парнем. В спорах Михаил горячился, даже мог обидеться, но вскоре отходил и снова улыбался, шутил. И все же чувствовалось, что в своих беседах мы не затрагиваем самого главного, что-то не договариваем.

Однажды, сидя возле хаты дедушки, я прямо спросил:

— Так что же будем делать, Миша?

Он долгим взглядом посмотрел на меня, затем на улицу, по которой сновали, засучив рукава, немцы, хмуро прислушался к лязгу гусениц на шоссе и поднялся с места:

— Пойдем-ка от этого грохота в лес и подумаем. А заодно и грибков поищем...

ДОРОГА НАЧИНАЕТСЯ С ПЕРВОГО ШАГА

1

Тихо и спокойно в лесу. Сюда не доносились грохот с шоссе, чужой говор. Здесь все было родным, знакомым с детства. Тоненько попискивали синицы, вдали, как всегда, с перерывами, барабанил дятел. Золотистые листья уже присыпали привядшую траву.

Мы шли молча, будто боялись нарушить лесную тишину. Подосиновики, маслята, старые боровики и грузди попадались нам часто, но мы, кажется, забыли, зачем пришли сюда. Вдруг Михаил нагнулся, начал разгребать желтые листья клена.

— Боровики?

— Таких бы побольше! Иди-ка погляди какой! Быстрее шагай сюда!

Возле толстого клена лежал ручной пулемет с широким раструбом на конце ствола, с сошками, но без диска. Ржавчина лишь местами тронула его металлические части, ложа потускнела от сырости.

— Ну, теперь берегитесь, гады! — Михаил кляцнул затвором и зло усмехнулся.

Прядка белокурых волос пересекла его нахмуренный лоб. Глаза Михаил напряженно прищурил, будто высматривал в лесных зарослях притаившегося врага. Мысленно я представил его в военной форме, справедливого и строгого командира, требовательного к себе и другим. Да, с таким смело пойдешь в огонь и в воду.

— Ну, тезка, начало есть! Нас двое, а «дегтярев» — третий. Как раз полный боевой расчет. Так что повоюем!

— Двое — совсем мало,— возразил я.— Это почти ничто.

— Ну, ты брось! Главное — начало... Вот давай-ка лучше, как старики говорят, посидим рядком да поговорим ладком.

Совсем неслышно ронял старый клен большие листья, будто не хотел мешать нашему разговору.

— Да, ты отчасти прав: нас двое и пулемет — это мало,— продолжал Михаил.— Но все-таки согласись, что даже дальнее путешествие начинается с первого шага. Конечно, лучше, если бы нас было много. Но где взять людей? Постой, погоди, не перебивай! Допустим, есть молодежь в Серебрянке, но не подскажешь ли ты мне, на кого можно положиться?

В словах Прохорова, конечно, была истина. Хотя в Серебрянке мы знаем почти каждого, но как знаем? И я, и Михаил приезжали сюда как гости, встречались с молодежью только на вечеринках. Каждый в это время добр и весел. Но чтобы человека узнать, надо пуд соли с ним съесть. А мы вместе только проводили иногда праздники, не работали, не жили рядом. Не знаем ни привычек, ни характеров серебрянских юношей и девушек.

— Так на кого же положиться? — снова спрашивает Михаил. Спрашивает не у меня, скорее у самого себя.

— На комсомольцев. Да и родню, наверное, легче вовлечь.

— Да-а, ты прав! — Теперь глаза его повеселели и на лбу стало меньше морщинок.— Как ты думаешь, Мария наша подойдет? А Броня?

Это его сестры, двоюродная и родная.

Я предлагаю своего Василька, четырнадцатилетнего брата, Нину Язикову, соседку, молодую учительницу. Спорим о Викторе и Ане Потеевых, но все-таки решаем, что подойдут.

— Итак, подведем итоги.— Михаил одной рукой гладит ложу пулемета, на пальцах второй подсчитывает: — Мария, Броня, Василек, Нина, Виктор — пять. Затем — Аня и мы вдвоем. Всего восемь человек. Н-да, наполовину женская команда... Нет-нет, так не пойдет!

А я доказываю ему, что именно они, четверо девушек, могут подсказать нам, кто здесь настоящий боевой парень. Девушки местные, следовательно, знают, кому доверять. А Василек, хоть и подросток, но настолько вездесущ, что все узнает, а главное — никто в малыше не заподозрит нашего разведчика.

— Ты говоришь, словно давно обдумал все! — удивился Михаил.— А ну-ка признайся, правда ли это?

И я признался, что был бойцом истребительного батальона, что есть у меня винтовки и что недавно ходил в Корму в разведку, затем пытался встретиться со своими товарищами, но никого не нашел. Однако твердо верю, что встречусь с ними: живет в Корме Катюша Савельева, она поможет установить связи, а когда придется расширять их, будет для нас незаменимым человеком.

— Хорошо,— улыбнулся Михаил.— Но я вовсе не сторонник вовлекать в борьбу девушек. Война — сугубо мужское дело.

Я не стал с ним спорить.

В Серебрянку вернулись поздно, потому что сначала спрятали в лесной глуши ручной пулемет, а затем долго бродили в надежде найти еще какое-либо оружие. Но ничего, даже обыкновенных патронов, не нашли. Зато повезло в другом. Мы набрели на старую вырубку, где возле трухлявых пней было столько опят, будто кто-то специально посеял их тут.

Нарезали полные корзины: надо же чем-то оправдать полдня, проведенного в лесу.

— Ох и нажарим да наварим! — всплеснула руками бабушка.

Дедушка строго посмотрел мне в глаза и стал свертывать цыгарку, затем долго высекал огонь кресалом. Наконец сделал затяжку и с дымом выдохнул:

— Чем лынды бить, пошел бы к соседям картошку копать. Пуд-второй не будет лишним.

2

Утро выдалось дождливое, ветреное, но к полудню небо прояснилось, снова барашками заклубились кучевые облака, и солнечные лучи щедро сыпанули на землю.

Мы с дедушкой выбрались из-под сумрачного навеса, где с самого утра плели корзины. Не ладилось у нас: не то лоза попалась хрупкая, не то наши руки несноровисты, и дедушка сказал:

— Парить нужно, только парить!

Я про себя улыбнулся: «Лозу или руки парить?»

Печку бабушка истопила еще на рассвете, в ней уже не распаришь лозовые прутья, чтобы они стали гибкими, неломкими. Дедушка выкатил во двор бочку из-под керосина с одним вырезанным днищем. Он поставил ее на кирпичи, развел огонь, а я таскал из колодца воду.

Долго пришлось дожидаться, пока нагрелась вода и пока прутья, опущенные в бочку, стали эластичными. Зато потом работа пошла веселее.

Шестая корзина была уже поставлена в тенек на завалинку, когда во двор заглянул Михаил Прохоров.

— Доброго здоровьишка честным труженикам! — улыбаясь, он приподнял клетчатую кепку.— Значит, на хлеб насущный вы уже сегодня заработали?

Дедушка что-то недовольно пробормотал себе под нос и снова весь ушел в работу. Михаил подмигнул мне и выразительно кивнул на калитку: мол, выйди, поговорить надо.

Как только за мной захлопнулась калитка, он прошептал:

— Ты знаешь, тезка, нашел диски к пулемету. Целых три диска! Стрельнем, а? Сегодня, сейчас?

— Хорошо. Через десять минут я — как штык!

Пообещал, а вовсе не подумал, что нам надо сплести еще две корзины — дедушка заготовил восемь каркасов. Я подложил сосновых щепок под бочку, сунул в горячую воду пучок прутьев и стоял, переминаясь с ноги на ногу, будто провинившийся школьник.

— Что, бежать надо? — улыбнулся дедушка.— Ну, беги, беги. Недаром же Мишка заглядывал, недаром. Только вот что я тебе скажу: вы уже не маленькие, думайте-мозгуйте, коли что-либо такое, голову не теряйте.

Через час мы уже колдовали над пулеметом. Миша, оказывается, прихватил с собой чистые тряпочки и даже шомпол от винтовки. Я знал устройство пулемета. Прохоров же с закрытыми глазами мог разбирать и собирать его. Все-таки в армии служил.

— Пошли на шоссе! — твердо сказал Михаил.

Возле одной елочки с обрубленной вершиной мы притаились, наблюдая за дорогой. По ней шли колонны машин. Решили ждать легковую. Она появилась для нас неожиданно в сопровождении мотоциклистов и броневика. Михаил рванул с плеча пулемет, но я тут же схватил его за руки:

— С ума сошел... На каждом мотоцикле по три фашиста...

Он потянул пулемет к себе, но я крепко держал его, прижимая книзу. Пока между нами шла безмолвная борьба, мотокавалькада скрылась за дальним поворотом шоссе.

— В детский сад тебе надо, в ясли! — почти крикнул Михаил.

— А тебе надо фляжку, обязательно...

— Зачем?

— Холодная вода промывает мозги, и они лучше соображают,— ответил я.

Он больше ничего не сказал, только приоткрыл затвор, из канала ствола выскочил патрон.

Снова нарастал протяжно-нудный гул, но уже с противоположной стороны, из Рогачева. Потянулась колонна грузовиков с солдатами в кузовах, затем пошли тягачи с пушками на прицепе. Потом шоссе опустело.

Минут десять стояла тишина. Но вот отозвалась синица, за ней — вторая, совсем рядом с нами начали перебранку драчливые сойки.

И вдруг мы услышали нарастающий гул. Вскоре он заглушил веселое треньканье синиц.

На шоссе показалась грузовая машина с какими-то ящиками в кузове, нагроможденными выше кабины. Михаил весь напрягся, пальцы, сжимавшие пулемет, вдруг побелели. Вобрав голову в плечи, он чуть скосил глаза вправо, затем влево. Кроме этой машины, ничего на шоссе не было. Вот она уже совсем близко. Гулко ударила дробь. Ручной пулемет дрожал в руках Прохорова, а из широкого раструба выпрыгивал малиновый огонь.

Машина прошла еще метров десять и, вспыхнув ярким пламенем, остановилась. Из кабины неуклюже вывалился шофер и остался неподвижно лежать у подножки.

Снова пулемет в руках Михаила стал выбивать металлическую дробь. Теперь горела не только кабина — занялись и ящики в кузове.

Михаил опустил руки, и пулемет умолк.

— Ну вот... первый шаг... сделан,— отрывисто, с паузами сказал Прохоров.

Мы заглянули в кабину: там, свесив голову, полусидел офицер. Он был мертв.

3

Пулемет спрятали в том же месте. Запасные диски сунули под кучу валежника. Если вдруг кто-либо обнаружит пулемет, то хоть диски нам останутся.

Теперь в руках у меня и Михаила ножики и обычные корзины. Правда, нет еще ни одного гриба. Мы торопимся на старую вырубку, чтобы нарезать опят, а в душе и радость, и тревога одновременно. Наконец-то сделано настоящее дело! Но... только все ли сойдет нам с рук? И не столько нам, как Хмеленцу и Серебрянке. Машина-то сожжена между этими деревнями.

Беспокойство гнало нас домой. Терпения хватило лишь на то, чтобы собрать по полкорзины опят, да и то без разбора — какие под руки попадались, те и резали.

Возвращались торопливо, но возле деревни долго сидели в кустах, наблюдая за улицей и шоссе. Кажется, ничего подозрительного нет. По дороге проносятся машины, не останавливаясь в Серебрянке. Немцев не видно на улице. Люди как ни в чем не бывало копают картошку на огородах.

— Порядочек! — шепчет Михаил и вдруг без всякого перехода спрашивает: — А ты помнишь, какое сегодня число?

Вот это да! Сегодня же первое сентября — начало занятий в школе! Было бы, если бы не война. Вот она, школа, зияет незастекленными окнами. Пусто, безлюдно возле нее.

Уже садилось солнце, а о машине, сожженной в полутора километрах от Серебрянки, никто не говорил. Было даже обидно: сделали такое дело, а люди не знают.

Вечером я пошел к Нине Язиковой.

— Давненько, коллега, не виделись, давненько,— сказала она.— Почему не заходишь? Все с Прохоровым водишься, а нас забыл.

— Да вот зашел... Может, есть что-либо из художественной литературы? Захотелось почитать, а то и азбуку можно забыть.

— Найдется. Ну, так с первым сентября, Михаил Афанасьевич! Отличных вам успехов в воспитании подрастающего поколения...— Слезы заблестели в ее глазах.

Нина вздохнула, опустила голову. Белокурые волосы заслонили впалые щеки. Но такое длилось с минуту. Нина резко приподняла голову, зачесала волосы на затылок, положила подбородок на сплетенные пальцы рук.

— Почему же ты молчишь? Почему и меня не поздравишь?

Тихо тикали ходики на стене, рядом висел отрывной календарь, а на нем чернела цифра «31». Нина заметила мой удивленный взгляд, хрустнула пальцами.

— Не могу, никак не могу сорвать этот листок. Сорвешь, а под ним... Нет, пусть будет август! — Она тряхнула головой, и густые волосы снова поплыли к вискам.— Пусть!

— Нет, ты не права! — резко сказал я.— Давно пришла пора для первого сентября! Пора кончать каникулы!

Она удивленно и в то же время настороженно взглянула на меня:

— Пришла? А кого же учить? Как учить? Чему учить?

— На все эти вопросы один я не уполномочен ответить.

— А кто уполномочен? — Лицо ее вдруг засветилось надеждой, она подалась вперед, глаза просили-молили ответа.

И я сказал:

— Подпольная комсомольская организация может ответить на все твои вопросы, Нина Язикова.

— Есть такая организация?! — Она уже тормошила меня за рукав.— Есть, да?

С Михаилом Прохоровым мы заранее договорились: при разговоре с Ниной, Марией, Броней и Катюшей скажем, что подпольная организация уже действует.

— Да, есть такая организация.

— Боже мой, а я-то думала: все, конец... Так примите меня, примите! Ну, не могу же сидеть без дела, без пользы. Ты же знаешь меня.

— Я, Нина, вовсе не за книгой пришел к тебе.

— Спасибо! Честное комсомольское, никогда не подведу!

Она подошла к календарю, протянула руку и спросила все еще с плохо скрытой тревогой:

— Так срывать?

Ходики показывали 9 вечера, когда я уходил от Нины Язиковой. В руке у меня был обычный «Букварь» — Нина заставила взять для маскировки.

В тот же вечер Михаил Прохоров поговорил с Марией Потапенко и своей сестрой Броней. Он тоже сказал, что в Серебрянке есть подпольная организация и предложил им вступить в нее. Девушки с радостью согласились.

Теперь нас шестеро с Катей Савельевой. Моего Василька решили пока не посвящать в свои дела. Когда понадобится, тогда и расскажем ему. Он и так нам первый помощник.

Через неделю мы впервые после оккупации собрались все вместе, пришли в колхозную баню, где по-прежнему жил Михаил с семьей. Не было с нами только Савельевой: до Кормы около тридцати километров, не так просто преодолеть их, когда вокруг гитлеровцы. Но к ней я непременно пойду.

Как только тетя Лёкса, мать Михаила, ушла к соседке, я положил гитару на стол.

— Внимание! — поднял руку Прохоров.— Слово Дмитриеву.

Я встал с узкой лавки и чуть не стукнулся головой в низкий закопченный потолок, обвел всех глазами.

— С каждым из вас уже был разговор, что в Серебрянке создана подпольная комсомольская организация. Давайте сегодня оформим ее: изберем секретаря и командира боевой группы.

Тихо-тихо, будто и нет здесь нас. Но вот скрипнула табуретка, поднялся Прохоров.

— Предлагаю избрать секретарем комсомольской организации Михаила Дмитриева. Будут ли другие предложения?

— Нет,— послышалось в ответ.

Проголосовали единогласно.

— Спасибо за доверие, товарищи! — От волнения сжало горло.

Я снова стоял у стола, стараясь взять себя в руки. Пожалуй, прошла минута, пока заговорил. Теперь голос звучал тверже. Говорил о том, что нам придется работать в тяжелых условиях фашистского террора, поэтому нужна строжайшая дисциплина. Никто из посторонних не должен знать об организации, враг не пощадит нас, погибнут родные и близкие, даже Серебрянку могут уничтожить гитлеровцы.

— Давайте же поклянемся, что будем бороться с фашистами, пока бьется сердце,— и первым произнес: — Клянусь!

— Клянусь! — повторил Прохоров.

— Клянусь! — в один голос вылилось это обещание.

— Теперь нас стало больше. Вскоре еще прибавится сил, поэтому нужен руководитель боевой группы. Рекомендую утвердить командиром Михаила Прохорова.

За Прохорова проголосовали тоже единогласно. Он поднялся и потребовал собирать оружие, патроны, гранаты, тол, прятать все в надежном месте, причем у каждого подпольщика должен быть свой тайник. Если гитлеровцы обнаружат один такой «склад», остальные сохранятся.

После Прохорова выступила Броня. Она предложила:

— Давайте сегодня же сорвем все немецкие приказы. А то как бельмо на глазу.

Допоздна засиделись бы в тот вечер, но в сенях брякнула щеколда. И только в тот миг я понял оплошность — никого не поставили караулить.

Я схватил гитару, ударил по струнам, а Броня бросилась к дверям. К счастью, вошла мать, и дочь закружилась перед ней и запела:

Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

— Ну, пошли на улицу, нечего тут коптиться,— недовольно проговорил Михаил.

Мы пытались отправить девушек по домам: сами, мол, справимся с немецкими приказами. Но первой запротестовала Нина Языкова, ее поддержала Мария Потапенко. Пришлось вместе идти к зданию довоенного сельмага, стены которого густо были облеплены приказами, объявлениями, плакатами...

4

Семья наша большая. Пришлось идти на заработки. Копал у соседей картошку, ремонтировал дома — короче, делал все, что скажет хозяйка или хозяин. Нелегко было, но надо же приготовиться к зиме.

Довелось ездить и в лес за дровами. Обычно отправлялись вдвоем с Михаилом на двух телегах. Нагрузим один воз, затем — второй. Однажды мы увидели на земле толстый кабель. Местами его присыпало листвой, можно было пройти рядом и не заметить.

— Ловко спрятался! — Михаил приподнял кабель.— Как подохший уж... Да только не подох он, живет еще телефонными разговорами.

Он схватил топор, но я запротестовал. Прежде всего надо обезопасить себя, иначе немецкие овчарки по следу найдут нас. Прохоров недовольно хмурился, но уже было видно, что я убедил его. Однако Михаил, наверное, не мог вот так сразу согласиться с моим мнением.

— Ну а что ты предлагаешь?

Коль кабель местами густо присыпало листвой, следовательно, он не один день лежит здесь, значит, и еще два-три часа останется лежать. За это время мы заготовим дрова, выедем на дорогу, оставим лошадей, а сами — сюда. Если же перерубим кабель сейчас, то нужно немедленно убираться из леса. А почему, спросят хозяева, вы без дров приехали?

— И не дадут нам корзину картошки,— зло усмехнулся Михаил.

Мы отъехали с полкилометра и как раз нашли рухнувшее на землю дерево. Нарубили два воза дров и выехали на просеку. Лошадей оставили на небольшой поляне, положили им сена.

Берегом речки прошли метров триста, потом — по мелководью и снова выбрались на берег. Недолго искали черный кабель. Вот он пересекает лесную лужайку. Еще на берегу речки мы прихватили с собой по плоскому камню.

Михаил побежал на противоположную сторону лужайки, поднял руку над головой: приготовиться!

Я положил камень под кабель и распрямился. Рука Михаила вдруг резко опустилась, и я изо всех сил взмахнул топором. Сыпанули искры, топор соскользнул с камня, по обух

впился в землю. Рассеченный кабель сверкал медными прожилками.

Отрубленный кусок мы вдвоем потащили к речке, затоптали на дне. Потом пришлось изрядно поколесить: переехать шоссе и лесом снова выехать на него, чтобы немецкий пост увидел, что мы везли дрова не от речки Черная, а совсем с противоположной стороны. И хорошо, что так сделали.

Под самый вечер гитлеровцы подняли переполох. Из комендатуры приехала специальная команда, начались допросы. Кроме нас за дровами в тот день ездили еще двое, но они были на противоположной стороне шоссе. И они, и мы проезжали мимо немецкого поста, ехали через всю деревню. Так что свидетелей было достаточно, и нас с Михаилом не заподозрили в диверсии. Гитлеровцы решили, что это сделала какая-то группа красноармейцев, выходящая из окружения. Впрочем, такой слух распространился и об автомашине, сожженной между Хмеленцом и Серебрянкой.

В ненастную погоду мы бродили по окрестным лесам и кустарникам — искали оружие и боеприпасы. Уже к концу сентября наши лесные тайники пополнились винтовками, патронами, гранатами. Обычно делали так: на дне окопа настилали листву и мох, затем обертывали мешковиной или старой одеждой хорошо смазанные винтовки и патроны, прикрывали мхом и присыпали землей, старательно маскировали сверху листвой. Мы решили не прятать в одном месте более пяти винтовок, и уже некоторые из нас собирали оружие во «вторые склады». Кстати, об этих местах знали только трое: тот, кто собирал, так сказать, хозяин, и мы с Михаилом. Это была необходимая мера предосторожности.

Вскоре мне посчастливилось: я тоже нашел ручной пулемет, исправный, с диском. А через день повезло нам двоим — мне и Михаилу. Под мостом через речку Серебрянка мы нашли присыпанные песком деревянные ящики. В них оказался тол — по двадцать шашек в каждом. Видимо, при отступлении наши саперы готовились взорвать мост, но по каким-то причинам не успели. Дождливым вечером эти ящики перенесли в лес и тоже спрятали.

Все шло, казалось, хорошо. Но в самом конце сентября комендатура стала брать на учет каждого мужчину. Гитлеровской Германии нужны были рабочие руки. И не только обычные, а и кровавые руки — полиция. Нужны были и учителя — чтобы калечить души. Подбором занялись староста Артем Ковалев и бургомистр Михайло Бычинский. В первую очередь они подобрали себе помощников — полицейских.

Однажды поздним вечером меня вызвал во двор Иван Селедцов, местный парень. Я знал его, как и многих ребят из Серебрянки. Среди других он ничем особым не выделялся. Иван сказал, что немецкий офицер, который стоит у них на

квартире, говорит, что его, Селедцова, и меня отправят в Берлин на учебу. Мурашки пробежали по спине от такой новости. Но все-таки надо что-то ответить ему.

— Особой охоты у меня нет. Ежели ты желаешь, езжай,— сказал я.

— А кто будет спрашивать о нашем желании? Схватят, повезут, и пикнуть не успеешь... Что же делать, ну, скажи?

А вдруг его специально подослали ко мне?

— Поживем — увидим.— Я старался быть безразличным, а самого пробирала дрожь.

Попадешь в Берлин, оттуда не вернешься. Да и понятно, чему они там будут учить.

Назавтра я ушел к сестре, в Белев. Полторы недели прятался на чердаке дома, в гумнах. Боялся, а вдруг, чтобы найти меня, довская комендатура свяжется с кормянской, и нити приведут сюда, к старшей сестре.

Когда вернулся в Серебрянку, Ивана Селедцова уже не было в деревне. Его отправили в Германию, и парень как в воду канул. За мной раз десять приходили немцы и староста. Мать говорила, что ушел в Гомель устраиваться на работу.

Однажды рано утром — Василек еще спал и не мог предупредить меня — к нам в хату вошел Артем Ковалев.

— Ну вот и хорошо, что дома тебя застал,— усмехнулся он.

— Работу все ищу...

— Ты работу ищешь, а работа — тебя.— Староста уселся на табуретку.— Многое ты потерял, что поехал в Гомель. Ну что составляло подождать еще два дня? Уже в Германии был бы, да не где-нибудь, а в самом Берлине! О-о, ты не знаешь, что такое Германия, не представляешь...

Артем Ковалев часто расхваливал немецкие порядки, это была его любимая тема разговора.

— Так что за работа ищет меня? — прервал я его разглагольствования.

Староста укоризненно покачал головой, видимо, не понравилось, что не дал ему выговориться.

— Если вторично вызовут тебя, чтобы без фокусов! А ты, дед, смотри за внуком!

Это звучало явной угрозой. Однако я горячо отрезал:

— Никуда не поеду!

И вышел из дому.

Что же делать? Как это я, советский учитель, пойду работать на немцев? Да еще куда ехать — в Берлин, в фашистское логово... А не пойти, сбежать — мать, братья, сестрички, дедушка и бабушка ответят за меня. Артем Ковалев не бросает слов на ветер. Завезет всех, как заложников, в Довск, в комендатуру.

Не позавтракав, я пошел к Михаилу Прохорову, торопясь, рассказал, что произошло.

— Нашел над чем голову ломать! — усмехнулся он.— Да мы этого немецкого холуя мигом уберем — и концы в воду.

— Я согласен! Сегодня же!

— Ого какой прыткий. Ты уж позволь мне самому этим заняться.

После полудня Михаил сам зашел ко мне, устало присел на скрипучую табуретку и сказал:

— Собирайся, пойдем в Федоровку.

— Зачем?

— Надо.

Михаил иногда любил сделать что-либо таинственное, преподнести сюрприз. Видимо, и сейчас что-то придумал. Возможно, станковый пулемет нашел или что-то другое.

Федоровка от нас километрах в двух. Шли молча, затем Михаил начал рассказывать, как гитлеровцы морили голодом и избивали пленных, натравливали овчарок.

— Счет к фашистам у меня большой. Пора рассчитываться, пора!

Прохоров не скрывал, что все свободное время пропадает в лесу — ищет партизан. Но, видимо, пока их нет в здешних местах.

— Я дальше так не могу. Вот иногда думаю: возьму пулемет, лягу на шоссе и такого переполоха наделаю... Нет, одного пулемета мало, возьму и твой. Хорошо?

— Ну, укокошишь десяток гитлеровцев, а они расстреляют семьи, а может, каждого десятого из Серебрянки. Так же сделали под Рогачевом... Нет, надо что-то другое придумать.

— Да-а, ну и товарища я себе приобрел! — криво усмехнулся Михаил.— Все обдумываешь, примериваешься...

— А ты безрассудно торопишься,— отрезал я.

Мы наверняка поругались бы, если бы не входили уже в Федоровку. В этой деревне мы нашли добрых и умных советчиков — Арсена Степановича Бердникова и Самуила Павловича Дивоченко. Это к ним и вел меня Михаил Прохоров. Он был ранее знаком с Арсеном Степановичем, а у того почему-то сегодня был и Дивоченко.

Бердников, грузный, солидный мужчина лет сорока пяти, сильно пожал руку, пристально посмотрел на меня, отступил на шаг и, можно сказать, буквально всего обшарил взглядом. Человек этот, подумалось, видит меня насквозь.

— Вот он,— Бердников кивнул на Прохорова,— рассказывал о тебе. Это хорошо, что ты сдержан. Пороть горячку в нашем деле никак нельзя. Тут уж не семь, а тридцать семь раз отмерь, а раз отрежь.

Он неторопливо прошелся по комнате, круто повернулся и снова стал против меня, тут же озадачив вопросом:

— Когда хворает корова? — И сам же ответил: — Без жвачки... А человек — без дела... Знаю, что вы оба не «хвораете». Это хорошо. Только чересчур рискуете.

— Риск — благородное дело,— отпарировал Михаил.

Бердников нахмурился, остановил на нем свой тяжелый взгляд:

— И так еще говорят: не спеши на тот свет, сделай здесь все как след. Понятно?

Он опустился на стул, положил на стол натруженные руки. Они чем-то напоминали руки моего деда Степана, только больно уж спокойно лежали на столе.

До сих пор молчавший Дивоченко — хмурый, чем-то похожий на цыгана — заговорил медленно, будто подыскивая слова. Но голос его был строг и категоричен, как голос человека, уверенного в своей правоте:

— Я вам скажу прямо, без обиняков. Никаких рискованных шагов не делать. Вы здесь не одни работаете и своим необдуманным риском можете завалить всех. Поэтому без наших указаний ничего серьезного не предпринимать. Дисциплина и порядок — прежде всего.

Он умолк и пристально из-под насупленных бровей рассматривал меня. Затем хлопнул ладонью по столу, снова заговорил:

— Ну а теперь насчет тебя, Дмитриев. Вопрос уже обсуждали коммунисты. В Германию ехать не надо. Чем это кончится, мы не знаем. Надо идти к ним на работу здесь, в Серебрянке. Сам знаешь, работать можно по-разному. Будет что непонятно, приди, посоветуемся. Чтобы умно поступать, одного ума мало.

И опять хлопнул ладонью по столу.

— Так все-таки работать? Да ни за что на этих гадов работать не буду! — зло отрезал я.

— Ну, это ты напрасно,— мягко вступил в разговор Арсен Степанович Бердников.— Я — старый коммунист, председателем сельского Совета был до войны, думаю работать председателем и после освобождения от коричневой чумы, если, конечно, люди доверят. Но теперь в нашем положении надо водить фашистов за нос. Вот смотри, читай... Ковалева же пока не трогать: не пришел срок.

Я читаю справку и не верю своим глазам: Бердников Арсен Степанович — церковный староста Сверженской волости...

Долго сижу на лавке у стола, молчу, думаю.

— Так что же, я должен работать... на немцев?

Пристальный взгляд Самуила Павловича Дивоченко снова лег на меня:

— Не на немцев. А на Советскую власть. По поручению коммунистов будешь работать в Сверженской школе. Вот-вот немцы откроют ее.

Это была моя первая встреча с коммунистами Арсеном Степановичем Бердниковым, довоенным председателем Сверженского сельского Совета, и Самуилом Павловичем Дивоченко, инструктором Журавичского РК КП(б)Б, оставленными для подпольной работы в тылу врага.

В годы войны Журавичский район оказался в более сложных условиях, чем Кормянский.

Кормянский район находится вдалеке от шоссейных и железных дорог. Вся территория за рекой Сож — огромные лесные массивы, которые соединяются с Брянскими лесами. Возможно, мои товарищи по истребительному батальону ушли туда.

Через Журавичский район проходили важные коммуникации гитлеровской армии, в частности Варшавский тракт, по которому осуществлялось снабжение фронта на центральном направлении. Вдоль коммуникаций гитлеровцы насадили сильные гарнизоны. Там нет больших лесных массивов. Все это, по-видимому, затрудняло развитие партизанского движения в Журавичском районе.

Немаловажную роль сыграл и тот факт, что в самый канун оккупации района был убит осколком немецкого снаряда первый секретарь РК КП(б)Б Н. Ф. Шлыков, а председатель райисполкома Ф. И. Мышак и другие ответственные лица по различным причинам эвакуировались в советский тыл с последними отходящими на восток частями Красной Армии. Правда, в небольших лесных массивах возле Рискова и Сверженя были оставлены коммунисты — организаторы партизанского движения.

Видимо, я перенервничал, к тому же простыл, поэтому несколько дней пролежал в постели. Вскоре ко мне заглянул Михаил Прохоров и сказал, что Бердников торопит с выполнением поручения — надо расширить комсомольское подполье, чтобы на его основе создать партизанский отряд.

Скрепя сердце, я сдался: пошел оформляться на работу. Учителю-то можно заходить в каждую хату.

И ПОДО ЛЬДОМ РЕЧКА ТЕЧЕТ

1

Первый урок — в седьмом классе. Хотя до войны вел историю, математику, язык и литературу, сейчас поручили зоологию. Учителей не хватает: на семь комплектов — шесть человек. Правда, классы небольшие, всего лишь

по десять — пятнадцать учеников. Родители стараются под всякими предлогами не «записать в школу» своего сына или дочь.

За расшатанными, с облезшей краской скамейками настороженно притихли ученики. Вчера под вечер сам разбирался, что такое зоология, что она изучает, а сегодня стараюсь преподнести им свои знания. Наглядных пособий нет. Местные учителя говорят, что их разбили и пожгли, когда в первые дни оккупации в здании школы останавливалась какая-то немецкая часть.

Только три книги на весь класс. Мне говорят, что еще повезло. Хуже тем, кто преподает историю и литературу. Занимаемся-то по довоенным советским учебникам, и в волости директору приказали, чтобы портреты руководителей партии и правительства затушевали чернилами. Вот поэтому у учеников «не оказалось» учебников — всего лишь одиндва на класс. И мы довольны, что наши школьники не хотят портить книги.

Минут за десять до конца урока вдруг раскрывается дверь, и в класс вскакивает немец с автоматом на шее. Широко расставив ноги, он спрашивает, что это за собрание. Как могу, растолковываю: новые власти, мол, открыли школу, сегодня второй день занятий.

— Гут, гут! — ухмыляется он и велит положить книги на скамейки.

Перелистывает одну, вторую и вдруг начинает кричать: в учебнике литературы он увидел портрет Сталина. Тут же выдернул лист, порвал его на мелкие кусочки, а мне тычет кулаком в самый нос. Я боюсь одного: только бы не расстрелял детей. Пусть меня убьет раньше...

В каждом классе побывал этот немец — проверил учебники.

У всех учителей вид удрученный, словно на похоронах. Мы думаем, как спасти книги. И вдруг приходим к выводу, зачем затушевывать портреты? Можно же аккуратно по краям заклеить их. Так, мол,— это объяснение для «властей» — книга выглядит эстетичнее.

Теперь учебники по истории и литературе появились у каждого второго ученика. Аккуратные белые прямоугольники были на месте портретов. Притом смазывали клейстером не всю обратную сторону прямоугольника, а лишь края его, значит, сам портрет сохранялся. Ну а текст как был, так и остался прежним, советским.

И все-таки с тяжелым чувством каждый вечер возвращался домой. Кому скажешь, что работаешь по заданию коммунистов? Хотя и веду зоологию, предмет вовсе не политического значения, да все-таки в школе, которую открыли оккупанты. Стыдно людям в глаза посмотреть. Не объяснишь

им, не расскажешь. Нужно сжечь школу во что бы то ни стало!

Вскоре я встретился с Михаилом Журавлевым. Хотя он и мой троюродный дядя, ио только на четыре года старше меня. Наши возрастные, что ли, интересы, совпадали. Еще до войны, когда ои — курсаит военного училища — приезжал на побывку, вместе гуляли на вечеринках, бродили по окрестиым лугам и лесам. Между нами устаиовились отношеиия более дружеские, чем родствеииые.

Михаил Журавлев, будучи ранеииым, попал в окружение, вырвался из него и пришел домой, живет теперь у старшей сестры Маши.

— Чем заиимаешься, товарищ лейтеиант?

Видимо, в моем вопросе нзрядио было укоризиы и издевки, потому что Журавлев пристальио вглядывался в мои глаза. Прошли молча несколько шагов.

— По хозяйству занимаюсь. Но есть и главная работа...

Со слов Бердиикова я зиал, что кроме нашей организацин на территории сельсовета действует еще какая-то. С большой радостью услышал, что имеино ои, Михаил Журавлев, возглавляет Свержеискую подпольную комсомольскую. Возникла оиа чуть позже нашей, ио тоже в сентябре 1941 года. Оказалось, что иекоторые мои ученики-старшеклассники являются членами этой оргаиизации.

— Так, говоришь, школу надо сжечь? Надо! Но осторожио. Запомии: иемцы ие дураки — могут заподозрить. Но, с другой стороиы, школа — хорошее место, куда могут прийти связиые.

Мы иаладили постоянную связь с организацией Михаила Журавлева, в которую входили Лена и Матвей Шаройко, Григорий Бычинский, Мария Кориienко, Иван Кудрицкий и Николай Петроченко. Оии, как и мы, совершали отдельные диверсии, вели разъясиительную работу среди иаселеиия.

Вскоре Серебрянская организация пополнилась. В ее ряды прииял и Виктора Потеева, Нииу Левенкову, Якова Якубова, моего брата Василька.

Заиятия в школе шли, как говорится, через пеиь-колоду. Правда, учеииков прибавилось, особеиио в седьмом классе. Дело в том, что наши подпольщики стали агитировать за «новую школу». Комендатура и бургомистр часто требовали выделить подводы для доставки фуража и боеприпасов к линии фроита. Уедет пареиь — и ии его, ии лошади, ии телеги. То ли угоияли ребят в Германию, то ли погибали в дороге. Надо было сохранить молодежь. Учеииков же ие брали в извоз. Вскоре юиоши, у которых ие пушок золотился иа верхией губе, а чериели усы, возгорели желаиием учиться в «новой школе».

Однажды Михаил Журавлев передал мне небольшой лист бумаги.

— Ну, дорогой мой племянник, вот и начнем совместно работать. Поручи своим ребятам сделать полсотни экземпляров. Я своим уже дал задание.

Это была первая сводка Совинформбюро, которую я прочел после отступления наших.

— Где ты взял ее? — спросил я Журавлева.

— Один знакомый передал...

— Не доверяешь, да?

— Не лезь в пузырь, Миша. Поговорю с ним: если он согласится, я сведу вас.

— Конспиратор...

— Ну уж так положено, извини. Ты не сердись, а действуй. Только писать печатными буквами, чтобы по почерку не могли определить, чьей руки работа.

С какой радостью перечитывали и переписывали эту сводку! Значит, Москва держится! Значит, врут немцы, что «Москау капут»!

2

Михаил Журавлев познакомил меня с Татьяной Федоровной Корниенко. Мы «нечаянно» встретились, когда я из Сверженя возвращался в Серебрянку. Она была в стареньком ватнике. Голова повязана выцветшим клетчатым платком. На ногах — разбитые ботинки. Крестьянка-старушка, да и только — так могло показаться с первого взгляда. Кстати, в то время многие одевались в лохмотья, чтобы не привлекать внимания гитлеровцев. Корниенко была секретарем партийной организации в местечке Свержень. В начале войны ее вызвали в райком и сказали: «В случае оккупации района остаетесь здесь для создания подполья, ребенка и мать эвакуируем в тыл». После этого Татьяна Федоровна была в Гомельском обкоме партии на инструктаже по ведению подпольной работы в тылу врага. Там ей выдали документы о том, что она якобы выпущена из тюрьмы.

Через неделю после захвата немцами Журавичского района Корниенко пришла на место явки, в федоровский лес. Встретилась с лесником Никитой Васильевым. От него узнала, что некоторые товарищи из районного актива сейчас живут в деревнях на полулегальном положении. Значит, есть с кем начинать работу! Татьяна Федоровна имела встречи с Арсеном Бердниковым, Феодорой Марковой, Власом Прохоровым и другими коммунистами. Мать и ребенка Корниенко не успели эвакуировать. Поэтому Татьяна Федоровна стала жить в Сверженe. Она помогла создать здесь комсо-

мольскую организацию, рекомендовала Михаила Журавлева руководителем подполья.

Недавно к ией заходил секретарь Рогачевского райкома комсомола Адам Аидреевич Бирюков, старый мой зиакомый. Вместе учились в институте, только ои шел иа год впереди меня. Он обрадовал Татьяну Федоровну: в соседием, Рогачевском райоие уже действует подпольиый райком партии. Бирюков пришел сюда разведать, создаи ли Журавичскнй подпольиый райком. Но райкома еще ие было, действовали лишь партийные и комсомольские оргаинзации в Свержене и Серебрянке. Адам Андреевич посоветовал, как дальше вести работу (все-такн рогачевские подпольщнкн уже нмели кое-какой опыт), оставнл августовский номер «Правды».

Мы долго разговаривали с Татьяиой Федоровиой. Я рассказал о нашнх комсомольцах, о том, что уже сделали, в частиости, что иеделю иазад иочью вместе с Иваном Потапенко н Михаилом Прохоровым под Хмеленцом спилили четыре телефонных столба и оборвали провода.

— Да вот в школе работаю,— пожаловался я.

— Не один ты послан на работу. Мы иаправили иаших людей в различные организации, чтобы срывать замыслы оккупантов.

Я задумался, потом сказал:

— Ну а пятьдесят экземпляров сводки Совниформбюро сегодня к вечеру будут готовы. Думаем отнести в Малашковичи, Юднчи, Сипоровку. Пять экземпляров передадим в Корму — скоро должиа прийти к иам «в гости» Катюша.

— Только будьте осторожиы. Главное, чтобы не было провалов. Берегите людей!

Своей осторожиостью она напомииала Арсена Степановича Бердникова. Я понял, что непреложное правило в работе подпольщнка — осторожиость, осторожиость н еще раз осторожиость.

На следующее утро, будто растревоженные шершни, засуетились полицейские, старосты. Оии шныряли по всем деревиям, срывали, соскабливали сводки Совиифомбюро. Но в комеидатуру ие спешили докладывать: зиали, за такое гитлеровцы ие погладят своих холуев по головке. Немецкие прихвостни в открытую говорнли, что это дело рук подпольщиков и окружеицев, угрожали иам.

В доме честного советского человека Оиуфрия Шаройко собралнсь коммунисты. Сюда прншли Татьяна Федоровиа Корнииеико, местиая учительница Феодора Тимофеевна Маркова, Арсен Степанович Бердииков, Самуил Павлович Дивоченко, попавший в окружение Иваи Афанасьевич Мнхунов, до войны работавший в Мниске, Григорий Федоровнч Савченко — бывший заместнтель директора одного из черноморских санаторнев, довоенный секретарь Ляховичского райкома

партии Владимир Данилович Горбачев. Пригласили и меня с Михаилом Журавлевым. На этом собрании заместителем секретаря — Татьяны Федоровны — избрали Михунова. Шефство над подпольными комсомольскими организациями партийная организация поручила Арсену Степановичу Бердникову.

Коммунисты решили любыми путями достать радиоприемник. Это задание поручили Т. Ф. Корниенко и Ф. Т. Марковой. Чтобы найти приемник, надо побывать не в одной деревне. Для женщин это менее опасно, чем для мужчин.

3

Прочтя «Правду», которую Татьяна Федоровна передала в ноябре через Журавлева, я написал листовку, а затем наши подпольщики собрались вместе и обсудили ее текст. Долго спорили. Михаил Прохоров настаивал, чтобы она была длинной — со сводкой Совинформбюро. С его мнением не согласились. И вот почему. Во-первых, листовка должна быть написана на одной стороне листа, чтобы приклеить к забору или стенке. Во-вторых, писать придется печатными буквами, значит опять-таки нужен короткий текст. Сводку же Совинформбюро лучше написать отдельно.

Вот какая была она, наша первая листовка:

«Товарищи! Не верьте брехне немцев! Москва немцами не занята и никогда не будет занята! Москва живет! Не давайте фашистам хлеб, одежду! Бейте ползучих гадов на каждом перекрестке! Гоните их с нашей земли! Смерть фашистам!»

Снова заспорили, надо ли писать «Прочитай и передай другому!».

— Выходит,— горячилась Мария Потапенко,— мы наклеим, а кто-то прочтет и сорвет. Иначе, как же выполнить совет «и передай другому»?

— А давайте напишем просто,— как всегда спокойно предложила Нина Язикова.— «Расскажи об этом соседу, знакомым!»

Через день снова встревожились немецкие холуи. На заборах и стенах домов во многих деревнях волости и в самом Свержене появились листовки на тетрадных страницах. «Новые власти» опять ругали окруженцев, грозили комендатурой. Зато наш сосед Змитрок Кильчевский, обычно уравновешенный, степенный старик, взволнованно говорил мне:

— Правду в мешке не утаишь! Аж на душе легче стало от этих листков... Ну и что, ежели бои в Подмосковье? Никогда не сдастся Москва. Никогда, вот поверь мне, старику, никогда! — Кирчевский вдруг повернулся, кивнул на речку.— Вот скоро мороз скует ее. А вода и подо льдом течет! Так и тут: сколько бы «бобики» ни подбрехивали фашистам,

люди знают правду. Правду ничем не задушишь. Она, как наша тихая Серебрянка, и подо льдом течет!

Безусловно, Змитрок Кирчевский не знал, что сводка Совинформбюро и листовка — дело рук моих товарищей, нашей организации.

Радостно было у меня на душе, что люди в тот день повеселели. Женщины подолгу простаивали у колодцев, мужчины чаще ходили друг к другу выкурить цигарку. Будто это был праздник, а не обычный день...

Пришла из Кормы Катюша. Она завязала знакомство с Николаем Купцовым, Титом Мятиковым, Михаилом Мельниковым и Александром Руденко, которые работали в кормянской типографии. Катюша была хорошо знакома с учителем Исаком Павловичем Костюченко. Он составлял и редактировал листовки. Купцов, Мельников и Руденко с большим риском для жизни набирали и печатали их в типографии, а в это время Тит Мятиков стоял на посту. Готовые листовки Купцов на велосипеде привозил к Катюше. Она их прятала в тайнике, оборудованном в сарае с сеном.

Катюша рассказала, что в Корме гитлеровцы начали расстреливать евреев, причем семьями. В Серебрянке работали четыре сапожника из Свержени. Мы их предупредили об опасности, но спасти не смогли. Вскоре фашисты во рву возле Свержени расстреляли всех евреев, даже грудных детей.

Продолжали принимать молодежь в подпольную организацию. На очередном собрании точно определили обязанности каждого. По рекомендации коммунистов моим заместителем стала Нина Игнатьевна Левенкова, кандидат в члены ВКП(б), учительница. Боевая, острая на язык, она могла одной лишь едкой шуткой поставить на место недисциплинированного. Михаил Прохоров отвечал за сбор и учет оружия, Иван Титович Потапенко — за работу с бывшими красноармейцами, осевшими на зиму в деревнях. Екатерине Савельевой поручили разведку в Кормянском районе, а Марии Потапенко и Нине Кудасовой — в своем, Журавичском. Михаила Лукашова обязали собирать информацию о деятельности полицейских, старосты и бургомистра (его родственник Яков Яниченко служил в полиции и мог выболтать нужные нам сведения). Собирать такую же информацию и передавать ее через Нину Левенкову должен был и Яков Яковлевич Якубов, человек уже в годах, но постоянно сотрудничавший с нашей комсомольской организацией.

На этом же собрании по рекомендации Левенковой приняли в члены нашего подполья Валентину Кондратенко, которая проживала в деревне Маленик Довского сельсовета. Договорились и о подготовке к приему в организацию Михаила Комарова. Он был неразговорчив, но замкнутость эта от природы да еще от лютой ненависти к оккупантам и их при-

спешникам. Михаил отличался самостоятельностью суждений, давал точные характеристики людям. Вскоре он стал хорошим подпольщиком.

4

В середине декабря школа закрылась. Настали холода, а помещение к зиме никто и не думал готовить: не хватало дров, не было чем застеклить окна. Я уже не говорю о тетрадях, карандашах, ручках и чернилах. Их теперь днем с огнем нельзя было отыскать, а «новые власти» и пальцем не пошевельнули, чтобы чем-то помочь школе. В последнее время на занятия в класс приходили по 3—4 человека. Но вот настал день, когда ни один ученик не явился в школу.

Никто не горевал из-за того, что двери школы теперь перекрестили две старые доски, приколоченные огромными гвоздями, никого не беспокоил и высокий сугроб, заваливший школьное крыльцо. Правда, одно было плохо: теперь запросто не пойдешь в Свержень, не встретишься с Журавлевым, а также с Татьяной Федоровной Корниенко. А надо, ох как не терпится: вдруг она уже принесла радиоприемник.

Да, она выполнила задание. В деревне Красница встретилась с коммунистом Алексеем Ивановичем Шукевичем, бывшим судьей Журавичского народного суда. Он познакомил Татьяну Федоровну с учительницами Прасковьей Шантуровой и Брониславой Кохановской, а также с Иваном Порываемым, который, выбравшись из окружения, остался на зиму в Краснице. Радиоприемника у них не было, но они подсказали, что в Гадиловичах проживает радиолюбитель Ваня Макарчиков, который, возможно, сохранил аппарат.

Татьяна Федоровна пошла в Гадиловичи. Мария Козодоева, ее тетя, познакомила с семьей Макарчиковых. Подросток Ваня имел приемник, но в нем сгорели лампы. Их можно было достать только в Рогачеве. Туда отправилась Прасковья Шантурова, связная. Ей удалось достать лампы. Но как пронести их через мост? Гитлеровцы тщательно обыскивали и старого, и малого. Если же поехать на лошади, то перероют всю поклажу, растрясут даже солому.

И все-таки Прасковья Алексеевна решилась.

Длинная вереница людей и подвод выстроилась перед контрольным пунктом. Рослый полицейский в коротенькой черной шинели неторопливо делал свое дело. Чуть в стороне, подпрыгивая от мороза, дымили сигаретами два немца.

Вот и ее очередь. Шантурова широко распахнула полы пальто, лукаво подмигнула:

— Ну давай, дружок, пообнимаемся!

Полицейский хмуро взглянул на нее и стал ощупывать буквально всю. Цепкие пальцы прошлись даже по воротнику,

2 Зак. 2007

залезли под платок. Об одном забыл рьяный служака — о ватных полах длинного пальто...

Сегодня последний день этого черного 1941 года. Как встретить Новый год? Не до веселья, не до радости, когда по шоссе проносятся немецкие тупорылые тягачи — прямо на восток. Не до веселья, но не сидеть же одному при смоляках, которые вместо лампы горят на припечке,— керосина давно уже нет. Пойти к Прохорову: все-таки вдвоем веселее. А там, может, заглянет еще кто из наших.

— Разве он не к тебе пошел? — удивляется Броня, отвечая на мой вопрос, где Миша.— Даже карты захватил на всякий случай.

Я заторопился домой, но сестра Прохорова удержала меня. Если, мол, ушел не ко мне, то он скоро вернется. Посидим, поговорим, а там и Новый год встретим.

Только я присел на скамью, как на краю деревни, у шоссейной дороги, раздался выстрел, за ним — второй.

— Он брал с собой пистолет? — вскочил я и, не дожидаясь ответа, бросился к двери.

Мне казалось, что Михаил что-то задумал и уже открыл стрельбу. Но больше не стреляли. На улице ни человека, лишь во дворе старосты раздавались крики, почему-то мычали коровы. Я подошел ближе, притаился у плетня.

Артем Ковалев на чем свет стоит ругал полицейского Янченко:

— Ну что я теперь скажу коменданту, сволочь ты паршивая? Да повесят же тебя ни за понюшку табака! Это же самоуправство, самосуд настоящий!

— А что он на моем участке распоряжается? — возразил полицейский.— Кто тут власть: я или он?

— Я власть, вот кто...— Староста выругался, закрыл ворота. Слышно было, как громыхнула железная щеколда.— Иди, дурак, проспись!

А сам пошел к мосту, где вот уже несколько недель обосновался немецкий пост. В последнее время Артем Ковалев явно трусил и часто ночевал в дзоте, вместе с охранниками моста.

Полицейский же направился в мою сторону. Я прижался к плетню, затаил дыхание. Но он был в таком состоянии, что даже ясным днем не заметил бы меня.

— Я тут власть, а не ты. У кого пистолет, у того и власть...— продолжал ворчать Янченко, спотыкаясь на ровной стежке, проходившей метрах в трех от меня.

Вдруг позади полицейского увидел темную фигуру. Да это же Прохоров. Точно! Он шел тихо, крадучись.

— Миша!

Он вздрогнул, остановился и сунул руку за пазуху.

— Не узнал?

— Черт тебя носит по ночам,— незлобно проворчал Прохоров.— Я к тебе иду.

— Почему же ие с той стороны? Ты откуда?

— Да тут такое было, смешно прямо-таки...

Оказывается, вечером из Кормы пригнали стадо коров и телок. У нашего старосты большой двор, и скот загнали туда. Стариков-погонщиков оставили на ночь в ближайшей хате. Но тут явился Янченко. К нему начал приставать полицейский, который сопровождал стадо. Слово за слово — и оба схватились за оружие. Первым выстрелил Янченко и убил наповал кормянского полицая. И еще выстрелил, уже вверх — для порядка.

— Так вот я и думаю: придется нам с тобой распорядиться этими коровами и телками,— улыбнулся Михаил.— Один полицай убит, второй пьян, погонщики спят вповалку на полу, а сам староста потопал к охранникам. Ну соглашайся,— Михаил иетерпеливо тормошил меня за рукав.— Значит, не хочешь преподнести господам немцам новогодний подарок?.. Ну что ж, тогда я один.

Прохоров пощупал на груди пистолет: он всегда совал его ствол в нагрудный карман — так, мол, удобнее выхватывать.

— Ладно,— согласнлся я, глазами Арсена Бердникова глядя на будущую операцию. Нет, кажется, он ругать не станет.

Пришлось ждать еще часа два, пока в окнах не погасли желтые блики от смоляков иа припечках. Глубокой иочью мы отбросили тяжелую щеколду иа воротах двора старосты. Под открытым небом скот прозяб, поэтому послушио пошел на улицу. Мы закрыли ворота железной щеколдой. Стадо направили по шоссе в сторону Хмеленца. Пусть коровы и телки разбредутся по кустарнику и лесу. Потом их подберут крестьяне — ие дадут погибнуть...

Утром у колодцев тнхоиько перешептывалнсь соседки. Староста и полицай Янченко не могли поиять, куда исчез скот.

Мне не терпелось пойти к Татьяне Федоровне: по всем подсчетам прнемник уже должеи быть в Свержене. Но непонятным кажется отношение «властей» к случившемуся, и я осторожничаю. Иду сначала к Михаилу самыми людными местами, ио пустынно, тихо на улице. Вдруг вижу: из своей калитки вышелАртем Ковалев, пристально смотрит на дорогу. Но что можно увидеть, если под утро все следы припорошил снежок?

— С Новым годом, господин староста!

— Новый год я признаю только по старому стнлю,— теперь так же пристально он вглядывается в мон глаза, как мннуту назад на заснеженную дорогу.

— Да? — удивляюсь я.— А немцы как отмечают: по новому или по старому?

Некоторое время староста молчит, носком красной бахилы ковыряет снег. Слабая улыбка чуть шевельнула его губы:

— Они меня вчера пригласили. Встретили мы праздник как следует. Был настоящий шнапс... А ты все баклуши бьешь?

— Так школа же закрыта. Вот иду в картишки поиграть.

У старосты вдруг пропадает всякий интерес к моей персоне. Сутулясь, он идет дальше по улице, глядя под ноги.

Уже скоро полдень, а в Серебрянке тишина: ни староста, ни Янченко не ищут невесть куда пропавший скот. Старики-погонщики на подводе уехали домой, в Корму. Значит, «власти» побоялись доносить в комендатуру о том, что этой ночью случилось в Серебрянке.

— А в какую комендатуру им докладывать? — вдруг спрашивает меня Михаил Прохоров.— В кормянскую, в журавичскую или в рогачевскую?

Действительно, кто знает, где пропали коровы? Почему именно в Серебрянке? А может, дальше к Рогачеву, может, еще перед Довском?

Значит, чего же мне выжидать, чего опасаться, ежели утром самого старосту поздравил с Новым годом, если он сам убедился, что дома сижу? А спросит, зачем в Свержень ходил, ответ прост: к дяде в гости.

Михаила Журавлева дома не было, и я огородами пробрался к хате матери Татьяны Федоровны. Там уже полным-полно народу. Многих знал, некоторых видел впервые. Но коль они пришли в этот дом, значит свои.

На огромном столе стояла трехлитровая бутыль водки.

— Милости просим даже опоздавших,— пригласила Татьяна Федоровна Корниенко.

Наполнили рюмки. Хозяйка поднялась со стула. Высокая, стройная, волосы черной волной пенятся на округлых плечах — красавица, да и только!

— Товарищи! — голос ее чуть дрогнул.— Мой тост за прошедший трудный год, за то, что мы выстояли.

И далее я услышал такое, что дух захватило. Татьяна Федоровна сообщила:

— 6 декабря под Москвой наши войска перешли в наступление. Немцы отброшены от столицы! На севере и юге — тоже. Ростов-на-Дону снова наш. Так за победу, товарищи!

Трудно описать эту радость. Все ликовали. Значит, Москва — наша, а Красная Армия развернула наступление!

Я по-доброму завидовал Татьяне Федоровне, что это именно ей удалось принести такую весть. Нелегко ей было добираться до Гадиловичей. Опасность угрожала на каждом шагу.

На сверженской пристани она попала в переплет. Бургомистр Гадиловичской волости (он знал, что Корниенко — коммунист) сам приехал сюда, чтобы руководить заготовкой дров и вывозом их на железнодорожную станцию. Его грубый голос гремел в морозном воздухе, а ременная плеть то и дело ударяла по спинам подводчиков. Татьяне Федоровне удалось прошмыгнуть мимо бургомистра лишь тогда, когда он начал колотить пожилого крестьянина за то, что мало положил дров на сани.

В Гадиловичи добралась лишь под самый вечер. Ваня Макарчиков все еще возился с радиоприемником: паял, менял какие-то провода. А время бежало быстро. Вот и двенадцатый час. Неужели не успеет этот расторопный, не по годам смышленый подросток?

Он все-таки успел вовремя отремонтировать приемник. Перебивая шум, треск, попискивание, раздался далекий родной голос — М. И. Калинин поздравлял советский народ с наступающим Новым годом.

В этот момент кто-то требовательно забарабанил в наружную дверь. Ваня выключил радиоприемник. Хорошо, что сидели в пристройке, отделенной сенями от жилой половины дома. Сюда прямо не могли войти.

Мать Вани выскочила из пристройки и долго не возвращалась. Наконец она вошла, тяжело опустилась на ящик.

— Немцы заходили. Приехала какая-то воинская часть. Трое хотели у нас остановиться, но увидели, что ребенок больной. Тифа боятся... Боятся, а последний десяток яиц забрали гады.

Татьяне Федоровне нельзя было уходить из Гадилович: комендантский час. А утром, слушая последние известия, она записала названия городов, освобожденных Красной Армией.

И вот теперь мы сидим вместе с ней, секретарем подпольной партийной организации, за одним столом. Чуть начатая бутыль водки стоит посередине, обставленная нехитрыми крестьянскими закусками. Голос Татьяны Федоровны звучит вполсилы, и мы тоже тихонько подпеваем. Сначала поем «Интернационал», затем «По военной дороге», «Катюшу». Когда же начали «Из-за острова на стрежень», мне вдруг вспомнился наш сосед Змитрок Кирчевский, который сказал, что и подо льдом речка течет. Будто он, наш сосед, был вот здесь, среди нас, подпольщиков...

На следующий день, как только рассвело, мы начали готовить листовку. В ней говорилось, что гитлеровские войска отброшены от Москвы. Ночью эта листовка появилась на заборах и стенах домов в Свержене, Серебрянке, ближайших деревнях. Часть листовок переслали в Красницу и Гадиловичи.

НЕ ПАЛИ ДУХОМ

1

В феврале 1942 года среди населения распространились слухи, будто немцы отпускают из лагерей военнопленных, если кто-то из родственников или близких знакомых с разрешения бургомистра волости возьмет их на поруки. Вот Катюша Савельева и подумала: а вдруг встретит своих братьев (четверо ушли на фронт) или кого-либо знакомого из Кормы. Поговорили мы и решили: пусть идет в Гомель. Доложили об этом секретарю партийной организации Татьяне Корниенко. Она сказала, что не мешало бы среди военнопленных распространить листовки — вдохнуть веру в победу Красной Армии над гитлеровской Германией.

— Может, в Гомеле Савельева услышит что-нибудь о деятельности обкома партии,— добавила Татьяна Федоровна.

Я написал листовку-обращение к военнопленным. В ней говорилось, что Красная Армия отогнала немцев от Москвы, Ростова-на-Дону, скоро придет свобода на белорусскую землю. Листовка призывала военнопленных при малейшей возможности бежать в леса, создавать партизанские отряды, помогать Красной Армии. Катюша Савельева передала текст Николаю Купцову. Набирали листовку Александр Руденко и Михаил Мельников, а печатал Николай Купцов. Охраняли их Тит Мятников и младший брат Мельникова — четырнадцатилетний Саша. Печатали понемногу, вечером или рано утром, когда отсутствовали работники редакции. Сторожем кормянской типографии был Денис Капустин, дом которого находился по соседству. Нес он свою службу небрежно, делал вид, будто не замечает, что творится в типографии.

Катюша решила идти с Ниной Савельевой. Они спрятали листовки за пазуху, в котомки положили хлеба на дорогу, сухарей для пленных и вышли на большак. 120 километров в один конец — такой предстоял им путь. А тут еще завьюжило, донимал мороз.

Километр за километром шагали они, наконец вышли на шоссе, что ведет в Гомель. Мимо, не останавливаясь, проносились машины, но девушки и не думали «голосовать»: автомобили-то немецкие, за рулем люди в страшной серо-зеленой форме... Даже испугались, спрыгнули в заснеженный кювет, когда рядом резко взвизгнули тормоза. Немец открыл дверку кабины и пригласил в машину.

«Конец, всему конец... На машине русских возят только на расстрел»,— подумали девушки. Но деваться некуда: вокруг — голое поле, а их двое.

— Нах машинеи,— уже более ласково сказал немец и бросил в кузов рогожный мешок.

Девушки расстелили его в пустом кузове, крытом брезентом, и тесно прижались друг к дружке, дрожа от страха и морозного ветра. Думали, почему именио их взяли иа машииу? Людей же миого идет по дороге иа Гомель... Может, знают, что иесут листовки? А не спрыгнуть ли иа ходу?..

Въехали в Гомель. Возле Рогачевского базара Катюша постучала иепослушиой рукой по кабиие. Грузовик свернул вправо и остановился.

— Кальт!? — ие то спросил, не то сказал утвердительно немец.

С 5 часов утра и до темиого вечера Катя и Нииа простаивали у ворот лагеря, из которых машина за машииой вывозила трупы военнопленных, умерших от холода и голода или попавших под очереди автоматов.

— Кто из Кормы? Корма! Корма! Корма! — кричали девушки, когда автоматчики гиали группы военнопленных на работу или возвращали их за колючую проволоку.

Но вряд ли могли услышать эти крики изможденные, в лохмотьях пленные. Несколько десятков женщин так же, как и сестры Савельевы, называли свои деревии и города. Вокруг стоял разноголосый шум. Все плеиные были будто иа одно лицо: сгорбившиеся, худые, заросшие, раздетые и разутые. Если кто падал, тут же железный цокот автомата навеки приковывал его к земле.

Когда одна из женщин сунула какой-то сверток конвоиру и тот замешкался, разворачивая его, Катюша передала сухари военнопленным. Между ними были листовки. А чтобы листовки не выскользнули, сестры перевязали сухари нитками.

Остановились Катюша и Ниша Савельевы в квартире своей тети Екатерины Прибыльской, в двух кварталах от лагеря военнопленных. Для того чтобы найти гомельских подпольщиков, Прибыльская брала с собой девушек на рынок, который располагался возле железнодорожиого вокзала. Они торговали морожеиыми яблоками, пирожками, печеной картошкой, расческами, которые из толстой слюды делала Катюша. Пока покупатель за обе щеки жадно уплетал картошку или пирожок, сестры заводили разговоры о том, что делается в городе. Но больше слушали рассказы людей. А когда удавалось кому-либо из покупателей вручить листовку в виде обертки или просто сунуть ее в карман, тотчас же меняли место «торговли». Ежедневио ходили к ржавой, будто окровавлениой, колючей проволоке, в пять рядов отгородившей военнопленных от внешиего мира.

Савельевы возвратились в Корму только к концу второй иедели. Оии узиали, что в Гомеле есть подполье, что оно действует: сами читали листовки, издаииые патриотами. Но свя-

зи с ними так и не установили. Никого из братьев, даже ни одного человека из Кормы среди военнопленных не нашли. А сами после всего увиденного и пережитого заболели.

2

Почти каждый день заладили оттепели, только ночью все еще держался морозец. При ярком солнце синие сосульки, со звоном срываясь с крыши, дырявили серые слежавшиеся сугробы. Шел к концу март 1942 года.

Мы снова не знали, что творится в мире. Радиоприемник не работал, другого не достали. Еще в первые недели оккупации «новые власти» развесили приказы с черным орлом, который держал в когтистых лапах черную свастику. «Расстрел» — жирным шрифтом выделялось это слово,— такая кара была определена гитлеровцами за укрытие коммунистов и комиссаров, за хранение оружия и радиоприемников.

Но мы не сидели без дела. Некоторые из нас, по совету Т. Ф. Корниенко, начали изучать немецкий язык.

23 марта гитлеровцы собрали в Серебрянке мужчин с пилами и топорами и погнали в сторону Довска. В лесу между Серебрянкой и Хмеленцом заставили срезать деревья на 150 метров от шоссе. Со своими односельчанами были Иван Потапенко, Михаил Прохоров и я.

Сначала охранники придирчиво смотрели, чтобы мы старательно срезали деревья, затем уселись у костра и начали пьянствовать. А часа в четыре построили всех, сказали, чтобы работу закончили к вечеру, дали полицейскому сигарету и уехали в Довск.

Поздно вечером Михаил Прохоров, Иван Потапенко и я пришли на это же место с пилой и топорами. Мы срезали три телефонных столба, перерубили провода. Делали это без опасения: следов в мокром снегу много, а машин на шоссе ночью не было.

В начале апреля гитлеровцы снова погнали жителей Серебрянки на рубку леса — на этот раз к Гадиловичам. Немецкий офицер с солдатами побыли часа два, а затем пригрозили расстрелом, если мы будем лениться, и уехали в Довск, оставив наблюдать за нами одного полицейского. Можно представить, как мы работали: небольшой участок леса рубили три дня. А потом, спустя неделю, глубокой ночью пришли сюда Прохоров, Потапенко и я. На этот раз мы спилили шесть телефонных столбов. Среди населения пошли слухи: не помогают немцам вырубленные полосы, партизанам, мол, лучше маскироваться у поваленных деревьев возле шоссе.

Как только подсохла земля, подпольщики принялись пополнять свои тайники оружием. Теперь наши маршруты про-

легали в соседние, более отдаленные леса. Правда, приходилось подолгу возиться с каждой винтовкой: ржавчина густо покрыла все металлические части. Много времени отнимала чистка и смазка патронов и гранат. И все же наши лесные тайники в апреле — мае значительно пополнились оружием и боеприпасами.

В разгар весны я ушел к сестре Анастасии, в Белев. На ее руках были малые дети, а вырвавшийся из плена муж болел. Уже время вспахать землю да посеять ячмень и овес, посадить картошку. Этим я и занялся. А чуть выпадало свободное время, шел в лес — теплилась надежда, что встречу партизан.

Не встретил. Зато нашел три ржавые винтовки, пять кавалерийских седел и четыре ящика патронов в цинковых коробках. Патроны сверкали яркой латунью, их не надо было очищать от зеленого налета или ржавчины. Ящики и винтовки спрятал в урочище Седнево. Седла же вместе с сестрой схоронили в колхозном гумне. Вырыли возле вереи яму, устлали соломой, положили туда седла, а затем плотно прикрыли их и утрамбовали землей.

Как только управились в поле, я вернулся в Серебрянку.

Однажды к нам в хату заскочили двое. Полицейский, желая выслужиться перед немцем, клацнул затвором и крикнул:

— Выходи, большевистская сволочь!

«Провал! — мелькнула страшная мысль.— Кто-то предал организацию...»

Но вслух, весь напрягшись, как можно спокойнее, сказал:

— Зачем? Куда?

— В Германии рабочая сила нужна, а ты тут развалился... Ну! — Полицай толкнул меня коротким стволом.

— Потише! — повысил я голос, почувствовав, что это не провал.— Какое имеешь право?

С трудом сдерживался, чтобы не вырвать у него из рук карабин. Мать и бабушка запричитали, стали упрашивать гитлеровца не брать меня: один, мол, мужчина в доме, а детей — во-он сколько... Он локтем оттолкнул мать, и та, схватившись за грудь, осела на постель. Я подскочил к ней, поддерживая, чтобы не свалилась на пол.

— Опусти свою... пушку,— говорю полицаю. И к матери: — Вы не беспокойтесь, я скоро вернусь.

Полицейский забросил карабин за плечо, и мы вышли из хаты. На улицу выводили девчат и парней, гнали их к шоссе. У магазина стояли две подводы, возле них расхаживал фельдфебель. Чуть в сторонке в окружении пьяных гитлеровцев стояли более десяти юношей и девушек. Среди них я увидел Зину и Лиду Емельяновых, Аню Хоменкову, Нину

Мельникову, Аню Прохорову. Плачущие матери умоляли полицейских, а те отталкивали их прикладами.

Мой конвоир немного поотстал. Я напряженно думал: «Как поступить, как защитить, выгородить друзей и себя? Если выгонят из деревни, считай, пропали. Если бы со мной был Михаил Прохоров, он что-нибудь придумал бы...»

До белесого аккуратного фельдфебеля всего лишь десяток шагов, не больше. Он стоит рядом с красивой девушкой и что-то ей говорит. Кажется, его не трогает людское горе. Не обращает немец внимания и на Меланью Мельникову, пожилую женщину. Она бросается то к полицейским, то к этому фельдфебелю, то к своей Нине — плачет, умоляет. Седые волосы, выбившиеся из-под старенького платка, треплет весенний сырой ветер.

Вот и сделал последий шаг. Смотрю прямо в голубые глаза на молодом, по-детски веснушчатом лице. Смотрю смело, даже чуть с вызовом, и говорю:

— Господин фельдфебель! Разрешите предъявить мой аусвайс.

Он читает удостоверение и одновременно достает сигарету. Я щелкаю зажигалкой, подношу прикурить. Полицейский, что привел меня сюда, бочком отходит к толпе.

— Господин учитель?

— Яволь!

Фельдфебель возвращает аусвайс, и я почувствовал, что обстановка разрядилась.

— Гут, гут! — говорит немец и подзывает того, который вывел меня из дому, приказывает отпустить.

Полицай возражает, и тогда молоденький фельдфебель наотмашь бьет его по рябому лицу.

И тут, как эхо оплеухи, в ольшанике у реки раздается взрыв гранаты, затем звучат выстрелы из пистолета.

— Партизаны! — крикнул я, мгновенно догадавшись, что это работа Михаила Прохорова.

Тут же нырнул в толпу женщин, оттуда за магазин и рванул на огороды. Всех словно волной смыло с улицы. Женщины и молодежь бросились к своим домам. Гитлеровцы побежали по шоссе к мосту через Рекотянку, в укрытие. И лишь через час вместе с охраной моста они прочесали кустарник у Серебрянки, но там никого не обнаружили. Мы с Михаилом Прохоровым уже бежали в федоровский лес.

Вечером получили хорошую взбучку от Арсена Степановича Бердникова.

— Одно безрассудство! — упрекал он.— Благодарите судьбу, что на молоденького немца нарвались. Стреляного воробья не провели бы!

Мы и сами удивлялись случившемуся. Но удивлялись позже. А тогда, у шоссе, только одно и могли предпринять —

обмануть врагов. И хотя Михаил Прохоров доказывал Арсену Степановичу, что это был единственный выход, что иначе вряд ли удалось бы освободить молодежь от угона в рабство, Бердников только укоризненно качал головой.

Адам Андреевич Бирюков пришел к Татьяне Федоровне Корниенко в иачале июня. Он рассказал о первомайском приказе Народного комиссара обороны СССР И. В. Сталина, поделился опытом борьбы рогачевских подпольщиков, а также принес свежую сводку Совинформбюро. Адам Андреевич поставил задачу — готовить людей для перехода в партизанский отряд, в первую очередь военнослужащих, попавших в свое время в окружение и проживавших теперь в наших деревнях. Их надо обеспечить оружием и боеприпасами. Через месяц, максимум через полтора они должны быть в полной боевой готовности.

Мы сразу же размножили сводку Совинформбюро. Подпольщики расклеили ее во многих деревнях и поселках. А на двери домов старост, полицейских н самого бургомистра прикрепили короткие листовки: «Смерть немецким оккупантам н их помощникам!»

3

Дверь рывком отворилась, и в хату вскочил Иван Селедцов. На рукаве — повязка, в руке — карабин. Быстро метнул глазами по постелям, лавке, дивану. Наконец заметил на печи Василька, шагнул к нему:

— Ну, слазь! Собирайся, голубчик! Пойдем...

У печи глухо ударила кочерга о пол, и мать прижала руки к груди, силясь что-то сказать.

— За что его? — спросил я.

— В Германию отправим на работу,— хрипло ответил Селедцов.— Ну, шнель!

Мать уже суетилась у стола, достала бутылку, припасенную на черный день. Но полицай был неумолим: за стол не сел. Слезы матери и мои уговоры на него не подействовали.

Я увязался за Васильком. Возле шоссе под конвоем стояли человек пятнадцать подростков н девчат, но ни одиого нз Серебрянки не было. Значит, Селедцов специально взял нашего Василька — мстит за меня.

Долгой казалась дорога до Журавич. Я шел обочиной в толпе провожавших: полицейские не подпускали нас к конвоируемым. Шел и думал: «Вот и пропал наш Вася-молчунок (так в шутку прозвали мы его). Как же выручить его? Беда, что все случилось неожиданно. Будь немного больше времени, что-нибудь придумали бы...»

А он — маленький, худенький, самый меньший из всех

конвоируемых — время от времени оглядывался, улыбался и махал мне рукой.

В Журавичах невольников остановили на кладбище, возле костела. Провожавшим разрешили подойти и попрощаться. Мы с Васильком выбрали момент и юркнули в погребальный склеп. Но незаметно выбраться отсюда нельзя. Мы дали друг другу клятву отомстить Ивану Селедцову и тем, кто вместе с ним. Я посоветовал Васильку бежать при первой же возможности.

Он и убежал. В Могилеве в ожидании поезда невольников загнали на второй этаж нежилого дома. Ночью по водосточной трубе Василек спустился вниз, скрылся в подвале. А утром, когда люди стали выходить на улицу, он присоединился к группе женщин, вместе с ними прошел метров триста, затем свернул на шоссе, ведущее на Довск. В сумерках я подобрал его еле живого в ольшанике у Серебрянки.

До поздней ночи я рылся в русско-немецком словаре, чтобы отыскать нужные слова и написать справку, будто у Василька конъюнктивит глаз и поэтому ему запрещается ехать в Германию. Была еще одна, не меньшая забота: нужна печать. Целый день мы с Васильком вырезали такую, как на моем аусвайсе. Много испортили картофелин, пока удалось получить некое расплывчатое подобие печати.

Справку я показал полицаю Селедцову. На некоторое время он оставил нас в покое, даже не направлял в извоз.

Через несколько дней бургомистр перевел волостную управу и полицейский гарнизон из Сверженя в Серебрянку, рассчитывая, что здесь для немецких прихвостней более безопасно: рядом проходит бойкое шоссе, да и в случае чего — ближе добраться до комендатуры.

Такие соседи принесли нашему подполью большие заботы. От нас теперь требовалась исключительная осторожность, осмотрительность. Особенно я боялся за горячего Михаила Прохорова. Об этом и повели разговор на очередном собрании. Вопреки ожиданию, Михаил не возражал, только сказал:

— Я подчиняюсь железной дисциплине.

Теперь связь со Сверженем почти что прервалась. Хоть и рукой подать — каких-то километра три,— но когда по улице расхаживают полицейские, рыщет бургомистр, присматривается ко всему Артем Ковалев, не так-то просто отлучиться из деревни. Сразу же начнутся допросы: куда ходил, зачем, с какой целью? Легко попадешь под подозрение.

Однажды в июле 1942 года ко мне зашел встревоженный Иван Афанасьевич Михунов. Из Журавич пришло предписание — отправить на работу в Германию шестерых юношей. Что делать? Мы вдвоем так и не смогли найти выхода. Нашла его Татьяна Федоровна Корниенко. Партийное подполье

поручило Феодоре Марковой и Григорию Савченко встретиться с бургомистром и предъявить ему ультиматум.

Когда Бычинский приехал в Свержень навестить свою семью, двое патриотов встретились с ним в его доме.

— Тебя не однажды предупреждали, чтобы умерил свою прыть, однако ты не понял нас,— начала Феодора Маркова.

Бургомистр вскочил, будто ужаленный, сунул руку в карман.

— Спокойно, Бычинский, побереги нервы! — твердо сказал Григорий Савченко.— Если ты посмеешь тронуть нас, ни ты, ни твоя свора отсюда не уйдете живыми. Да и семья у тебя....

— Итак, продолжим,— Феодора Маркова уселась в кресло.— Если хоть один человек в волости с твоей помощью будет уничтожен или послан в Германию, ты, как изменник Родины, будешь покаран смертью.

— Что Гитлер потерпел поражение под Москвой, ты знаешь? — с улыбкой спросил Савченко.— Ну а вот этого ты еще не читал, господин бургомистр. Познакомься и прими к сведению...

Трясущимися руками Бычинский взял листок, но никак не мог водрузить очки на широкую переносицу. Наконец металлические дужки зацепились за оттопыренные уши, и бургомистр начал читать то место, которое указал Савченко. Сразу же побледнел, увидев подпись под листком. Это был первомайский приказ И. В. Сталина.

Бычинский еще раз с начала до конца прочел приказ и вдруг уронил листок, низко опустил голову. Надо было кончать затянувшиеся переговоры, и Маркова поднялась с кресла:

— У тебя еще есть время искупить свою вину, Бычинский.

Он тяжело поднялся, поскреб плешивую голову правой рукой и тут же прижал ее к груди:

— Попробую, чтобы не трогали никого. Но... немцам я не указчик.

— Не беспокойся, мы будем все знать: действуют ли немцы вслепую или по твоей указке. Имей это в виду.

Бургомистр сдержал слово. Откупался от коменданта подарками, самогоном, и молодежь пока не трогали. Он же сдерживал, как мог, и кровавый разгул полицаев.

Однако вскоре ничто не помешало полицейскому Кажану подпереть дверь дома матери Татьяны Федоровны Корниенко и поджечь его, а затем стрелять по окнам из винтовки, чтобы никто не вышел живым из бушующего пламени. Только чудом удалось спастись людям, но все пожитки сгорели вместе с домом.

Через два дня после этого случая Татьяну Федоровну на-

вестили члены Рогачевского подпольного райкома партии Адам Андреевич Бирюков и Карп Михайлович Драчев.

Драчев Карп Михайлович... Мужчина лет сорока с лишним, среднего роста, с красивым и приятным лицом. Черноусый, статный, одетый в простой гражданский костюм. Рассудительный, неунывающий, он ободрил наших подпольщиков, но озабоченно сказал, что надвигается блокада, попросил нас быть осторожнее, внимательно присматриваться к происходящим событиям.

Как-то в августе часов в одиннадцать утра прибежал ко мне Иван Потапенко.

— В направлении Сверженя пошли партизаны,— задыхаясь, проговорил он.— Человек тридцать.

Подумав, я удовлетворил просьбу Ивана Титовича Потапенко: послал его на связь с партизанами. Но в Свержене завязался бой. Когда гитлеровцев вышвырнули из деревни, нашего подпольщика нашли убитым. Партизаны вынули наган из правой руки комсомольца Ивана Потапенко.

Это была первая жертва в наших рядах, и мы поклялись отомстить фашистам за своего боевого товарища.

ВСТРЕЧА С ПАРТИЗАНАМИ

1

2 октября 1942 года движение машин на шоссе вдруг прекратилось. Вернее, машины прибывали только со стороны Довска, и сплошная колонна запрудила дорогу. А из Рогачева после полудня не пришло ни одной. Непрерывно сигналя, обгоняя колонну, промчались три машины полевой жандармерии. Значит, случилось что-то серьезное.

Я послал Василька на шоссе, надеясь, что он быстро и точно все выведает. И не ошибся: вскоре братишка возвратился.

— Мост, говорят, зажгли,— задыхался от радости Василек.— Партизаны сделали, говорят.

Какой мост? Видимо, через Рекотянку. Хотя речушка небольшая, но пойма болотистая, и ее никак не объедешь.

Постояв еще часа полтора, колонна грузовиков развернулась и пошла назад, на Довск. В это время прибежал ко мне Михаил Прохоров. Глаза его светились радостью:

— Понял, что такое настоящие партизаны?! А мы — шляпы: не додумались сжечь этот мост.

На следующее утро я зашел к Михаилу, а его и след простыл. Тогда отправился в лес. Долго бродил по глухой чаще, по десятку минут стоял на одном месте, настороженно прислушивался к каждому звуку. Но все напрасно. В лесу

никого не встретил. Как позже узнал, и Прохоров не нашел партизан.

Назавтра, чуть свет, разбудил меня Михаил Журавлев. Он улыбался так, как давно не улыбался,— широко, открыто. Счастьем сияли его глаза.

— Нашел!

— Кого? — спросил я.

— Вчера встретил их, настоящих...

А дело было так. Уже часа в три дня в Свержене знали, что на шоссе партизаны сожгли мост. Журавлев сразу же подался в свой лес, но никого не встретил. На следующий день рано утром, прихватив топор и бечевку, вместе с племянником Ваней Кудрицким снова пошел в лес, будто заготовить смоляков. Долго бродили, порядочно устали. И опять напрасно: партизан так и не встретили. Решили возвращаться домой. Нашли сосновый пень, порубили его на мелкие поленья и побрели в Свержень.

На опушке их окликнули. Из-за толстого дуба вышли двое незнакомых в советской военной форме, с нашими автоматами на груди. «Это — партизаны!» — решил Журавлев и спросил:

— Что, разве начали массовый выпуск автоматов?

Незнакомые быстро переглянулись, старший прищурил в улыбке глаза:

— Значит, служил? И, выходит, воевал, коль знаешь?

— Пришлось,— вздохнул Журавлев.— Да очень немного. Попал в окружение, ранило... А теперь вот дома.

Постепенно пропадала настороженность. Михаил догадывался, какие перед ним партизаны, но все-таки спросил:

— Так это вы вчера на шоссе поработали?

Старший, человек лет сорока, невысокого роста, крепко сбитый, прямо не ответил на вопрос, только улыбнулся. Но этим как-то сразу расположил к себе.

До полудня просидели они невдалеке от опушки, рассказали о положении на фронтах. Незнакомые достали «Правду». Это был июльский номер. Газета, видно, побывала не в одних руках, вся истрепана.

Пока сидели да разговаривали, Ваня Кудрицкий сходил в Свержень, прихватив с собой для отвода глаз ладную охапку смоляков. Возвратился с корзинкой, полной разной снеди.

Когда перекусили, Михаил начал разговор о самом главном — стал проситься в партизаны. Его поддержал Кудрицкий. Но им прямо сказали, чтобы не торопились, подбирали подходящих ребят. Со своей стороны, партизаны хотят ознакомиться с районом.

После этого Журавлев и поспешил ко мне поделиться радостью. Вскоре пришел Прохоров и тоже с восторгом выслушал рассказ Михаила.

Вечером я пошел к Татьяне Федоровне. Корниенко уже знала о появлении этой группы и объяснила мне, что ее специально готовили за линией фронта для развертывания партизанского движения в нашем районе. Так сказали секретарь Рогачевского подпольного райкома партии Семен Матвеевич Свердлов и Адам Андреевич Бирюков, которые и посоветовали командиру группы остановиться на первых порах возле Сверженя и Серебрянки, так как здесь уже есть подпольные организации. Назвали их руководителей — Корниенко, Журавлева и меня.

— Теперь же главное, чтобы в каждой деревне были наши связные,— сказала Татьяна Федоровна.— Надо подумать, кому идти в отряд, а кому остаться вести опасную и сложную работу в подполье.

Потом я многое узнал о тех людях, которые прибыли в Журавичский район для организации вооруженной борьбы с фашистскими оккупантами. 20 июля 1942 года они пересекли линию фронта. Нелегок был путь по оккупированной территории. Но уже действовавшие партизанские отряды выделяли проводников, население помогало продуктами, одеждой, прятало от преследований.

Во главе Журавичской инициативной группы стояли коммунисты. Душой партизан стал комиссар Игнат Максимович Дикан, ранее работавший председателем Стрешинского райисполкома. Уполномоченным особого отдела шел в тыл врага Степан Митрофанович Белых, младший лейтенант, бывший пограничник. Петр Васильевич Будников до войны работал в милиции, а Филипп Карпович Антонов — председателем сельского Совета. Оба кандидата в члены партии, наши земляки. Правда, Антонов присоединился к группе в Кировском районе, куда ушел от преследования немецких властей. В инициативной группе его назначили начальником штаба.

Ближайшими помощниками коммунистов были комсомольцы Василий Трубачев, Юрий Лазарев, Виктор и Аркадий Ковалевы, Иван Герасимов, Игорь Савицкий, Семен Скобелев, Алексей Барковский, Александра Трубачева. В группу входили и двое пожилых — беспартийные Николай Голушков и Николай Гервасев.

Начали с выяснения обстановки, налаживания связей с местным населением. Хорошо, что трое были жителями этого района, знали людей. В первый же день прибытия на территорию района партизаны сожгли мост через Рекотянку. Он днем не охранялся, и операция не требовала риска. Да и провели ее ровно в полдень, когда немцы с педантичной точностью обедали.

Три партизана во главе с Василием Трубачевым, белорусом, из Мстиславльского района, в тот же день ушли в поселок Хвощ. Побывали в каждой хате, поговорили с людьми,

выяснили их настроение. Все жители поселка ненавидели «новый порядок», все предлагали свою помощь партизанам. Каждый норовил накормить, положить в вещевой мешок хлеба, сала, пару луковиц. Кто дал пилу, кто топор, нашли «лишние» ведра, миски и ложки. Мол, обживайтесь в нашем лесу.

Комиссар похвалил Трубачева за то, что начал с главного — с хорошего отношения к местным жителям.

2 октября 1942 года Антонов и Скобелев пошли в деревню Хмеленец. Думали встретиться с Самуилом Павловичем Дивоченко, бывшим инструктором Журавичского райкома партии. По сведениям Антонова, он знал, где расположены склады оружия, боеприпасов, одежды и обуви, которые создавались накануне оккупации района для партизанского отряда. Но Дивоченко дома не оказалось. Остерегаясь гитлеровцев, он часто уходил в Старый Довск к свояку Антону Крошину. Тот был старостой деревни, и скрываться там было безопаснее.

Зато в Хмеленце Антонов и Скобелев встретились с коммунистом Максимом Антоновичем Автушковым. Он тут же стал проситься в партизаны. Антонов дал ему пока задание: во что бы то ни стало разыскать Самуила Дивоченко и свести с инициативной группой.

Через неделю партизаны снова решили выйти на боевую операцию. В Хмеленце был небольшой по численности гарнизон. Автушков доложил, что гитлеровцы ежедневно бражничают, отнимают у крестьян продукты, одежду, скот.

Партизаны ворвались в казарму поздним вечером, когда немецких служак окончательно обессилил хмель. Двое гитлеровцев оказали сопротивление и тут же были убиты, трое пленены. Народным мстителям достались карабины, патроны и гранаты.

10 октября в группу приняли коммунистов Ивана Афанасьевича Михунова, Григория Федоровича Савченко и комсомольца Михаила Петровича Журавлева. Чтобы «новые власти» не терроризировали их родственников и односельчан, партизаны подняли стрельбу, а подпольщики пустили молву, что, дескать, погибли хорошие люди от рук неизвестных — то ли от наезжих полицейских, то ли от партизан.

2

Под вечер 10 октября мы с Михаилом Прохоровым бродили по лесу недалеко от Серебрянки. Нас окликнули.

Трое вооруженных стояли возле ели. У одного автомат на груди, у двух короткие карабины за плечами. Лишь один из троих в военной форме — тот, что с автоматом. На двух

же — обычные телогрейки, подпоясанные ремнями с патронташами и гранатами.

Хотя мы искали этой встречи, теперь отчего-то растерялись. Вдруг Прохоров бросился к тому, что с автоматом на груди:

— Дядя Филипп!

— Ну как вы тут? Как мать, сестры?

— А вы... вы партизан, дядя Филипп? — еще не верилось Михаилу.— Вот здорово! Вот так встреча!

Родной дядя Михаила Прохорова явно был каким-то начальником: ведь на груди — автомат. Мы начали просить, чтобы он взял нас с собой.

— Да вы что? Кого ни встретишь — знакомого, незнакомого, родственника,— каждый просится в партизаны! Так, пожалуй, партизан будет больше, чем деревьев в лесу!..

Михаил знакомит меня со своим дядей.

— Антонов,— говорит тот и крепко жмет руку.— Ну а теперь познакомьтесь с моими товарищами.

— Скобелев! — молоденький паренек вытягивается по стойке «смирно», будто перед ним какие-то командиры. Я завидую ему: только золотится пушок на подбородке, а гляди — уже партизан.

— Ковалев,— спокойно говорит второй и после паузы добавляет: — Аркадий. У меня есть тезка по фамилии, но имя его Виктор.

Мы присели на желто-золотистую листву возле клена. Он чем-то напоминал то дерево, под которым прошлой осенью Михаил нашел ручной пулемет. И меня потянуло за язык:

— У нас и оружие есть свое, даже пулеметы, так что можете принять нас в отряд.

— Это хорошо,— улыбнулся Антонов,— что есть свое оружие. Оно нам пригодится. Передайте его Скобелеву. А сами, ребятки, организуйте молодежь в подпольную организацию.

— Да она есть у нас,— признался Михаил.— Уже больше года действует.— И кивнул на меня: — А Дмитриев — наш подпольный секретарь.

— Это очень хорошо, что есть такая организация. Ну а чем занимаетесь?

Перебивая друг друга, мы начали рассказывать. Старались показать себя такими боевыми хлопцами, что хоть в огонь и воду, а не только в лес. Но Антонова не так-то просто было уговорить. Он сказал, словно отрубил:

— Вот и хорошо. Так и впредь держать!

Прошло добрых два часа, пока мы передавали оружие Скобелеву. Антонов посоветовал нам носы не вешать.

— А теперь задание: следить за шоссе. Нам надо знать, что подвозят немцы к фронту, какие части проходят. Запи-

сывайте номера на машинах, запоминайте знаки. И еще: попадется немецкая газета, листовка, плакат — передавайте нам. Это нужно для контрпропаганды. Ну и, конечно, готовьте людей.— Видя, что мы совсем приуныли, Антонов добавил: — Ничего, ребятки, скоро и вас возьмем в партизанский отряд.

Он поправил портупею и автомат.

— Ну а теперь организуйте нам встречу с Власом Прохоровым. Только так, чтобы подальше от полицаев,— и широко улыбнулся: — Знаете, не люблю внеплановых встреч с этими «бобиками».

Филипп Карпович спросил у меня, кого из комсомольцев-подпольщиков мог бы рекомендовать для связи. Я назвал Михаила Прохорова, Нину Левенкову, Марию Потапенко и Катюшу Савельеву.

— А кто такая Савельева? — спросил Антонов.— Фамилия что-то незнакомая.

— Она из Кормы.

— Это хорошо, очень даже. Надо и в соседних районах иметь связных.

Антонов придержал меня за локоть и, когда мы отстали от других, тихо сказал:

— Посоветуюсь с командованием и, по всей вероятности, решим так: партизаны будут брать сведения у всех, кого ты назвал, а к нам на связь будешь ходить один лишь ты, секретарь. Ну а теперь скорее к Власу, дело есть.

Как узнал я позже, Антонов передал Власу Прохорову поручение И. М. Дикана оформить в Серебрянке подпольную партийную организацию. Вскоре ее создали. В нее вошли кроме самого Прохорова Терентий Балабаев, Петр Михеенко, Бердников, который был переведен сюда из Сверженской организации. Тут ему поближе, а главное — Арсен Степанович по-прежнему шефствовал над нашей комсомольской организацией.

Дня через два полицейские установили, что из Сверженя бесследно исчезли Журавлев, Михунов и Савченко. Они отправились на месте выяснить этот факт, а заодно заготовить продукты.

О прибытии полицейских в Свержень узнали партизаны и решили дать им бой. Народные мстители пробрались в поселок огородами. Дружным залпом ударили по группе гитлеровцев у молокосборочного пункта. Трое, что были на улице, упали замертво. Остальные выползли из здания на противоположную сторону и побежали к Рекотянке, а оттуда — к шоссе. Награбленное врагами добро партизаны возвратили хозяевам.

3

Я сидел возле перекрестка двух квартальных просек в Сверженской лесной даче. Было тихо, только монотонно шумел ветер в верхушках деревьев, и листья падали на землю. Неожиданно в стороне послышался еле уловимый шорох. Вскоре он перерос в приглушенные осторожные шаги. Сюда шли четверо. Сразу узнал Антонова и Скобелева. Они познакомили меня с Диканом. Долго тряс мне руку Игнат Максимович. Я только проговорил:

— Здравствуйте, здравствуйте!

И глядел в его серые приветливые глаза, на морщинки, что густо избороздили высокий лоб, красиво окаймленный темно-русыми волосами. Бледное лицо его было гладко выбрито. Я волновался так, что не знал, о чем говорить.

— Познакомьтесь! — Дикан представил Степана Митрофановича Белых.

Этот — действительно богатырь. Высок, строен, красивая военная осанка, взгляд серо-голубых глаз открытый и в то же время строгий. Будто Степан Митрофанович пристально присматривался, чтобы верно, без ошибки оценить тебя... Он пожал руку — крепкое пожатие.

— У нас есть общие вопросы к тебе, есть у каждого из нас и отдельные задания, так что поговорить придется обстоятельно.

— Я готов. Но... очень прошу взять меня с собой в партизаны.

— С собой? — улыбнулся Степан Митрофанович.— Вот поговорим, потом решим, как дальше быть.

Я рассказал о делах комсомольского подполья, поделился опасением по поводу угроз старосты, который составил списки коммунистов, рассказал, что сестра старосты намерена отнести эти списки в комендатуру.

— Думаю, что сегодня ночью надо уничтожить изменников Родины,— сказал я и изложил план операции, выработанный нашими подпольщиками.

— План-то хорош,— ответил Белых.— Но выполните его чуть позже. Нам Ковалевы нужны только живыми. Так что ждите указаний на этот счет.

— Есть! — не очень-то обрадованно ответил я.— Передадим их вам живыми. И сами пойдем с вами.

Но Дикан решительно заявил, что мы важнее там, в Серебрянке. Только в случае смертельной опасности нас возьмут в отряд. И еще предупредил: все действия согласовывать с партизанами.

— Понятно...— окончательно разочаровался я.

А мне так хотелось уйти вместе с ними, вместе с этим молодым партизаном Семеном Скобелевым, с которым за

несколько встреч мы успели крепко подружиться. Да и надоело, осточертело постоянно быть среди гитлеровцев — притворяться, обманывать, улыбаться, когда хочется плюнуть в рожу. Сбежал бы, кажется, на край света.

Но приказ есть приказ. Дикан недаром сказал:

— Ты — партизан и будешь выполнять здесь все наши приказы. Так решило командование. Таково поручение коммунистов.

Затем Дикан рассказал, как надо вести агитацию среди населения, а Белых долго инструктировал, как работать в стане врага, каким путем передавать информацию партизанам.

Кандидатуры связных, которые я рекомендовал Антонову, обсуждали каждую в отдельности и одобрили. Вновь подтвердили, что я буду связным между подпольными партийной и комсомольской организациями, с одной стороны, и партизанской инициативной группой, с другой. Дали дневной и ночной пароли на ближайшую неделю. Я заучил их. Дневной: два раза поднять руку вверх и один раз выбросить вправо. Ночной: оклик — «Москва», ответ — «Мушка». Я был горд таким поручением, однако оно требовало предельной осторожности и точности во всем.

Еще было задание: выявить в деревнях Довского и Курганского сельсоветов бывших бойцов, командиров и политработников Красной Армии, вырвавшихся из окружения и концлагерей и временно осевших там, но лично не вступать с ними ни в какие связи.

Таким образом, наша подпольная комсомольская организация теперь должна была расширить зону своей деятельности.

СОРАТНИКИ И ВРАГИ

1

Почти каждую ночь сам или наши связные-подпольщики встречались с партизанами. Мы старались распространить правду о том, что делают народные мстители, если они нам это поручали.

Инициативная группа доставляла немало хлопот оккупационным властям. Полевая комендатура сначала, видимо, считала, что действует группа, временно остановившаяся на территории района. Но с каждым днем росла активность партизан. Оккупанты чувствовали, что вооруженная борьба в районе расширяется, что в нее вовлекается все больше и больше народа. И начали предпринимать меры. Связные донесли, что гитлеровцы посылают своих людей не только в

соседние деревни, но даже в лес под видом грибников — как раз настало время опят.

— А не пора ли нам, товарищ комиссар, их наказать,— предложил Трубачев Игнату Максимовичу Дикану.

— Правильно говоришь, командир. Пора!

Группа партизан под командованием Юрия Степановича Лазарева направилась в деревню Борхов. Ночью провели разведку, но неудачно: она наткнулась на вражеский пост. Гитлеровцы, оказывается, усилили охрану. Вторая попытка тоже не принесла успеха партизанам.

Тогда Лазарев приказал бойцам отдыхать, а сам стал на пост. Возвращаться, не выполнив задания, он не мог. Решил ждать утра в надежде встретить кого-либо из местных жителей, обо всем их расспросить.

Солнце поднялось над лесом, туман скатился в ложбины и почти рассеялся, а никто из жителей деревни не появлялся. Командир группы уже решил поднять ребят, посоветоваться, что же делать, но тут заметил на дороге подростка, вышедшего из деревни. Он тащил легкую двухколесную тачку, направляясь к опушке леса.

— Ты что, на самом себе дрова будешь возить?

Малыш вздрогнул, остановился.

— А на ком же? — Он недружелюбно глянул из-под мохнатой шапки, по размеру отцовской. Ни дать ни взять — некрасовский «мужичок с ноготок», только не в тулупе, а в зеленой на вате фуфайке.— А на ком же? — повторил он и с ног до головы оглядел Лазарева.— Немцы коня забрали, вот и приходится на себе.

— А почему отец не поехал по дрова?

Подросток шмыгнул носом и поправил топорик, засунутый за ремень:

— Нету отца...

— В полиции, значит?

— Кабы в полиции, я не таскал бы дрова... Вчера хотел ехать, так не пустили. Сами вот здесь сидели, партизан ловили...

— А сегодня как же разрешили?

— Поехали во-он в тот лес,— подросток махнул рукой в противоположную сторону.

— Так-таки все и уехали? — усомнился Лазарев.

— Да нет, не все: в хате бургомистра четверо осталось...— И, как взрослый, авторитетно добавил: — Глушат самогон который день подряд.

Сказал и покатил свою тачку.

— Погоди, парень! Ты помог бы нам: покажи, где гитлеровцы пьянствуют.

Подросток кивнул головой: мол, коль надо, так надо.

Тачку спрятали в кустарнике, а сами пошли в молодой

сосняк, где вповалку прямо на земле спали партизаны. Минут через десять подросток уже вел их в Борхов. Вскоре партизаны оказались возле огородов. Напротив одной усадьбы подросток остановился, сказал:

— Вот в этом доме...

До него было метров сто пятьдесят. На просторном дворе стояло четыре велосипеда, прислоненные к забору.

— Ну, спасибо тебе! Бывай здоров! — Лазарев отпустил подростка.

И только тогда, когда партизаны ринулись через плетень и под ногами запылил мягкий картофельный участок, он вспомнил, что так и не спросил имя этого юного проводника. Но было уже поздно.

На крыльце дома бургомистра вдруг появилась женщина, глянула в огород и, прижав руки к груди, бросилась в дом. До двора оставалось не более полусотни метров, когда на крыльцо выскочил гитлеровец и тут же выстрелил раз, затем — второй. Лазарев схватился за руку и присел.

— Скобелев, Журавлев! Заходите с улицы! — приказал командир группы, опасаясь, что враги могут уйти через окна.

И вот по всем окнам и двери застрочили автоматы, ударили из СВТ.

А когда все смолкло, на полу в доме бургомистра валялось пять трупов: четверо в черной форме и пятый в штатском — сам хозяин.

2

Две недели октября ушло на усиленную разведку и налаживание связей с деревнями и поселками, которые прилегают к шоссе. Дело в том, что какие-то войска остановились во всех населенных пунктах от Довска до Рогачева. Что это за части, с какой целью они вдруг здесь остановились? На отдых ли?

Подбором связных и разведчиков занялись главным образом Дикан, Трубачев, Антонов, Белых и Будников. Им помогали Журавлев, Михунов, Савченко. Не остались в стороне от этого важного дела подпольщики — коммунисты и комсомольцы. Мы то подсказывали кандидатуры, то сами шли на связь с верными людьми, давали им задания, то проверяли с помощью хорошо знакомых тех, кому уже дали поручение партизаны.

Дикан через Скобелева поручил мне уточнить, можно ли доверять Марии Степановне Нестеренко — жительнице деревни Хвощ. Комиссар случайно встретился с ней в лесу, разговорился о житье-бытье. И она рассказала, что гитлеровцы взяли на учет весь скот, даже кур. Подсчитали, сколько молока должна дать корова, сколько снести курица яиц.

— Все это — в их ненасытную глотку: и сало, и яйца, и молоко, и зерно, и грибы, и ягоды. А теперь вот что выдумали: подавай им лекарственные травы, полушубки и валенки снимн и положи. Солому, сено, дрова вези и сам иди работай на них,— Марня Степановна всердцах сплюнула.— И все дай, дай, дай. А не то автоматом в грудь тычат, к стенке ставят.

— Ну а если подумать и не дать им ннчего, а? Кроме вот этого...— Днкан сложнл известным образом пальцы.

— Думали. Как же не думать? Хоть н грозятся, да двум смертям не бывать, одной не миновать... Вот и прячем все в землю. Выроем яму, доскамн да соломой обставим — н туда. А если что снлой заставят, то для внда кое-что даем. Вчера вот вместо сена осоки завезли.

Дикан сказал, что правнльно делают в Хвоще: пусть голодают оккупанты, пусть болотную осоку жрут их кони. А вот партизанам надо помогать.

— Да мы рады всей деревней кормить вас, нашн родненькие, обмывать, одевать.

— Спасибо, Марня Степановна! Но сейчас нам не пища и одежда нужна, а верные люди, которые могли бы жнзнью рисковать. Ну, скажем, сходить в соседнюю деревню, а то и в самые Журавичи, разузнать все, что требуется. На мужчнну обратят вниманне, а женщина или подросток везде пройдет.

— Да я готова хоть сейчас. Риск? Так сейчас везде рискуешь: война... У меня на фронте братья воюют, вот им и подмога от меня. Вдруг того вы убьете, который на фронте мог бы убнть моих... Так что вы не сомневайтесь. Ежели не сама пойду, так найду, кого послать, а что надо — сделаем!

Мария Степановна пошла в Довск разузнать, что за часть остановилась там, какое у нее вооружение, какне машины, в какую форму одеты солдаты и офицеры, что онн предпринимают. А я отправился в Хвощ проверить, можно ли полностью доверять ей. Мои хорошие знакомые Серафнма и Иван Ковалевы сказалн: можно, это честная советская женщина.

Так и стала партизанской связной Мария Степановна Нестеренко. А потом и мужа — Федора Степановнча — вовлекла в эту опасную работу.

По рекомендацин Сверженской и Серебрянской партнйных организаций партизанскими связными стали старая учнтельннца коммунист Феодора Тнмофеевна Маркова, беспартнйный Онуфрнй Федорович Шаройко и его дочерн Наталья и Елена, семья Кудрицких — Мария, Иван, их дети, семья Татьяны Федоровны Корнненко, моя и многне другие.

В октябре 1942 года Феодора Маркова выполнила первое задание партизан: организовала встречу бургомистра

Бычинского с Диканом, Антоновым и Белых. Бургомистр долго просил партизан учесть то, что никто из населения не казнен, не угнан в Германию.

— Это само собой,— заметил Белых.— Но пойдем дальше. Передайте нам всех полицейских с оружием. Вы останетесь по-прежнему бургомистром и по мере иадобности будете снабжать нас продуктами, удостоверениями личности, накладнымн для провоза продовольствия. Ну и, конечно, мы должны знать все, что намереиы предпринимать «новые власти».

Бычинский сначала задумался, но в конце концов согласился работать на партизан. В тот же вечер он выписал документы жене начальника штаба Антонова на ее девичью фамилию н разрешение на право жительства в Серебрянке. Кстати, все члены семьи Антонова стали связными — сама Дарья Кузьминична, сыновья Виталий и Веня, дочь Таня.

Об этой семье и самом Филиппе Антонове нельзя не сказать подробнее. На второй день оккупации в деревне Хотовня, где жили Антоновы, фашисты казиили колхозного бригадира, коммуниста-орденоиосца Андрея Клюева вместе с заведующим Домом культуры Данилой Макаренко, затем расстреляли секретаря комсомольской организации Петра Прикотенко и его мать.

Филипп Карпович с истребительным батальоном отступил в другой район, пробыл там несколько дней. Туда должны были прийти руководители будущих партизанских групп. Но онн не пришли. Как после выяснилось, одни были убиты во время бомбежки, другие ушли с отступавшими частями Красной Армии.

А фашисты продолжали творить свое черное дело: расстрелялн председателей сельских Советов Ивана Дегтярева в Болотне и Анатолия Познякова в Звонце. Значит, нельзя быть в своей деревне ни семье, ни ему, бывшему председателю местного Совета. И Антоновы переезжают в деревню Шмаки Кировского района. Хорошо одно: на руках была справка, что Антонов пробирается из тюремного заключения. А в военном билете он заблаговременно заменил листки, и этим удалось скрыть принадлежность к ВКП(б).

Вскоре Филипп Карпович установил связь с кировским подпольем и стал начальником штаба группы самообороны, которая являлась резервом 537-го партизанского отряда. Командовал им С. И. Свиридов.

Ну а потом Аитоиов пошел с инициативной группой в Журавичский район. Семья осталась в Шмаках. Дарью Кузьминичну вместе с детьми чуть не схватили каратели в лесу во время блокады. Поймали только меньшенького — Веню, но по дороге ему удалось бежать.

Без теплой одежды, в чем были, когда скрывались от ка-

рателей, жену и детей Антонова привели в партизанский лагерь посланные отсюда наши связные. И вот теперь, в осенние холода, Таня в легком платьице жмется к матери, чтобы согреться. Игнат Максимович Дикан отдал девочке свой джемпер.

— Вот вам, Дарья Кузьминична, документы,— передал Дикан бумаги с печатями, написанные бургомистром.— Будете теперь, правда, не Антоновой, а снова Прохоровой, зато законной жительницей Серебрянки.

Виталий, сын Антоновых, вскоре вступил в нашу комсомольскую организацию. Да и вся семья начальника штаба партизанской группы стала для подпольщиков своей, родной.

3

Эх, Серебрянка, Серебрянка! На твоих улицах золотой, а не серебряный народ живет. Цены им нет, твоим людям, трудолюбивым и боевым, терпеливым и настойчивым. Они могут поддержать и наказать, помочь и отказать даже в кружке воды из своей тихой речки Серебрянка. В зависимости от того, что ты за человек.

Единодушие — вот мерило с незапамятных пор, мерило старожилов. Стоило появиться в деревне двоедушному человеку, как люди изгоняли его, словно уничтожали прыщ на здоровом теле. Так было до войны, такой закон остался и в тяжелую годину фашистской оккупации. А они-то, эти прыщи, вдруг повыскакивали наружу — староста Артем Ковалев, полицейский Иван Селедцов. Непонятно, как оказался в полиции считавшийся порядочным человеком Яков Янченко.

Помнится, как только они показали свое поганое нутро, мой дедушка, старый колхозник Степан Кабанов, сказал:

— Вот и еще болячки-прыщи выскочили на свет божий. Остерегайся их, внучек: такие бывают хуже ворога-супостата. Больше, чем немец, знают нас, нутром своим поганым чувствуют: или мы — их, или они — нас.

Он помолчал, прижмуривая выцветшие глаза, будто вглядываясь в что-то далекое.

— Забыли, совсем память отшибло, что Россию-матушку никто не покорил. Запомни мое слово: эти вражьи прихлебатели сами хлебнут горя.

Вспоминаю, как Полина Лукашкова при всем народе чихвостила Якова Янченко, своего родственника:

— Не очень-то старайся! Его, немца, можно и обмануть. Выкручивайся, как вьюн, а людей в обиду не давай. А не то самому придется выкручиваться, как гаду ползучему, перед своим народом. Да не выкрутишься. Дудки!

Нельзя сказать, что слова всегда отрезвляюще действова-

лн на гитлеровских служак. Но все же людские попреки порою сдерживали Якова Янченко: он время от времени проявлял нейтралитет при выполиеиии приказов оккупаитов, иногда помогал людям в беде.

Упорно и долго не поддавался второй прыщ — полицай Иван Селедцов. Этот любил властвовать, демонстрировать свое преимущество. Расстреливать евреев в Свержеие — он готов. Ставить людей к стеике, бить ногой в живот, а рукой под грудь, если кто заперечит,— опять он. Но вылечил народ и эту болячку.

Однако не прыщом, а злокачественной опухолью был в Серебрянке Артем Ковалев, сельский староста.

В первую мировую войну он попал в плен к немцам, а затем — на работу к одному помещику. Каторжная это была работа: приходилось гнуть спину от утреиней зари до поздней ночи. Привык и к свекловичной похлебке, и к оскорблениям, и даже к побоям. Был у гроссбауэра дом в два этажа под черепицей, были сараи. Все вычищено до блеска, нигде ни соринкн, ни паутинки. И коровы, и свиньн лоснились. Даже в курятнике чистота, ие говоря уже о дворе.

Правда, все это делал не сам хозяии, а Артем Ковалев с шестью русскими пленными, которые ели и спали в свободном стойле тесной конюшни.

«Вот самому бы так зажить! — все время думал Артем Ковалев.— А что? После войны доберусь на родину и заведу коров, свиней... Да и хозяин что-иибудь пожалует: ведь ие напрасно тяну — три года скоро, а платы никакой. Дал бы телушку-пеструшку — пешком повел бы иа поводке. Породистые! У нас таких нет. Вот тогда посмотрели бы в Серебрянке, на что гож Артем Ковалев».

Не дал ничего немец-помещик русскому плениому. Даже рабочую одежду приказал снять, почистить и повесить в сарае: дескать, пригодится еще. Выдал ои Артему такое барахло, что повесь в огороде как пугало — не то, что воробьи, собаки шарахнутся в стороиу.

На обмениом пункте военнопленных, когда молоденький комиссар призывал солдат, находившихся в плену, строить новую жизнь и очень красиво рассказывал о ней, думал: «Вот бы иа вольной земле и отгрохать такое хозяйство, как у бауэра...»

Неплохо зажил Ковалев только в колхозе: заработки хорошие, детей можио в город посылать учиться, в доме появились швейная машина, велосипед. Плен стал забываться. Только иногда, когда переест на ночь или лишнюю чарку возьмет, снилось ему не само хозяйство, а помещик-бауэр: будто он бьет страшиыми кулачищами, а у Артема руки и ноги отказали — ни защититься, ни с места сдвииуться...

И вот снова война с ними, с немцами. Теперь-то уж не плен, а только оккупация. Это — ого-о! — не сравнишь. А что, если?..

На стук в дверь немецкий офицер недовольно крикнул что-то.

— Разрешите, господин комендант? — лысоватый русский замер на пороге в полупоклоне.

Коменданта удивила не столько собачья покорность, сколько то, что эти слова были сказаны на его родном языке.

— О-о, да-да! Входите, входите!

Так оказался Артем Ковалев на посту старосты в Серебрянке. Укреплял свою власть кулаком и угрозой, точно выполнял немецкие приказы о заготовке продуктов, поставке рабочей силы и не забывал в то же время единолично распоряжаться оставшимся колхозным добром.

Вскоре особое внимание старосты привлекли комсомольцы и коммунисты. Комсомольцы хотели охладить его пыл: через жену, через сына Артура, в сущности неплохих людей, несколько раз предупреждали. Даже прикалывали на дверях дома записки. Но все это еще больше разжигало ненависть старосты.

По указке Артема Ковалева для «великой армии фюрера» полицейские забирали хлеб, картофель, сало, молоко, яйца, полушубки, валенки. Это он посылал людей в извоз с фуражом под Вязьму, на рытье окопов под Юхнов и Ярцево. Ни просьбы, ни подкупы, ни угрозы — ничто не помогало. Староста признавал только приказы оккупантов.

Осенью 1942 года Ковалев вместе с сестрой Груней открыл в Серебрянке школу. Видимо, прошлогодний урок со Сверженской не пошел впрок. Учителей и учеников взяли на строжайший учет, принуждали идти на занятия. Среди них были серебрянские подпольщики. Партизанское командование решило не дать возможности врагу калечить детские души. Надо было развалить работу и этой школы.

НАРОД ВСЕ ВИДЕЛ, ВСЕ ЗНАЛ

1

Спокойная, вся в крупных звездах, ночь плыла над тихой речкой Серебрянка. Только изредка всплеснет щука в заводи, и снова ни звука, ни шороха. Я сидел у куста развесистой ракиты, ждал партизан. Уже начал было беспокоиться, не случилось ли чего по дороге, как чуткую тишину нарушило кряканье селезня. Чуть в стороне эти звуки будто бы повторило эхо. Я тоже отозвался, правда, кряканье вышло каким-то хриплым: видно, озяб у реки.

Подошли Антонов, Будников и Журавлев. Мы собрались посетить отдельные деревни — подобрать связных, поговорить с людьми о переходе в партизаны.

Начали с Рискова. В этой деревне жила сестра Петра Будникова — Агафья. Подошли к ее дому, и Петр Васильевич постучал в окошко.

Агафья вскочила с кровати, спросонок подбежала к двери, положила на задвижку руку, но открывать не стала. А если это не Фома, а немцы или полицаи? Ее Фома с первого дня войны в Красной Армии. Но приходят же люди из окружения, а некоторые из плена. Агафья стояла у двери минуты три. Мы обождали, а потом Будников постучал снова — уже тихо, осторожно.

— Кто там?

— Свои. Открой, Агафья! — негромко попросил Будников.

Она услышала знакомый голос, но не торопилась отодвигать щеколду.

— Фома дома или нет? — уже в полный голос спросил Петр Васильевич.

Агафья узнала деверя, отворила двери настежь.

— А Петенька ты мой,— тихо заплакала она, обнимая Будникова.— Сначала я не узнала. Ну заходи, заходи в хату!

— Да я не один, с товарищами.

«С товарищами»,— значит, с нашими пришел, и Агафья обрадовалась.

— Заходи и с товарищами... А от Фомы-то с сорок первого ни одной весточки. Ушел и как в воду канул...— только теперь ответила на вопрос Петра Васильевича.

Остаток ночи мы проговорили с солдаткой, а может, и вдовой — кто знает... Агафья согласилась помогать партизанам. На рассвете мы легли отдохнуть на чердаке, а она пошла в деревню Хизов Кормянского района, чтобы вызвать на встречу жену Будникова, которая там с тремя детьми скрывалась от гитлеровцев.

Под вечер мы незаметно выскользнули из хаты, вышли огородами за околицу. По дороге на Каменку встретили полицейского дедловского гарнизона Стефана Белоусова. Петр Будников до войны в этом сельсовете работал участковым уполномоченным милиции и, конечно, узнал Стефана. Нам рассказали, что Белоусов обижает население — не только грабит и бьет, но и расстреливает. На его совести смерть нескольких красноармейцев, попавших в окружение. Он доставил их в комендатуру и сам же расстрелял. Белоусов считался в комендатуре образцовым полицейским. Вот и сейчас, встретившись с нами, он схватился за винтовку, но был обезоружен. Ну и, конечно, понес кару как предатель Родины.

На опушке леса возле Каменки снова неожиданная встреча — с Иваном Белоусовым, полицейским из того же гарнизона.

— Да вы тут, сволочи, вольготно себя чувствуете! — Журавлев прищуренными глазами впился в Белоусова.— Уже вечер, а они расхаживают себе...

— А если это специально? — твердо спросил Белоусов. Этот полицай не походил на прежнего, держался с достоинством.— Если я вам скажу, что рад встрече, вы не поверите? Но я хочу делом доказать, что ненавижу эту службу, да и не по доброй воле попал в гарнизон... Передам вам оружие и патроны, только возьмите с собой.

Вместе с Белоусовым пошли на опушку. Из-под кучи хвороста он достал пять винтовок (две из них были полуавтоматическими) и ящик патронов. Да, не стал бы Иван Белоусов прятать оружие, если бы верно служил оккупантам. И все-таки... Все-таки это могло быть провокацией.

— Вообще-то мы верим тебе,— сказал Петр Будников.— Я знаю тебя еще по довоенному времени как честного человека. Знаю, что в полицию поступил не добровольно — заставили. Но взять с собой не можем.

Ему поручили выявить в гарнизоне единомышленников, которые в любое время могли бы помочь партизанам. Белоусов согласился и сказал, что сейчас принесет из Дедлова еще пять винтовок.

Новое место встречи назначили возле бани, что стоит между Дедловом и Курганьем. Условились, что на один партизанский выстрел, если все будет благополучно, он даст два и подойдет к бане.

Белоусов отправился в гарнизон, а мы — в лес, к тому месту, где должна быть жена Петра Будникова.

Хрупкая, худенькая женщина терпеливо ждала встречи в неуютном осеннем лесу, встречи с тем, кого уже не чаяла видеть. Ведь Петр Васильевич отступил с последними частями Красной Армии, за день до оккупации района.

Уже через час мы знали о положении в Хизове, Берестовце и ближайших к ним деревнях. Как везде, там гитлеровцы лютовали, но чувствовали себя безнаказанными, потому что партизаны еще не появлялись.

— Надо встряхнуть там холуев,— предложил Антонов.

Вскоре группа направилась в обратный путь. Невдалеке от места, где условились встретиться с Белоусовым, Петр Будников дал выстрел. В ответ прогремели два. Оставив в прикрытии меня и Журавлева, Будников и Антонов осторожно пошли к бане. Здесь их уже ждал Белоусов. Он передал, как и обещал, еще пять винтовок и попросил разрешения сбегать домой еще за несколькими.

Вернулся он очень быстро и только с одной винтовкой.

Оказывается, из-за наших условных выстрелов гитлеровцы подняли тревогу. Белоусов попросился разведать это направление.

— Уходите немедленно, силы неравные,— посоветовал он.

Честным, советским человеком оказался Иван Андреевич Белоусов, а позже — и замечательным, бесстрашным партизаном.

Связные, подпольщики, а затем и командование тщательно отбирали людей, прежде чем пополнить ими ряды народных мстителей. Во второй половине октября в партизанскую группу влились коммунисты Татьяна Федоровна Корниенко, Самуил Павлович Дивоченко, Максим Антонович Автушков, комсомольцы Матвей Шаройко, Кузьма Черненко, Александра Шкалникова, Николай Шаньков, беспартийные Леонид Падунов и Арсений Нестеров. Все пришли с припасенными винтовками, а Кузьма Черненко — с ручным пулеметом и запасными дисками к нему.

Новое пополнение сразу же включилось в вооруженную борьбу с оккупантами. Уже на второй день Автушков и Дивоченко с группой партизан разгромили полицейский участок в Юдичах, убили четырех изменников, захватили оружие и боеприпасы. Вместе с партизанами ушел Федор Подобедов, который помог народным мстителям ликвидировать это гнездо.

Последний вечер октября тоже принес успех партизанам. Большая группа их прибыла в Курганье. Наши подпольщики Прохоров, Потапенко и Лукашков по моему заданию заблаговременно уточнили адреса, где нашли пристанище красноармейцы, выбравшиеся из окружения. Партизаны за полчаса собрали двенадцать бывших бойцов. Все до одного с радостью пошли с народными мстителями. Там же задержали бургомистра Пешеконова и старшего полицейского Богдана. Однако выяснилось, что они — связные Рогачевского партизанского отряда. Дикан и Белых дали им задание оставаться на своих местах и держать связь не только с рогачевским подпольем, но и с журавичским. Народные мстители с помощью Пешеконова и Богдана загрузили свои подводы мукой, зерном, солью и другими продуктами, приготовленными для немецкой армии.

В дедловском гарнизоне каким-то образом узнали, что в Курганье действуют партизаны, и гитлеровцы сделали вылазку. Однако засада, которую народные мстители заблаговременно устроили, открыла по ним огонь. Четверо фашистов было убито, а шестерых раненых унесли в гарнизон.

Дикан встретился с коммунистами из Дедлова — Иваном Краснобаевым, Марком Мачечей, Иваном Новицким — и дал им задание создать подпольную партийную организацию.

В нее позже вошли Алексей Шукевич, Тимофей Кончиц и другие. Они-то и повели разъяснительную работу среди населения и тех, кто по каким-либо причинам оказался на службе у оккупантов.

В начале ноября была создана партийная организация в Рнскове. Ее возглавили Вера Короткевич и Игнат Кудасов. В Новом Довске во главе партийного подполья стала Агафья Толкачева.

2

Если в деревне не было коммунистов, то Игнат Максимович Дикан прилагал все усилия, чтобы создать комсомольское подполье. В Федоровке его возглавил Николай Бердников, в Канаве — Полина Кулакова и Семен Шикаров, в Хотовне — Евгений Аниськов, в Борках — Иван Свистунов, в Зимнице — Полина Данилова, в Ямном — Николай Денисков, в Перекопе — Василий Афанасенко, в Юдичах — Софья Троцкая. Комсомольцы-подпольщики оказывали влияние не только на несоюзную молодежь, но и на все население.

Начался массовый прилив молодежи в партизанский отряд. Так, 1 ноября юдичские комсомольцы отправили в ряды народных мстителей семь человек.

Коммунисты и комсомольцы — с оружием в руках и без него — показывали образцы мужества и бесстрашия в борьбе с фашистами и их пособниками.

В начале ноября группа партизан комсомольца Василия Трубачева на участке железной дороги Гомель — Жлобин спустила под откос эшелон противника, следовавший на фронт. Комсомолец Игорь Савицкий с группой молодых бойцов совершил дерзкую операцию, которую впоследствии в отряде приводили в качестве примера. Как раз на разборе ее присутствовал и я.

Дело было так. Долго наблюдали ребята за железнодорожным участком, подыскивали наиболее удобное место для диверсии. Наконец возле Тощицы нашли перегон с уклоном. Заложили стокилограммовые авиационные бомбы на расстоянии ста двадцати метров одну от другой. Вставили взрыватели, хорошо замаскировали. В кустарник, что рос на окраине болота, провели шнуры и тоже замаскировали их.

Несколько часов подрывники терпеливо ждали воинский эшелон. Они слышали громкие голоса патрулей, а когда рассвело, увидели, как те спрятались от проливного дождя в бункер.

Наконец послышался далекий гудок, приглушенный стук колес. Впереди эшелона шла дрезина. Конечно, не для того партизаны мокли и мерзли, чтобы взорвать только ее. Ре-

И. М. Дикан

С. М. Белых

Ф. К. Антонов

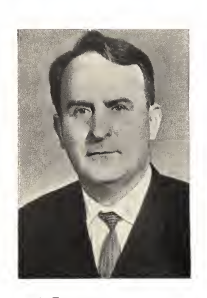
И. М. Гаврилов

К. М. Драчев

П. В. Будников

А. А. Бирюков

М. П. Журавлев

С. П. Дивоченко

Т. Ф. Корниенко

И. А. Михунов

Ф. Л. Журавлев

К. Ф. Черненко

М. Г. Гризлов

В. Б. Павлов

В. М. Аникиевич

Е. И. Езепов

М. М. Прохоров

П. П. Пушкарев

А. Ф. Шкаликова

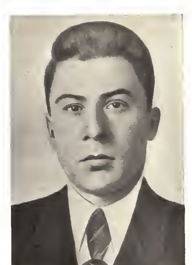
М. А. Дмитриев

Е. В. Савельева

Н. И. Левенкова

И. Т. Потапенко

Н. И. Язикова

М. Т. Потапенко

В. А. Дмитриев

В. Ф. Антонов

Я. Я Якубов

М. Н. Комаров

шили взорвать бомбы, когда паровоз взойдет на первую из них. Длинный состав из пассажирских и товарных вагонов с большой скоростью приближался к этому месту.

Биение сердца, казалось, заглушало перестук колес. А тут еще паровоз начал подавать гудки. Группа Савицкого насторожилась: не обнаружила ли охрана поезда сидящих в кустарнике партизан? Но не сыпанули искры из-под тормозных колодок. Видно, машинист гудками просил обеспечить свободный путь на разъезде.

И вот Игорь Савицкий резко дернул за шнур. Показалось, что в тот же миг небо раскололось. Яркая вспышка полоснула по глазам, а затем осколки металла и крупный щебень зашелестели в кустах.

Когда открыли глаза, увидели, что первые вагоны напирали на паровоз, уже окутанный клубами пара, наезжали друг на друга и катились в кювет. Затем резко ударило в хвосте поезда, и треть эшелона отрезало черное облако. Через миг из него вылезли изуродованные вагоны и будто нехотя сваливались по высокому откосу в болото.

Вскоре стало тихо. И только сейчас партизаны услышали стоны раненых, крики обезумевших от ужаса уцелевших фашистов. Но вот раздался одиночный выстрел, затем зацокал автомат, второй...

Савицкий подал команду, и группа, проваливаясь в болотное месиво, начала отползать по ольшанику к лесу.

Назавтра связные сообщили, а Свердлов — секретарь Рогачевского подпольного РК КП(б)Б — запиской на имя Дикана подтвердил, что в Рогачеве на мебельной фабрике гитлеровцы срочно заказали две сотни гробов. В эшелоне, оказывается, везли на фронт после отдыха офицеров вермахта. Во время взрыва было уничтожено и повреждено два паровоза и больше десятка вагонов. Гитлеровцы расстреляли из железнодорожной охраны тех, кто в тот день нес патрульную службу, а также несколько железнодорожных рабочих в Рогачеве и Тощице.

Перед строем И. М. Дикан от имени командования объявил благодарность группе Игоря Савицкого, призвал всех бойцов и командиров и впредь так бить фашистов.

Сразу же после партизанской линейки на шоссейные дороги Гомель — Довск и Довск — Рогачев отправились группы комсомольцев Кузьмы Черненко и Ивана Герасимова. Они уничтожили легковую машину и грузовик. Еще три немецких офицера и шесть солдат нашли себе смерть на белорусской земле.

Вечером Михаил Журавлев передал распоряжение Дикана подготовить листовку для населения. С ее текстом я должен был явиться в отряд.

Вместе с Ниной Языковой составил листовку. В ней на-

3 Зак. 2007

писали об успехах партизан, назвали места операций и потери гитлеровцев. Подписали кратко: «Партизаны». Такие листовки-молнии оказывали большое влияние на людей.

В отряде Дикан сказал мне:

— Отныне все задания на составление листовок будешь брать в основном у меня.

Сводки Совинформбюро получали от Рогачевского подпольного райкома партии, где секретарями были С. М. Свердлов и И. Т. Зуевич, а членами бюро А. А. Бирюков и К. М. Драчев. Партизаны отряда Драчева дислоцировались главным образом на левобережье Днепра, это облегчало передачу всех необходимых пропагандистских материалов. Радисту Николаеву было поручено обеспечивать нас сводками Совинформбюро. Связная комсомолка Лена Шаройко доставляла их партизанам. Сводки обычно зачитывали на линейке. Многие материалы Совинформбюро передавались в подпольные партийные и комсомольские организации для распространения среди населения. Мы переписывали их от руки.

Почему мы были вынуждены прибегнуть к помощи рогачевских товарищей? Дело в том, что инициативная группа Журавичского района не имела своей рации. Связь с ЦК КП(б)Б и Белорусским штабом партизанского движения она осуществляла через отряды, действовавшие в Кличевском районе.

В день 25-й годовщины Великого Октября в Шапчицкую дачу Журавичского района прибыли партизаны Карпа Михайловича Драчева. Кроме сводки Совинформбюро рогачевские товарищи принесли выписки из принятого по радио доклада Председателя Государственного Комитета Обороны на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся совместно с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1942 года.

Шел мокрый снег, дул пронизывающий ветер, а две длинные шеренги партизан выстроились на поляне. Выступил комиссар И. М. Дикан. Он горячо поздравил народных мстителей с праздником, рассказал о событиях на фронте и от имени командования объявил благодарность всем отличившимся в боях. Комиссар объявил благодарность и подпольщикам. Мне, присутствовавшему на этом необычном митинге, было приятно слышать, что и мы вносим свой вклад в общенародное дело. Затем Игнат Максимович подвел итоги боевой деятельности отряда. Около двух с половиной тысяч гитлеровцев и их пособников нашли себе смерть на нашей земле в результате диверсий на шоссе, железной дороге и разгромов вражеских гарнизонов.

— Это хорошая помощь Красной Армии, которая в труднейших условиях ведет бои с немецко-фашистскими захват-

чиками,— сказал комиссар.— Есть твердая уверенность в том, что партизанские силы умножатся. Залогом этого — всенародная поддержка нашей борьбы, наши резервы в народе.

Затем мы долго сидели у костров, вспоминали и мирные дни, и боевые будни. Тут же под треск сырого валежника заводили песни — довоенные песни.

Но праздник праздником, а о делах не забывали. Кончались боеприпасы, и группа в пять человек во главе с Арсеном Степановичем Бердниковым (он только накануне перешел в партизанский отряд) отправилась на двух подводах в Буда-Кошелевский район. Подпольщики узнали, что недалеко от деревни Лозов, в лесу, находятся склады оружия и боеприпасов, которые в 1941 году оставили фронтовые части, оборонявшиеся на участке Жлобин — Рогачев. Попав в окружение, красноармейцы не смогли вывезти их. Население скрывало от оккупантов местонахождение складов, хотя везде были расклеены приказы, обязывающие сдавать каждую винтовку, каждый патрон.

Группа Бердникова вернулась в лагерь с двумя доверху нагруженными подводами. Станковый и два ручных пулемета, пятьдесят винтовок, десять тысяч патронов, два ящика гранат — вот какие «трофеи» достались ей. Командование приказало Арсену Степановичу подготовить еще семь подвод для поездки в лозовский лес.

Тогда же было принято решение о передислокации лагеря. Партизаны длинной цепью шли на юг, вдоль болота. Я шел вместе с ними. Остановились километрах в трех от деревни Хвощ, в урочище Воронка, возле небольшой лесной речушки, из дна которой били ключи. Решили устроить здесь временный лагерь. В теплое время это куда проще: выбирали место посуше, подстилали мох, ветки и ложились в обнимку с винтовкой. Крышей служили густые кроны столетних деревьев. Когда же заладили нудные холодные дожди, стали делать шалаши.

Поздняя осень 1942 года сама устала от дождей. Земля будто наотрез отказалась принимать влагу. Болота налились через край. Вокруг новой партизанской стоянки была одна вода, и земля словно растворилась в ней.

Перемена в погоде пришла неожиданно. За считанные часы все изменилось. Северный ветер зябко прошелся по полям и лесам, сбросил последние капли дождя и пригнал сюда налитые холодным свинцом низкие тучи. К вечеру они, казалось, зацепились за вершины елей, распороли на них свое мутное нутро, и повалил снег. Лужи потускнели, уплотнились, а ночью их схватил мороз.

На рассвете уже пылали костры, но набрякшая водой, а теперь задубевшая одежда только дымилась от яркого пла-

мени и, казалось, утратила способность даже чуть-чуть согревать.

К Дикану подошел Арсен Бердников, спросил:

— Как зимовать будем, комиссар? Партизан по хатам не расселишь. Не то, что самим опасно, а люди из-за нас опасность примут...

— Прикажите — срубим землянки,— предложил Максим Автушков, самый старший из партизан. Ему недавно исполнилось 54 года.

Комиссар собрал всех коммунистов и командиров групп к своему костру. Долго обсуждали, где строить зимовье. И все-таки решили, как предложили Дикан, Антонов, Трубачев,— здесь. Отсюда рукой подать до перекрестка шоссейных дорог Могилев — Гомель и Пропойск — Рогачев, недалеко и от железной дороги Гомель — Могилев. Значит, работы для всех — хоть отбавляй!

К вечеру в лагере появились топоры, пилы, лопаты. Меня ночью доставили в Серебрянку, и к утру наши подпольщики передали партизанам четыре пилы и три лома. Через два дня, когда я снова пришел на связь, здесь уже построили шесть землянок, начали еще четыре.

Партизанские землянки... Были они дороже любых дворцов. На нарах или прямо на полу из отесанных жердей, при печурке из 40 кирпичей да при коптилке — «катюше» — можно было отогреться в любой трескучий мороз, почистить оружие, просушить обувь и одежду, даже почитать книгу или истрепанную газету месячной давности.

— Мир вам, партизанские землянки, война гитлеровским дворцам и дзотам! — шутил, перефразировав известное изречение, весельчак Юрий Лазарев.

На устройство «зимних квартир» ушло почти четверо суток. Срок малый, если учесть, что отряд вел в это время и боевые действия.

Как мозоль, мешала партизанам патрульная машина, курсировавшая по шоссе на участке Довск — Серебрянка — Гадиловичи. Наши подпольщики точно установили, когда она обычно появляется, а группа Николая Геврасева сделала засаду. Машину подожгли, и десятерым гитлеровцам не удалось уйти от народных мстителей.

Через два дня Нина Юшкевич и Кузьма Черненко пошли к разъезду Тупик, что у самого Рогачева, удачно поставили мину. Но пришлось пропустить два поезда: один — с лесом, второй — порожняк. Ждали эшелона с живой силой или воинским грузом. Только под самый вечер показался нужный поезд. Шел он тихо, будто крадучись. Валил снег крупными хлопьями, видимость была плохая. Но немецкая охрана то ли заметила партизан, то ли случайно, на всякий случай, открыла огонь по кустарнику, где сидели партизаны.

Опасно поднять голову, а иаблюдать-то иадо, чтобы вовремя дернуть за шнур.

Миил сработала чуть-чуть раньше времеии, поэтому паровоз не был подорваи, а вместе с первыми четырьмя платформами, груженными автомашииами, сошел с рельсов и опрокинулся в кювет.

И. М. Дикаи предложил созвать первое партийиое собрание партизанского отряда. Оио состоялось 18 иоября 1942 года. Коммунисты избрали в бюро Игната Максимовича Дикана, Степана Митрофаиовича Белых, Самуила Павловича Дивоченко, Ивана Афаиасьевича Михуиова и Арсеиа Степановича Бердиикова.

20 ноября на заседаиии партбюро Журавичскому партизанскому отряду решили присвоить иомер 256. Вскоре Белорусский штаб партизанского движеиия присвоил ему имя Сталина.

Партийное бюро учло просьбу комсомольца Василия Трубачева, который тяжело заболел и, времеино, пока поправится, освободило его от должиости комаидира отряда. На его место утвердили лейтенанта Степаиа Митрофаиовича Белых — иинициативиого, храброго, в любой обстаиовке хладнокровиого коммуииста. Комиссаром остался Игиат Максимович Дикаи, а его помощииком по комсомолу стал Юрий Степаиович Лазарев. Начальником штаба утвердили Филиппа Карповича Аитоиова, начальником особого отдела — Петра Васильевича Будникова. Командирами рот назначили Семеиа Михайловича Скобелева, Федора Тимофеевича Ермакова и Аидрея Федоровича Козырева.

ПОЕДИНОК

1

Повышеиие активности партизан всерьез обеспокоило немецкого комеидаита в Журавичах. Для него уже ие было сомиеиий, что ие какая-то группа, иашедшая времеиное пристанище в местных лесах, а иастоящее боевое подразделеиие и дием и иочью ведет борьбу с оккупантами, нападает иа проходящие к фроиту воинские части. Комендант приказал начальиикам гариизонов регулярно прочесывать леса. Но успеха это не прииесло.

Между тем иаши связные и разведчики уже подбирались к Журавичам. Оии вели работу по разложению райоииой полиции. Партизанский отряд готовился разгромить ее.

Вечером 21 иоября командоваиие получило от своего связного Горбацевича доиесеиие, что на следующий день в Красногорку приедут самые жестокие каты — начальник

полиции Никитин и начальник тюрьмы Пухтунов. И хотя деревня находится рядом с районным центром, партизаны решили не упустить такого случая.

Алексей Барковский, Кузьма Черненко и Николай Шаньков глубокой ночью вышли из лагеря и направились к Красногорке, засели в засаде за околицей. Изменники не предполагали, что возле Журавич могут оказаться партизаны. Они выехали без охраны, а вооружены были только пистолетами.

Схваченный под уздцы Алексеем Барковским конь стал. Предатели не успели сообразить, в чем дело, не успели схватиться за оружие, как вынуждены были выполнить приказ Кузьмы Черненко — поднять руки. Их разоружили и на той же подводе доставили в партизанский лагерь. На допросе Никитин и Пухтунов всячески выкручивались, старались уйти от ответственности, пытались оправдать свои злодеяния тем, что действовали не по своей воле, а по приказу немецкого коменданта и полевой жандармерии. Партизанский суд приговорил их к высшей мере наказания.

22 ноября Будников с небольшим подразделением разгромил волостную управу и полицейский участок в деревне Хизов Кормянского района. Люди подсказали партизанам, куда спрятались немец, трое полицейских и староста. Их нашли. Комсомольцы деревни обещали Будникову подготовить для поступления в отряд большую группу молодежи.

Тогда же произошло еще одно событие. Начальник особого отдела отряда П. В. Будников сообщил мне, что в Серебрянку приглашен заместитель начальника полиции Павел Ларьков, чтобы завершить с ним переговоры об уничтожении журавичского гарнизона. Нашим подпольщикам велели охранять место встречи — дом Власа Леонтьевича Прохорова.

Вечером Ларьков приехал в Серебрянку в сопровождении своего помощника Олисюка и полицейского Лесневского. Вскоре пришли Белых и Дикан с двумя партизанами. Во время переговоров Ларьков и Олисюк согласились сдать весь журавичский гарнизон. Они обещали поставить у пирамид с оружием надежных людей и тем самым лишить гитлеровцев возможности защищаться.

Оставалось договориться о сроках выполнения операции и еще о некоторых деталях, но на улице послышалась ружейно-пулеметная стрельба. Переговоры пришлось прервать.

Как выяснилось позже, взвод гитлеровцев возле Серебрянки наткнулся на партизанское охранение, открыл беспорядочную стрельбу и ушел в гарнизон — на мост через Рекотянку. Полицейский Лесневский во время перестрелки убежал из деревни и доложил коменданту, что Ларьков и Олисюк встречались с партизанами в доме Власа Прохорова.

Белых и Будников послали ко мне на ночь Ларькова. И только в полночь, когда хватились, что нет Лесневского, я вынужден был направиться в партизанский лагерь, чтобы выяснить, как поступать дальше.

Утром события уже приняли опасный поворот. Комендант вызвал к себе старосту Ковалева и его сестру Груню. Они подтвердили показания Лесневского и, более того, передали списки семей серебрянских коммунистов.

23 ноября гитлеровцы схватили коммунистов Власа Леонтьевича Прохорова, Петра Фроловича Михеенко, беспартийных Николая Тереховича Сафронова и Спиридона Герасимовича Бакова. Одновременно в Журавичах арестовали заместителя начальника полиции Павла Григорьевича Ларькова. Их всех увезли в Чериков.

Об этом проговорилась Груня Ковалева, директор школы в Серебрянке. Она хвасталась, что сам комендант приглашает ее поехать в Чериков на очную ставку с коммунистами.

— Так что пусть еще с недельку поживут в Серебрянке другие, невыявленные коммунисты,— смеясь, сказала она, бросив прищуренный взгляд в мою сторону.

Слушая эти разглагольствования, думал, как убрать Груню Ковалеву. Конечно, труда особого нет, но нужно так сделать, чтобы никто не пострадал за эту гадину. Даже вот сейчас можно. Но я помнил приказ партизан: «Ковалева нам нужна живая!»

Я мучился оттого, что не имею права убить ее, что из-за нее прольется кровь честных людей, патриотов. Вот завтра она поедет с комендантом в Чериков... Нет, сегодня, только сегодня ее убрать!

— Что вы задумались, господин Дмитриев,— долетает до меня голос Груни, и лишь теперь замечаю, что не в тетрадь смотрю, а в окно на лес за околицей.

— Приглашен вечером на именины. Кстати, и вы, кажется, тоже приглашены... Вот ломаю голову, какой преподнести подарок. У Михаила Никодимовича Лукашкова будут только члены семьи да коллеги по работе. Выпьем немного, повеселимся. Не все же делами заниматься. Правильно? Вы пойдете?

Ее стали приглашать учительницы, все наши подпольщицы — Нина Левенкова, Нелли Кильчевская, Нина Языкова, Евдокия Комарова.

— Да что вы меня зовете? — кокетливо заупрямилась Груня.— Именинник-то не приглашал...

Перебивая друг друга, мы начали доказывать, как Лукашков закрутился-завертелся с подготовкой стола, к тому же ее, директора, не было в школе, когда он всех приглашал. Даже наказывал вот так коллективно просить.

— Не отказывайтесь,— сказал я, когда все замолчали,

Наконец Ковалева сдалась:

— Хорошо, я приду. Но схожу предупрежу брата, что сегодня задержусь и приду несколько позже.

Ковалевы, боясь партизан, по-прежнему уходили на ночь в гарнизон на рекотянский мост.

Мне, Левенковой и Язиковой домой идти вместе, и мы вышли на заснеженную улицу.

— Что ты задумал? — спросила Язикова, и голубые глаза ее засветились в предчувствии чего-то особого. Она любила необычное и опасное.

— Миша даже не знает о своих «именинах»,— озабоченно говорю я.— А нужно, чтобы были эти именины.

— Что надо сделать? — Коли коснулись дела, для Нины Игнатьевны Левенковой главное четкость, точность. Она рисковать не любила, хотя никогда не трусила.

— Сейчас около трех дня, значит, остается чистого времени только пять часов. Я подготовлю семью Михаила Лукашкова, предупрежу, что у них, мол, сегодня праздник. А вы, девушки, побеспокойтесь насчет стола. Все должно походить на настоящие именины: подарки, выпивка, закуска, тосты, поздравления, карты и, конечно, музыка.

— Все будет,— сказала Язикова.— Ты делай главное: чтобы знали они,— она кивнула в сторону леса.

Нашему подпольщику комсомольцу Михаилу Лукашкову долго объяснять план не требовалось.

— Будет все сделано! — словно отрапортовал он.

Михаил пообещал поговорить с матерью, а братишке Николаю и сестренке Нине рассказать, как надо вести себя на «именинах».

От него я тотчас же пошел к Михаилу и Броне Прохоровым. Они все еще жили на берегу Серебрянки, в колхозной бане, скрытой от деревни густым ольшаником. Чем не самое лучшее место для встречи партизан, когда те пойдут к нам? Прохоровы должны их встретить.

Под предлогом, что для именин нужна водка, я на подводе отправился по шоссе в сторону Довска, а через километр свернул на санную дорогу в Юдичи, оттуда — в Хвощ.

Вот и партизанский лагерь. Просторная штабная землянка, посередине стол из наскоро сколоченных досок. И Белых, и Дикан, и Будников как раз на месте. Подробно информирую их, излагаю свой план. Они одобряют его. С тех пор как назначили Будникова начальником особого отдела, его задания стали для меня обязательными.

2

«Именины» шли как по сценарию. Полина Архиповна, мать Лукашкова, умела угостить, создать непринужденную обстановку, чудесно рассказывала разные забав-

ные истории, которые всегда были к месту, вызывали веселье. Чуть охмелев, мы принялись петь песни, конечно, народные. Какие же еще?

Потом танцевали под музыку надтреснутых, охрипших пластинок. А партизан все нет и нет. Я уже опасался: а вдруг что случилось по дороге? Но вот раздался громкий стук в дверь. Тишина моментально воцарилась за столом.

Дверь протяжно скрипнула, впустила клубы морозного воздуха и показался... полицейский Яков Янченко. Уж действительно принесла его нечистая сила!

А Ковалева обрадовалась. Она тут же взяла инициативу в свои руки. Запела «Последний нонешний денечек», потом пошла танцевать «барыню» и «сербиянку», даже принялась гадать на картах.

— Вот черт, второй раз пришел туз пиковый и такая же десятка с шестеркой! — жаловалась она, а я боялся, что вдруг испугают ее карты и Груня уйдет.

— Да вы же сами — пиковая дама, вот и приходят все одной масти,— стараюсь убедить Ковалеву.

Она еще раз бросила — трефовая масть осталась на столе.

— Никого не боюсь! — капризно заорала она, уже изрядно охмелев.— А кого мне бояться?!

Будто в ответ на ее слова, раздался стук в окно. Все смолкли, насторожились. Я взглянул на ходики: было одиннадцать часов вечера. Поздненько же, однако...

Еще резче, требовательнее повторился стук. Из-за стола поднялась хозяйка дома, а за ней полицейский Янченко. Я увязался за ними. В коридоре посоветовал Янченко лезть на чердак: мол, не бойся, не выдадим. Тут еще и хозяйка подтолкнула к лестнице полицая, и он покарабкался наверх.

Вдвоем с Полиной Архиповной вышли во двор. У стены стояли Семен Скобелев, Иван Герасимов и Аркадий Ковалев.

— Слушайте меня,— прошептал я.— Двое — с нами в дом, один — в охранение. Для вида надавайте всем подзатыльников. У двери не жалейте пинков. Да еще пригрозите, чтобы не веселились, когда вокруг люди плачут. А Груню Ковалеву поблагодарите, что изъявила желание добровольно пойти в партизаны. Да еще вот что: на чердаке сидит полицейский Янченко, его не трогать. Он будет невольным свидетелем.

— Понятно,— ответил Скобелев.— Пошли!

Через несколько минут все участники «именин», получив подзатыльники и пинки, повыскакивали на улицу и, как ошпаренные, побежали к своим домам. А Ковалеву партизаны уводили под руки.

Меня же до самого дома сопровождал Иван Герасимов, с которым мы успели подружиться.

— Да покрепче ругай меня,— шепчу ему.— И бей как следует. Во-он, видишь, кто-то навстречу идет.

— Ну, ладно, попробую разочек.— И тут так дал мне в грудь, что я очутился в сугробе.

Спустя четверть часа я входил к Прохоровым в низкую дверь бани. Тут уже были Антонов и Бердников. Они крепко пожали мне руку. Арсен Степанович сказал, чуть улыбнувшись:

— Чисто сработали.

Услышав это, Груня Ковалева упавшим голосом залепетала:

— Теперь я пропала. Опоздала...

Очная ставка Ковалевой с коммунистами, томившимися в застенках жандармерии в Черикове, сорвалась.

На следующий вечер партизаны обошли каждый двор в Серебрянке — собирали советские деньги и облигации государственных займов на строительство танковой колонны «Партизан Белоруссии». Хозяевам в конце беседы говорили:

— Ну, спасибо! Мы пойдем в соседнюю хату, а вы уж отнесите деньги и облигации во-он той дамочке. Да вы ее знаете — Груня Ковалева. Она в свою сумку собирает. Хоро-ошая у нее сумка!

И каждый видел на улице, освещенной луной, группу партизан и с ними женщину в пальто и шапочке, с сумкой точь-в-точь, как у Груни Ковалевой.

— Правда,— говорили потом люди,— Груня ни слова не сказала, а гроши и облигации взяла и в сумку положила. Вот оказывается, какая она, эта Грунька, Артемова сестра.

3

Гитлеровцы приехали в Серебрянку через день. Всех нас, участников «именин», водили на допрос в дом Якова Янченко. И не только нас — допрашивали многих односельчан.

Все утверждали одно и то же. Да, была вечеринка; приказала организовать Ковалева. Как же ты не послушаешь директора, к тому же сестру старосты? Да, сама начинала песни и всем приказывала петь... Потом участников вечеринки избили, а она пошла с партизанами под ручку. Что и говорить, скрытно работала на большевиков, как, наверное, работает и ее брат, староста...

— А правда ли, что она приходила вместе с партизанами? — допытывались гитлеровцы.

— А как же! Видели люди. У всех подряд брала деньги и облигации.

Показания участников «именин» сверили с показаниями полицейского Янченко, бургомистра Бычинского и тех, кого

вызывали на допрос. Расхождений не было. Гитлеровцы укатили в Чериков, так никого и не арестовав.

А спустя день подпольщики отправили в Чериков жен Власа Прохорова и Петра Михеенко. Мы составили письмо, и односельчане подписались, что никакой встречи партизан с заместителем начальника полиции Ларьковым и его помощником Олисюком в доме Прохоровых не было и что все арестованные — вовсе не коммунисты. Это все придумала Груня Ковалева, которая недавно сама сбежала к партизанам и вместе с ними теперь грабит жителей Серебрянки.

Бургомистр Бычинский, как и полицейский Янченко, твердо перешел на сторону партизан. Он подписал ходатайство на «примерных граждан Прохорова, Михеенко, Сафронова и Бакова», просил отпустить их домой.

Старосту Артема Ковалева вскоре вызвали в журавичскую комендатуру. Длинным и тяжким оказался для него тот разговор. Ему, который ранее считался самым исполнительным и примерным служакой, комендант не верил. Но Ковалев вымолил у него десять дней сроку, чтобы найти настоящих виновников.

Сразу же по приезде он зашел к нам.

— Где моя сестра? — грозно, с налитыми кровью глазами, наступал Ковалев на меня.— Отвечай!

— Я не стану в таком тоне разговаривать с тобой. Садись к столу, успокойся, а потом начнем разговор.

Он присел на табуретку, долго молчал, но вскоре повторил тот же вопрос, правда, более спокойно:

— Где моя сестра?

— Я отвечу, но сначала поправь обрез, он выпирает из-под полушубка. Не дай бог, сам себя поранишь, а потом скажешь в комендатуре, что я стрелял.

Ковалев метнул на меня колюче-злобный взгляд, но все-таки поправил обрез.

Я не стал тянуть время.

— На допросе говорил и сейчас повторю: не знаю, где она. Могу лишь предполагать,— взглянул на него искоса, чуть улыбнулся.— Но ты-то зачем у меня спрашиваешь? Отлично знаешь, что она жива-здорова и воюет против немцев...

Лицо Ковалева менялось каждую минуту. Оно становилось то красным, то лиловым, то кирпичного цвета, а вдруг побелело, стало таким, как скатерть на столе, у которого сидели мы.

Вдруг он начал медленно подниматься с табуретки. Не спуская с него глаз, так же медленно встал и я, готовый в любую минуту начать схватку, если Ковалев вдруг бросится на меня или поднимет обрез. Но он этого не сделал. Лишь повернул ко мне изрезанное морщинами дряблое лицо и тихо произнес:

— Запомни: не будет первого декабря моей сестры дома, висеть тебе вместе с отродьем на березах вдоль шоссе.

— Кому охота висеть? Да еще в такие морозы...— усмехнулся я.— Если бы это зависело от меня, охотно вернул бы твою сестру. Но это зависит от тебя самого и от твоей сестры... Жди, может, она и придет за тобой в положенный срок. Мой дедушка любил повторять: не гони лошадей зря...

Видимо, староста уловил смысл моих слов, поэтому бросил угрожающе:

— Ты будешь повешен со всеми коммунистами! Это не мои слова. Это слова коменданта.

— Что сказал комендант, я не знаю. Но знаю, что ты слов на ветер не бросаешь.

Да, наш староста слов на ветер не бросал. В этом я убедился, и не только я, вся Серебрянка. И вот тут-то надо было «гнать лошадей».

В тот же вечер отправился в партизанский лагерь. Белых и Дикан внимательно выслушали меня. Степан Митрофанович записал в блокнот точное время ухода старосты на ночевку в гарнизон, время возвращения оттуда, его постоянные маршруты, какую одежду носит и другие приметы.

Долго обсуждали, когда лучше взять Ковалева. Решили это сделать утром. Он выходит из гарнизона в 8.30, минута в минуту. На всякий случай, вернее, чтобы не допустить промашки, дали поручение бургомистру Бычинскому вызвать к себе старосту 1 декабря на девять часов.

В морозное утро на дороге, что ведет в Серебрянку, появились сани с двумя немцами и извозчиком-полицейским. Особого интереса это не вызвало ни у кого. Обычное явление: много тут ездит гитлеровцев. По пути встретили бургомистра.

— Где есть господин староста? — на ломаном русском языке спросил офицер.

— Я — бургомистр Бычинский.

— О нет-нет, надо староста. Кофалеф!

Бычинский кивнул головой на обочину: к ним подходил Артем Ковалев. Немецкий офицер, поманив его пальцем, крикнул охрипшим голосом:

— Шнель, шнель! Мы есть от господин комендант. Ви помогайт нам. Будем делай капут партизанен. Битте, зетцен зи зих! — показал он на возок.

Ковалев охотно согласился, сел между двумя офицерами.

— Пошель! — приказал немец вознице.

Тот дернул вожжи, и серый мерин в темных крупных яблоках рванул вперед. Через некоторое время свернули на санную дорогу к сверженскому лесу. Возница привстал и хлестнул коня кнутом. Тот рванул так, что седоки откинулись назад, а возок натужно заскрипел.

— Господин офицер! — вдруг крикнул староста, повора-

чивая побледневшее лицо к тому, кто сидел справа от него.— Не туда едем!

— Туда, сволочь, куда надо! — ответил «офицер» на чистом русском языке.

Староста рванул полы полушубка, но все трое навалились на него, сжали руки, кто-то вытащил у него из-под ремня коротышку-обрез...

Гитлеровцы снова приехали в Серебрянку. На этот раз прямо к бургомистру. Вызвали Янченко. Те рассказали, что Артем Ковалев уехал с офицерами «делать капут партизанам».

— А может, это были переодетые партизаны? — допытывался переводчик.

— Возможно, и партизаны. От Ковалева всего можно ожидать,— подтвердил догадку бургомистр.

— Да, человек ненадежный,— проговорил Янченко, стоя навытяжку перед офицером.

По совету Дикана подпольщики составили коменданту письмо, в котором говорилось, что уже оба Ковалевы ушли в партизаны, а преданные «новому порядку» люди арестованы в Черикове. Их оклеветали Ковалевы, чтобы скрыть свою связь с партизанами.

Жены арестованных переписали письмо и отнесли Бычинскому. Бургомистр приложил свое ходатайство об освобождении серебрянских граждан.

Как позже мы узнали, полицейский Лесневский на последующих допросах показал, что лично он не видел, с кем встречались Ларьков и Олисюк, а только догадывался.

Вскоре всех арестованных выпустили из фашистского застенка, а через неделю Прохоров и Михеенко оказались в партизанах. Подпольщики распространили слух, что они схвачены народными мстителями и убиты как немецкие агенты. Не напрасно, мол, держали их целый месяц в Черикове, никого не выпускают из тюрьмы, а их выпустили.

В Серебрянке стало легче дышать. Бургомистр Бычинский и полицейский Янченко работали на партизан. Работу и этой школы развалили. Мы теперь более свободно рассказывали людям о положении на фронтах, передавали листовки и сводки Совинформбюро.

ВСЮДУ БЫЛИ ПОМОЩНИКИ

1

Партизанские ряды росли быстро, и у командования прибавилось забот. Надо не только руководить боевой деятельностью, но и накормить людей, одеть, вооружить,

В середине ноября, когда ударили морозы, это вылилось в серьезную проблему. Ее вынесли на обсуждение партийного собрания. На него пригласили командиров рот и взводов. В своем докладе И. М. Дикан выделил две основные задачи, которые должны одновременно решаться при выполнении хозяйственных операций. Это, во-первых, ослабление экономического потенциала фашистской армии, во-вторых, укрепление военного и хозяйственного союза партизан и местного населения.

Собрание рекомендовало командирам групп, рот и хозвзводу уничтожать не только живую силу и технику противника, но и одновременно громить базы, склады, захватывать обмундирование, продовольствие, ценности, награбленные оккупантами у советских людей. В захваченных гарнизонах не уничтожать продовольствие и одежду, как это делалось раньше, а забирать с собой.

В первую очередь решили уничтожить так называемые показательные немецкие хозяйства — имения, которыми успели обзавестись отставные гитлеровские генералы и чиновники. Имущество этих имений надо было реквизировать в пользу партизан и местного населения. Партийное собрание рекомендовало также забирать скот и хлеб у предателей Родины — полицейских, старост, бургомистров, других пособников гитлеровцев. Всякие другие поборы у жителей деревень строго запрещались.

Партбюро обязало командно-политический состав, всех коммунистов разъяснять партизанам рекомендации этого собрания.

Был еще один вопрос, на который коммунисты обратили серьезное внимание. Это — разоблачение сути гитлеровской экономической политики на оккупированной территории. Надо учить крестьян, говорилось в решении партсобрания, срывать поставки продовольствия и одежды для немецкой армии. На конкретных примерах нужно было разъяснять, почему оккупанты переименовали все совхозы в «земские дворы» или «имения», а колхозы — в «общинные хозяйства». Суть сводилась к тому, чтобы крестьянам не давать землю, а сделать ее собственностью немецких помещиков. Значит, крестьянам не предоставили никаких прав, зато обязанностей было много: образцово работать, по первому же требованию сдавать хлеб, картофель, мясо, молоко и другие продукты. За невыполнение — расстрел или виселица.

Свои требования фашисты предъявляли в разных формах. Во-первых, они облагали население непосильными натуральными налогами, во-вторых, применяли систему штрафов как для отдельных крестьян, так и для целых деревень — «за неблагонадежность», «за нарушение немецких приказов» и т. п., в-третьих, оккупационные войска часто врывались в

деревни, грабили крестьян — увозили скот, хлеб, птицу, одежду, убивали людей, сжигали дома. Часто вместе с постройками сжигали и жителей. Вот все это, вместе взятое, и было «новым порядком».

Население добровольно не отдавало продовольствие. По этому поводу даже сложили частушки:

Гитлер хочет хлеба нашего,
Мы ему заявим: «Врешь!
Бомбы сеешь — хлеб не спрашивай,
Что посеешь, то пожнешь!»

В ответ на лживую пропаганду, возносившую до небес «новый порядок», крестьяне говорили гитлеровцам примерно так:

Почесал колхозник темя,
Говорит: «Благодарю!
Я тобой, настанет время,
Землю, сволочь, удобрю!»

Партийное собрание поручило мне написать листовку. В основу ее положил разоблачение немецких документов: приказа «Новый порядок землепользования», датированного 16 февраля 1942 года, и распоряжения «Об организации, управлении и ведении хозяйства в крестьянских общинных хозяйствах» от 17 марта 1942 года, которые были развешены в каждой деревне, в каждом поселке.

Из числа наиболее подготовленных народных мстителей комиссар отряда назначил агитаторов, которые призывали крестьян срывать экономические планы гитлеровцев, помогать партизанам в их борьбе. Специальные группы были созданы для ведения агитационной работы в самом партизанском отряде.

Командование усилило хозяйственные подразделения, чтобы они могли своевременно обеспечить бойцов продуктами и одеждой. Правда, хозяйственные операции в то время были и боевыми, потому что требовалось уничтожать или разгонять охрану немецких имений. Вскоре после партийного собрания группа Василия Трубачева разгромила крупный «земский двор» в деревне Осиновка Чечерского района. Около пятисот пудов зерна раздали местным жителям, двести пудов партизаны привезли в Сипоровку и Хвощ для своих нужд.

Спустя полторы недели другая группа партизан, уничтожив охрану, разгромила хлебоприемный пункт в деревне Башица Буда-Кошелевского района. Бойцы раздали населению соседних деревень полторы тысячи и привезли в отряд четыреста пудов первосортного зерна.

Вскоре недалеко от Серебрянки прямо на шоссе с боем взяли стадо коров и свиней. Скот раздали крестьянам окрестных деревень, попросили подержать его некоторое время,

чтобы потом, когда будет нужно, доставить в партизанский лагерь. Такие своеобразные резервы были созданы и в других населенных пунктах.

Запасы продовольствия отряд пополнил и за счет вражеского гариизона в Фундаминке, заготовительных пунктов в Краснице, Турске, немецкого показательного хозяйства в Яновке. Кроме зерна партизанам досталось восемьдесят четыре пуда соли, четыреста килограммов меда, четыреста кусков мыла и тысяча пачек махорки. Из Яновки пригнали стадо коров и свиней.

Как раз в это время иемцы стали собирать теплую одежду для своей армии. Командование отряда потребовало от бургомистров и старост деревень ие сдавать ее в комендатуру. В большинстве случаев это распоряжение партизаи было выполнено. Некоторым бургомистрам и старостам оккупанты силой навязали ненавистную службу. Эти сами предлагали помощь народным мстителям. Чтобы гитлеровцы ие привлекали их к ответу, партизаиы инсценировали нападение иа подводы, на которых везли в Журавичи зимнюю одежду. Делали это вблизи гарнизонов и подальше от деревни, где собрана одежда. Таким образом партизаны запаслись полушубками и валенками.

И все-таки обмуидирования не хватало. Но выход был найден. Связные доложили, что в Малашковичах во время отступления Красной Армии осталось много обмундирования и другого военного имущества. В 1941 году его подобрали крестьяне. К ним за помощью и обратился партизанский штаб. Жители Малашкович сдали много шинелей, гимнастерок, брюк, белья, сапог, не говоря уже о винтовках, патронах, гранатах. Из этой деревни тогда же отправились в отряд четыре красноармейца, нашедшие здесь приют после ранения. Операция, проведенная коммунистами Ф. К. Антоновым, А. С. Бердниковым, И. Д. Собановым и комсомольцем Н. И. Разбойниковым, показала, что одним из наиболее удачных приемов установления крепкого союза с местным населением является обращение к народу с призывом оказать помощь партизанам. Такая тактика всегда оправдывала себя.

Нередко крестьяие сами вызывались помочь. В деревне Хвощ, например, Прасковья Нестеренко и ее дочь Лида в своих хатах ремонтировали и стирали партизанам одежду. Сюда по собственному почину поочередно приходили работать женщины всей деревни.

Пожилой крестьянин Яков Усов тоже не остался без дела. Он ежедневно топил баню для партизан, а молодые ребята и девчата таскали воду из колодца.

Другой старик Матвей Шелеиков из Сипоровки почти каждый день отправлялся на мельницу или крупорушку в Рогачев, Журавичи, Дедлово и даже Корму, чтобы размо-

лоть зерно или приготовить крупу. Попутно он заглядывал к нашим связным, брал сведения для передачи в партизанский отряд.

Так хозяйственные операции привели к укреплению союза народных мстителей н местного населения, еще более усилили боеспособность отряда.

2

Знма выдалась на редкость суровой. Часто случались вьюжные, морозные, ветреные дни. Нам не привыкать. Фашистам же пришлось туго. Потерпев неудачу в зимней кампании 1941/42 года, они свалилн всю вину на русскую зиму. Теперь же пытались облегчить свою участь. Гитлеровцы плели из соломы не то галоши, не то, как у нас говорят, чуни. На головах у них поверх пилоток появились женские платки. Некоторые самостоятельно раздобыли крестьянские полушубкн и напялили их на зеленые шинели. Неуклюже-карнкатурный вид приобрела армня гнтлеровцев.

Вот эти вояки, направляясь к фронту, большими колоннами проезжали в полуоткрытых автомашинах по лесным участкам Рогачевского, Журавичского и Пропойского районов. Их сопровождали танкетки. Часто колонны останавливались на ночлег в деревнях, расположенных у шоссе. И сразу же начинался ничем не прикрытый грабеж. Правда, теперь уже люди научнлись прятать свое добро подальше. Но фашисты набили руку в поисках. В их ранцы перекочевывали последний кусок сала или курица, забившаяся в самый запаутиненный уголок сарая. Поутру гитлеровцы поспешно оставляли разграбленные села, торопясь проскочнть лесные участки.

Командование отряда решнло нападать на небольшие автоколонны или отдельные машины. Ввязываться в бой с крупными силами противника, двигавшимися по шоссе, отряд еще не мог, так как был малочислен. К тому же мешали гарнизоны. Каратели могли по следам на снегу устанавливать, куда ушли народные мстители, и долго преследовать нх. Сдерживало даже эти операцнн наличие в отряде раненых и больных. А их приходилось преимущественно возить с собой. Оставить во временном лагере опасно. Сил для его охраны было маловато, а гитлеровцы могли установить его местонахождение. Приходнлось возить с собой и резервную часть продовольствия, оружия, боеприпасов.

В силу этих причнн часть бойцов и обоз командование решило перебазировать за Сож, а остальным маневрнровать здесь. Меня направили в Струменский и Волынцевский сельсоветы для связи с Кормянским партизанским отрядом.

Преодолев за день расстояние в 35 километров, остано-

вился у своей дальней родственницы Аксиньи Редуто. Трое суток бродил по окрестным лесам, деревням и поселкам, но никого не обнаружил. Тогда откровенно поговорил с Аксиньей. Она рассказала, что слышала от людей, будто осенью после блокады партизаны ушли в Брянские леса. Я вернулся в отряд и доложил обо всем, что видел и что поведала родственница.

В штабе решили все же пробираться за Сож. Мне дали задание разведать силы и настроение гитлеровцев на правом берегу реки в деревнях Задубье, Яновка, Рудня, где стояли вражеские гарнизоны. Пока же отряд оставался на старом месте.

Чтобы противник не раскрыл дислокацию нашего лагеря, небольшие группы партизан делали засады в разных уголках района. Одновременно вели разведку и нападали на вражеские гарнизоны, тем самым расчищая себе путь для перехода за Сож. Предполагали, что это место станет «коридором» для диверсионных групп, которые позже будут ходить на операции в Журавичский район.

Одна из засад на шоссе принесла неожиданный результат.

— Смотрите, товарищ командир,— Николай Шаньков тронул за рукав Кузьму Черненко,— легковая машина! Обнаглели, гады...

— Без команды не стрелять! — полетело по цепи.

Машина быстро приближалась.

— Огонь!

Ударил дружный залп. «Оппель» вспыхнул. Партизаны бросились к машине. Офицер был мертв, раненых адъютанта и шофера взяли в плен. Убитым оказался комендант Журавичского района.

Вскоре после этого разгромили еще один намеченный по плану гарнизон — в Задубье. Для его ликвидации много сделала подпольная организация, в состав которой входили коммунисты Яков Николаевич Никифоров, Мария Филипповна Купреева, Иван Елисеевич Драчев. Никифоров и Купреева — члены Могилевского обкома партии. Драчев — член бюро Жлобинского РК КП(б)Б. Здесь они временно укрывались от преследования фашистов, вели подпольную работу.

В целях конспирации Я. Н. Никифоров стал надомником-жестянщиком, мастерил железные печки и трубы к ним, починял посуду. И. Е. Драчева подпольщики послали в Корму. Он устроился слесарем в созданную немцами мастерскую, в которой в основном работали военнопленные.

Для Купреевой и Драчева Задубье — родная деревня. Они хорошо знали всех земляков старшего и среднего возрастов, нашли общий язык и с молодежью. Люди скрывали от гитлеровцев, что Мария Филипповна Купреева, довоенный председатель одного из могилевских колхозов, являлась чле-

ном правительства БССР. Скрывали от врага и то, что Иван Елисеевич Драчев до войны работал прокурором в Жлобине.

К Драчеву и Купреевой часто приходили крестьяне за помощью и советом. Даже Павел Никитенко, староста деревни, обратился однажды к Марии Филипповне:

— Я знаю, что ты — коммунист и здесь живешь не зря. Посоветуй, как избавиться от этой осточертевшей должиости. Не сам просился, заставили меня.

— Главное, что ненавидишь немцев,— ответила Купреева.— А ненависть всегда подскажет, что и как делать. Только нужно быстрее выходить на иовую дорогу.

И Никитенко нашел эту дорогу — к партизанам.

В сентябре, когда создавался гарнизон в Задубье и иа молодежь насильно напяливали черную полицейскую форму, к Марии Филипповне пришли за советом братья Дьяковы — Василий и Георгий.

— Везде можно остаться преданным Родине, приносить ей пользу,— сказала Купреева.— Подумайте, как бороться с фашистами тем оружием, которое они дадут вам в руки.

Василий Дьяков и Иван Юрченко убили матерого полицая, когда тот собирался ехать с доиосом в комендатуру. Оружие в пирамиде сразу же оказалось в руках партизан. Десять парней, насильно мобилизоваиные на службу в полицию, уехали с народными мстителями в отряд. Оккупанты уже больше ие восстанавливали в Задубье гарнизон.

Спустя неделю партизаны разгромили гитлеровский форпост в деревне Ворновка. Кормянский район постепенно освобождался от оккупантов. Затем уничтожили гариизон в деревне Ржавка Пропойского райоиа.

Начали вылазки иа шоссе и наши «охотники». Так назывались партизанские снайперы, которые охотились за одиночными фашистами, обычно велосипедистами или мотоциклистами.

Немало, как говорится, путал наши карты крупный гитлеровский гарнизон в Дедлове. Но вот морозным утром 17 декабря 1942 года Иван Новицкий, Марк Мачеча и Петр Богдан прислали ко мие посланца. Он передал, что предстоящая иочь наиболее подходящая для разгрома гарнизона. Часть гитлеровцев выехала по приказу жандармерии в Рогачев на помощь одному из карательных отрядов, который готовился иапасть иа местных партизан. В гарнизоне же Дедлова остались в основном те, кого иасильно взяли в полицию. Вряд ли они окажут серьезное сопротивление.

Что делать? Обычно днем я не ходил в партизанский лагерь. Но сейчас особый случай. Да вот беда: ие знаю точиого места нахождения штаба. Он должен быть где-то возле деревни Хвощ, позавчера только передислоцировался.

Пошел в деревню Хвощ. Подхожу к первой хате, осто-

рожно стучу в окно. Через замерзшее стекло слышу детский голос:

— Мама, шкраб-шкраб!

Выходит женщина средних лет. Она раскрывает настежь дверь. В хате только девочка на печи, сверкает на меня любопытными глазенками.

— Ты — шкраб-шкраб? — спрашивает.

Я недоуменно смотрю на женщину, она говорит:

— Так что вам надо?

Прямо объясняю, зачем я здесь.

— Очень нужно, поймите, очень. Не пошел бы утром, если бы не срочное дело. Но вечером будет поздно.

— Ну, ладно, идемте.— Она торопливо одевается и, смеясь, говорит: — Моя дочушка кое-кого называет «шкраб-шкраб». Очень уж тихо стучат они, не то, что полиция.

Мария Нестеренко доводит меня до опушки. Как раз на посту Самуил Дивоченко. Партизаны сопровождают меня к штабной землянке. Я нерешительно топчусь у порога.

В проеме двери показывается богатырская фигура Белых.

— Ну, смелее заходи.— Он пристально смотрит на меня.— Зачем пришел средь бела дня?

Я рассказал командованию то, что знал. Белых решил не упустить случая и уничтожить один из крупнейших гитлеровских гарнизонов. Сам же и возглавил операцию. Я в ней не участвовал и как проходил бой не имею возможности подробно рассказать. Знаю, что среди ночи партизаны при помощи связных внезапно напали на спящих. Более трех часов гремел бой. Операция принесла успех: 14 гитлеровцев были убиты, трое полицейских перешли в партизанский отряд, остальные разбежались.

Утром 30 декабря 1942 года связной Константин Кудрицкий прибыл ко мне в Серебрянку и сообщил, что из Журавич выехал карательный отряд, в котором до 150 гитлеровцев. Я тут же пошел посоветоваться к тете Даше — так подпольщики звали Антонову, жену начальника штаба.

— Я женщина, мне легче пробраться в лес,— спокойно сказала Дарья Кузьминична.— А ты, по возможности, узнай, что задумали гитлеровцы. Кого надо, предупреди, чтобы спрятались от этих живодеров.

И она направилась в деревню Хвощ.

С УЧЕТОМ ОБСТАНОВКИ

1

Часов в двенадцать в первый день нового, 1943 года по санной дороге Слобода — Свержень растянулся обоз карателей. Партизаны меньше всего ждали их отсюда, но все

же и в этом направлении вели наблюдение Арсен Степанович Бердников и Самуил Павлович Дивоченко.

Каратели спешили в урочище Лески, где раньше был партизанский лагерь. Но не обнаружив там народных мстителей, они свернули в деревню Хвощ, схватили местного жителя Кондрата Тимошенко.

— Ты указать нам партизанен... Как это?.. Стоянка!

— Не знаю я никаких партизан. Может, вы и есть партизаны? Тут никого не было, вы — первые...

— Руссиш швайн! — Офицер наотмашь ударил Кондрата, из носа и разбитой губы потекла кровь.

— Бешеные собаки — вот вы кто! — плюнул Тимошенко в худощавое лицо гитлеровца.

Офицер выхватил пистолет и трижды выстрелил в Кондрата Тимошенко, партизанского связного и разведчика.

Каратели не стали терять времени на расспросы, двинулись к лесу. Ни одна живая душа не попалась им навстречу.

Увидев колонну карателей, Дивоченко побежал доложить командиру отряда.

— Идут,— задыхаясь, промолвил он.

— Кто идет? Да кто идет, голова твоя садовая?! — горячился Белых, а Дивоченко не мог ни слова больше промолвить.

— Немцы... Из Хвоща,— наконец сказал он.

А гитлеровцы уже были совсем близко. Не дойдя до опушки метров двести, они остановились. Офицеры начали совещаться. То ли опасались сунуться в лес, то ли посчитали делом напрасным искать здесь партизан. В это время на просеку выскочил вооруженный всадник — Костя Воробьев, командир разведки. Увидев карателей, он круто повернул назад. Но его заметили. Тут же раздалась команда, немцы развернулись цепью и двинулись к опушке.

Накануне командование партизанского отряда приняло решение: не дать себя обнаружить, выждать момент, чтобы уйти без боя, а на непредвиденный случай подготовить оборону лагеря. Охрану лагеря поручили старшему лейтенанту И. М. Гаврилову. В его распоряжение выделили группу бойцов с пулеметами. Начальник штаба Ф. К. Антонов обязан был найти на всякий случай пути отхода, организовать эвакуацию раненых и больных, вывоз всех продуктов и боеприпасов.

Казалось, все предусмотрели. Однако Костя Воробьев демаскировал лагерь — своим бегством указал карателям путь к отряду.

Белых бросился к Гаврилову на линию обороны. Оценив обстановку, он послал вестового к Антонову с приказом начать эвакуацию лагеря.

В тот момент не все поняли, почему командир отряда приказал срочно готовиться к отходу. А дело было весьма серьезное. Гаврилов с бойцами занял оборону не на опушке, а всего в 150 метрах от лагеря. На опушку опоздали: немцы ворвались в лес. Теперь можно было рассчитывать только на землянки, как на укрытия.

Окинув взглядом оборону, Белых с горечью сказал Гаврилову:

— Ну что ж, Иван Михайлович, свой лагерь мы потеряли. Придется подыскивать новое место.

— Ни за что не отдадим лагерь! — возразил Гаврилов.— До одного фашиста уничтожим здесь.

— Ну а дальше? Что дальше?

Гаврилов понял командира. Да, оборона в лесу, а не на опушке ставила в одинаковые условия карателей и партизан. Пусть даже ценою многих жизней победу одержат партизаны, все равно придется покидать лагерь: он станет известен врагам. Зачем же тогда жертвы, равные по количеству с жертвами противника?

— Прикажете бить прицельным огнем и постепенно отступать к лагерю? — вздохнул Гаврилов.

— И далее к урочищу Воронка,— уточнил Белых.— Ни в коем случае не выходить ни на поляны, ни на луг.

Командир отряда вернулся в лагерь, когда раздались первые выстрелы на линии обороны. Начальник штаба занимался эвакуацией, он приказал грузить на сани даже свиней.

— Нет, Филипп Карпович,— запротестовал Белых.— Живность не брать. Свиньи будут обременять нас и демаскируют.

Тогда Антонов распорядился пристрелить свиней: пусть не достанутся карателям.

А гитлеровцы наседали, хотя и несли потери. Вот уже левый фланг цепи ворвался в лагерь, враг захватил десять лошадей и... пустые землянки, в которых вместо постелей толстым слоем лежало душистое луговое сено. Враги подожгли зимние партизанские жилища, подобрали своих 12 раненых, 8 убитых и вернулись в Хвощ. Там сожгли хату расстрелянного ими Кондрата Тимошенко и уехали в Журавичи.

Подпольщик Горбацевич, который работал по заданию партизан агрономом в районной земельной управе, через Михаила Прохорова передал, что комендант Журавич составил донесение о полном разгроме партизан. Гитлеровец писал, будто он лично принял участие в уничтожении «лесных бандитов» и их пособников, и теперь в районе наконец-то наведен настоящий порядок.

Горбацевич сообщил также, что комендант собирается пригласить на охоту в Сверженскую лесную дачу генерала, которому фюрер за «особые заслуги перед фатерляндом» по-

жаловал имение. Турское опытное поле — так именовалось оно до августа 1941 года. Помещик-генерал прибыл в Турск, чтобы навести там порядок.

«Такой важный чин не может не оценить моих стараний,— примерно так размышлял комендант.— От него зависит многое».

Прохоров передал сообщение мне. Я должен был довести его до штаба отряда.

2

Между тем партизаны вернулись в свой лагерь, осмотрели землянки и вот уже докладывают командиру:

— Через пять-шесть часов можно восстановить «зимние квартиры»!

— Погодите строить! — распорядился Белых и велел созвать командный состав и коммунистов.

На совещании командир отряда предложил изменить тактику борьбы. Не ждать, пока гитлеровцы нападут, а искать их, громить и быстро уходить. Для этого каждое отделение должно в ближайшую неделю обзавестись не менее чем двумя подводами. Партизанский отряд сядет на лошадей и станет неуловимым. Тогда оккупанты перестанут искать лагерь. А сейчас даже о временной стоянке будет известно гитлеровцам, потому что в районе густая сеть дорог.

Все коммунисты и командиры подразделений согласились со Степаном Митрофановичем. Тут же был отдан приказ роте Трубачева следовать вместе со штабом в авангарде и обеспечить боковое охранение. Замыкать колонну будет Козырев со своей ротой.

Начальник штаба Антонов привел колонну в лес под Федоровку. Я шел вместе со всеми, так как перед этим принес донесение Горбацевича. Партизаны расположились прямо на снегу, подстелив еловые ветви. А чуть в стороне от необычного в такой мороз бивуака под густой елью при тусклых бликах костра шел разбор проведенного боя.

— Да,— говорил Антонов,— среди партизан нет раненых и убитых. Но каратели захватили десять лошадей, две свиньи, центнер сала и бидон меда. Результаты боя могли быть совсем иными, если бы не обнаружили себя или успели своевременно занять линию обороны на опушке леса. Всем надо учиться искусству ведения боя.

— А за мед, сало и свиней мы такую свинью подложим, что будет им горько! — выпалил командир взвода Кузьма Черненко.

Все засмеялись, даже Белых улыбнулся. Он сказал:

— Вот и хорошо, что отозвался Черненко. Останься после совещания, есть разговор.

На совещании решили, что отныне отряд будет дневать в лесах, а на ночь занимать деревни. К связным направили посыльных с наказом, чтобы они не ходили в прежний лагерь, там могут быть засады. Теперь сами партизаны будут навещать подпольщиков в деревнях. Решили также перенести боевые действия поближе к Журавичам, вплотную заняться этим гитлеровским гарнизоном.

К костру подошел Семен Скобелев и доложил, что в отряд из Серебрянки прибыли коммунист Валентин Кильчевский и Василий Зурков, а под утро из Сычмана и Нового Довска придут еще восемь бывших красноармейцев.

На рассвете привел их сюда Самуил Дивоченко. Он рассказал, что в Новом Довске останавливались каратели. Все они угнетены, угрюмы, говорят, что у партизан много пулеметов, мол, только из-за этого не удалось полностью уничтожить их.

На обеспечение транспортом личного состава понадобилось трое суток. Отряд стал мобильным, подвижным.

Местные жители радушно встречали партизан, просили остаться в деревне подольше. И в то же время боялись, чтобы здесь не возник бой. Оккупанты вымещают свои неудачи на женщинах, детях, стариках. Поэтому командование приказало по возможности избегать в населенных пунктах стычек с неприятелем.

Переход на стоянку в деревни позволил усилить разъяснительную работу среди населения. Коммунисты и комсомольцы в непринужденной обстановке проводили беседы, читали сводки Совинформбюро, просто помогали по хозяйству.

Но в одном месте нельзя было долго задерживаться, и Белых вместе с Будниковым и небольшой группой партизан уехал на разведку в Рисково, чтобы следующей ночью там остановиться. Кроме того, у командира там было еще одно дело. Накануне я передал, что севернее Рискова, на опушке леса, Белых сегодня будут ждать двое, которые хотят перейти к партизанам.

Объезжая лесок, Белых наткнулся на вооруженных людей.

— Кто такие? — окликнул Степан Митрофанович.

— Мы — русские, а вы кто? — послышалось в ответ.

— Русские бывают разные. Кто вам нужен?

Молчание. О чем-то перешептываются там, за деревом.

— Мы ищем партизан,— крикнул один.— У нас есть пароль.

— Воронеж.

— Винтовка.

— Выходите сюда!

Двое в полицейской форме показались из-за толстого граба.

— О вас мне рассказывал наш товарищ.— Белых пожал им руки.— Он посоветовал вам идти в полицию и дал этот пароль.

А дело было вот как. В деревне Белев осела группа красноармейцев, вышедших из окружения. Когда я бывал у сестры Анастасии, часто встречался с ними. Они настойчиво просили, чтобы свел их с партизанами. Я присматривался к ним. Наводила справки Анастасия. Ничего предосудительного за ними не замечал, но не имел права вот так сразу сказать им что-то определенное.

Посоветовался с Белых и Диканом, те дали задание — пусть поступят на службу в кормянскую полицию хотя бы на две-три недели, захватят оружие и придут в отряд. Уже через неделю оба красноармейца напросились в засаду на партизан. Улучив момент, убили двух негодяев-полицейских. Вскоре я назначил им встречу с партизанами.

3

После разбора новогоднего боя Белых неспроста оставил у себя Кузьму Черненко.

— Есть дело, Кузьма Федосович, притом непростое.

— Слушаю вас! — Крепыш Черненко выпрямился, заскрипела портупея на кожанке, тонко дзынкнула цепочка трофейного пистолета.

Дело, действительно, было нелегкое. Журавичский комендант отнял у населения 880 тонн сена, гитлеровцы спрессовали его и подготовили для отправки на фронт. Старосты уже получили приказ прислать подводы и возчиков.

— Склад недалеко от Новых Журавич,— заметил Белых,— охраняется круглосуточно, а рядом, сам знаешь, гарнизон, да и не маленький. Так что помозгуй, чтобы вместо склада остался пепел.

— Будет пепел! — козырнул Кузьма, круто повернулся и впотьмах чуть было не налетел на толстую ель.

Черненко взял с собой Алексея Барковского и Николая Шанькова, инициативных, находчивых комсомольцев. В помощники подошел бы Яков Николаевич Никифоров из деревни Задубье. Он ходит по деревням, печки мастерит. Значит, может разведать подходы к сенному складу, узнать про охрану.

Но Якова Николаевича дома не оказалось. Жена неопределенно ответила, что он, может быть, работает в поселке Корчевахах.

— Да, был тут такой, с бородкой,— сказала пожилая женщина, разглядывая вооруженных людей и пытаясь раз-

гадать, партизаны это или полицейские.— Был, а теперь нету-ти, подался куда-то. Мешок за спину и пошел...

Во втором, третьем доме тоже ничего определенного не сказали. Тогда Шаньков решил зайти к своей дальней родственнице. Она сообщила, что Никифоров теперь в Новой Алешне, соседней деревне.

Много обошел крестьянских хат со своим немудреным инструментом Яков Николаевич Никифоров. И везде изучал людей, ненароком давал советы, как уберечься от немцев, что надо делать.

Из Новой Алешни партизаны увезли его на санях, сказав местным жителям, что журавичскому коменданту нужно сделать печку, чтобы жарко было в любой мороз...

Когда Черненко поведал о своем задании, Яков Николаевич долго теребил рыжую бороду, затем сказал:

— Сделаем! Ведь надо, а коль надо — выход найдется!

Под видом крестьянина-подводчика он взялся разведать точное расположение сеносклада, подходы к нему, охрану.

И вот 5 января 1943 года, накануне дня отгрузки сена, партизаны приехали в овраг недалеко от склада. Верхнюю одежду сняли, положили на подводу. Здесь остался ждать их Никифоров.

Осторожно подползли к складу. Черненко бесшумно снял часового. Скирды сена сложены с немецкой аккуратностью на равном расстоянии одна от другой. Их облили горючей жидкостью.

Когда сено вспыхнуло, в журавичском гарнизоне тотчас же это заметили. Из пулеметов и минометов был немедленно открыт огонь. Началась погоня.

Трое партизан уже не могли вернуться к подводе, где ждал Яков Николаевич: путь к оврагу был отрезан гитлеровцами. Пришлось уйти в лес под Сычман, уйти без верхней одежды.

А Никифорову ничего не оставалось, как ехать под Свержень, где стоял партизанский отряд. Черненко на всякий случай указал ему это место.

На следующее утро Яков Николаевич попал в отряд, но его посадили под арест до выяснения личности. Ведь никто не знал, что это — первый помощник группы Черненко.

Только девятого января группа Черненко возвратилась в лагерь. Якова Николаевича Никифорова освободили из-под ареста. Всем четверым участникам этой операции на партизанской линейке командование объявило благодарность. Вскоре Я. Н. Никифоров стал комиссаром нового отряда.

А журавичский комендант неистовствовал. Пропали все его старания, возможно, и карьера. Как на все это посмотрит генерал, не откажется ли от приглашения на охоту?

Комендант начал готовить новую экспедицию против партизан. А те настойчиво осуществляли свою тактику: подбирали удобный момент и нападали на оккупантов. Когда, например, в Еленец прибыл карательный отряд и стал грабить население, народные мстители внезапно напали на гитлеровцев. В тот же день в деревне Бычь Кормянского района народные мстители разгромили полицейский участок. Оружие, боеприпасы и продукты попали к партизанам.

После каждой операции отряд пополнялся новыми бойцами из местного населения и осевших в этих деревнях окруженцев. Да и моральный фактор нельзя сбросить со счета. Победные стычки с гитлеровцами вселяли в людей веру в скорое освобождение.

В начале января — еще одна победа, скорее моральная. «Турский пан» — так называли крестьяне гитлеровского генерала-помещика — с охраной выехал-таки на охоту, но не в Журавичский район, а к поселку Цыганы Рогачевского района. Связные немедленно доложили об этом командованию отряда. На вооружении охотников — три пулемета и винтовки, многие почему-то имели сабли.

Белых приказал Журавлеву и Гаврилову зайти со своими партизанами с флангов, а сам вместе с Диканом и Антоновым повел роту навстречу охотникам. Их подпустили совсем близко и ударили из пулеметов и винтовок, да так, что с гнедого коня сразу же свалился генерал, рухнули с лошадей два немецких офицера и два солдата. Еще одного немца убила Нина Богданович. Он летел на кауром жеребце прямо на елочку, под которой замаскировалась Нина. Шесть гитлеровцев сдались в плен. Остальным удалось избежать партизанских пуль, они ускакали по лесу на конях.

Когда журавичскому коменданту позвонили из Рогачева и сказали, что генерал-помещик убит на территории соседнего района, он по телефону пролепетал:

— О, колоссальная потеря...

Комендант тотчас же позвонил в Чериков. Журавичский район находился в административном подчинении окружной военно-полевой комендатуры. Он пожаловался, что в соседнем районе орудуют партизаны, из-за них, мол, погиб генерал и попросил прислать карательный отряд, чтобы прочесать леса.

15 января отряд остановился в деревнях Федоровка, Старая Серебрянка и поселке Кусочек — в трех километрах от шоссе. Штаб расположился в доме лесника Никиты Васильева, партизанского связного.

Рано утром из Нового Довска ко мне в Серебрянку прибыл связной Василий Хилькевич. Он сообщил о появлении карательного отряда. Из Серебрянки в Федоровку эту весть понесла наша комсомолка-подпольщица Мария Потапенко.

Каратели — немцы, итальянцы и полицаи — двигались осторожно. Когда в Серебрянке они свернули на улицу, ведущую в Федоровку, стало ясно, что знают место расположения партизан. От крайнего дома, где жила подпольщица Нина Левенкова, помчался на лошади к Федоровке Афанасий Солодков, новый командир партизанской разведки, прибывший в Серебрянку понаблюдать за действиями карателей.

Арсен Степанович Бердников стал уговаривать командование отряда не завязывать боя в Федоровке. Белых рассердился:

— Что же получится, если из каждой деревни будем давать драпака? — И уже более спокойно пояснил: — Здесь прекрасная позиция, мы их не пустим.

Действительно, северная сторона деревни прикрыта большим колхозным садом, окаймленным глубоким рвом и высокой насыпью. Впереди до самого леса — голое, открытое поле.

Рота Трубачева заняла позицию по окраине сада, во рву. Штаб отправили в лес, подходивший к деревне с юга. Туда же ушла хозяйственная рота с транспортом и ранеными.

Перейдя мост, каратели развернулись в цепь и пошли в полный рост. Молодой редкий ельник чуть доставал им до пояса. Вот и его минули, вышли на голое поле.

— Подпустить на полсотни метров, стрелять по команде! — понеслось по партизанской цепи за земляным валом.

Уже хорошо видны лица карателей, слышны скрипучий шорох шагов по снежному насту, звяканье оружия. Раздалась команда:

— Форвертс шпрингенl

И каратели бросились вперед.

— Ого-онь! — звонко скомандовал Василий Трубачев.

Тишина солнечного зимнего дня взорвалась треском винтовок, автоматов и пулеметов. Повалились в снег первые убитые и раненые.

Бой был яростным, но уже через десяток минут стал ясен исход его. Валялись трупы убитых, корчились и вопили раненые.

Каратели бросили пулеметы и минометы и попятились, а затем побежали. Некоторые сбросили полушубки, чтобы легче было уходить.

— Партизаны! — послышался звонкий голос Трубачева.— Вперед!

Гитлеровцев преследовали до самого шоссе. Каратели потеряли 25 убитых, 30 раненых, три обессиленных немца сдались в плен. Хозяйственный взвод нагрузил оружием и боеприпасами пять подвод. Полушубки достались партизанам.

Победа всегда воодушевляет. Спустя неделю взвод Афанасия Гонтарева средь бела дня напал на вражеский гарнизон

в деревне Ректа. Шесть немцев было убито, трех взяли в плен, в том числе коменданта. В отряд привезли станковый и ручной пулеметы, три ящика гранат, много патронов.

4

Это случилось 17 января 1943 года. Уже смеркалось. Моя мама, проклиная немцев за то, что не продают керосина, дула на угли, чтобы разжечь смоляки. К нам пришла Броня Прохорова. Поговорила о чем-то с матерью, подмигнула мне и глазами показала на дверь. Я вышел вместе с ней, будто проводить до калитки.

— Миша просил, чтобы срочно заскочил, на одной ноге,— повторила Броня излюбленное выражение брата.

Я поторопился в маленькую баню на окраине ольшаника. Миша брился у небольшого настенного зеркала. «Зачем на ночь глядя бриться?» — подумалось мне, но об этом я и не успел спросить.

— Надо провернуть одно дельце,— Прохоров отложил бритву.

Оказывается, до Михаила Прохорова дошел слух, что в овине, который принадлежит хозяину крайнего двора в Малашковичах, спрятан станковый пулемет. Михаил решил взять его сегодня.

— А что скажут в отряде за такое своевольство? — спросил я.

— Ну и формалист же ты! — Миша повернулся к зеркалу и снова взял в руки бритву.— Спасибо скажут в отряде. Ну и что, ежели не поручали, не давали задания? Разыщем, и все тут. Да я сам и завезу, завтра мне все равно в отряд уходить.

Да, ему повезло: он уже внесен в списки партизан. А меня все еще не берут, говорят, ты в Серебрянке нужнее. И Белых, и Дикан, и Будников твердят одно: «Дисциплина, дисциплина!» Я и сам понимаю, что без строжайшей дисциплины никак нельзя, особенно сейчас. Но нужно же понять и меня...

— Ну так как, Мад, поищем пулеметик?

«Мад» — это такую кличку придумал Миша. Мои, значит, инициалы.

— Знаешь, это будет здорово! Представь: являюсь в отряд с «максимом»! У них же мало станкачей...

Конечно, это замечательно — пойти в партизаны, захватив с собой станковый пулемет! Что ж, надо помочь другу. Только как найти того хозяина? Крайних-то дворов по два с каждого конца Малашкович.

— Пустяки! — уверенно отвечает Прохоров.— Мы сделаем так. В первую хату зайдем, расспросим. Свои же там лю-

ди. А ежели не будут знать, во вторую завернем. Кто-либо да подскажет.

Когда стемнело, мы с Мишей отправились в Малашковичи. Лошадь бежала быстро, розвальни весело поскрипывали на укатанной дороге. Серая темнота висела над нами: небо было покрыто сплошными облаками, и луна угадывалась блеклым расплывчатым пятном.

Остановились у овина, метрах в четырехстах от деревни.

— Ты останься с подводой. Я сейчас вернусь, на одной ноге,— распорядился Михаил и зашагал к крайнему дому.

А минут через десять раздались два выстрела. В ночной тишине они громыхнули отчетливо резко.

Я бросился к деревне. Снег был глубокий, но этого не чувствовал. Одна мысль гнала вперед: что-то случилось неожиданно страшное...

Не успел. От крайнего двора отъезжала подвода, еле различимая в темноте. Кто-то стонал там, на санях. Я выхватил пистолет, но не выстрелил: а вдруг это свои, партизаны.

Дверь в хату раскрыта настежь. На столе подслеповато мерцает плошка. А у стола сидит Миша. Голова неестественно свешена на грудь. Я подскочил к нему, схватил за плечо, потряс изо всей силы. Голова безжизненно шевельнулась и еще ниже опустилась к столу.

Я взвалил его на спину и потащил к овину. Теперь снег будто глубже, хоть и шел я по своему же следу. А надо спешить: вдруг поможет ему Нина Левенкова. У нее есть лекарства, бинты.

Миша скончался перед самой Серебрянкой, так и не проронив ни слова.

В следующую ночь я доложил о случившемся Дикану и Белых. После мучительно долгого молчания Дикан проговорил.

— Очень плохо получилось. Потеряли хорошего человека. Впредь ни одного шага без нашего приказа не предпринимать ни тебе, ни твоим подпольщикам. Это категорически.

Я не мог простить себе, что вчера не сдержал Михаила Прохорова, и потерял настоящего друга.

Спустя неделю Белых и Будников рассказали мне, что Михаил Прохоров погиб случайно, столкнувшись с проезжавшей партизанской группой соседнего района.

5

Третьего февраля в Серебрянку прибыл карательный батальон «Днепр», вооруженный 38 станковыми пулеметами, 6 минометами, 56 автоматами, винтовками. К вечеру наши подпольщики выяснили цель приезда карателей. Они должны были найти партизан, втянуть их в бой, окру-

жить, а затем на помощь батальону планировалось прислать еще два, которые стояли в боевой готовности в Бобруйске, и спецотряд из Гомеля. За маскировочные халаты жители сразу же окрестили карателей «белохалатниками».

По заданию нашей подпольной комсомольской организации Мария Потапенко доложила штабу партизанского отряда о численности, вооружении и целях карателей. Командование передало мне: постараться выявить лояльно настроенных в батальоне и склонить их к переходу в партизаны.

Я узнал, что командир батальона Петр Мельников из деревни Зеньковина, находящейся возле самой Кормы, а родной брат его, Михаил, в нашем партизанском отряде. Поэтому дал задание Катюше Савельевой привезти в Серебрянку мать командира батальона.

Переговоры с Мельниковым вели я и Катя Савельева в доме Ксении Архиповны Гороховой. Сначала передали ему записку от Михаила, в которой тот просил брата о встрече. Петр наотрез отказался.

— Родной ты мой сыночек! — запричитала мать.— Ты же можешь убить Мишу или он убьет тебя. Встреться с ним. Вот люди добрые помогут вам. Ты, может быть, не веришь, что он в партизанах? Поверь мне: я ведь двоих вас под одним сердцем носила.

Низенькая, сгорбленная от горя мать все время плакала. А он, тоже низкий, но коренастый, сидел рядом с ней и молчал. Она гладила его волосы, уже изрядно поредевшие, и все уговаривала:

— И люди уважают меня из-за Миши, что он со всеми. А вот как из-за тебя в глаза им смотреть должна?

— Меня не простят, все равно расстреляют,— твердил Петр, и на его бледном лице ярко проступили веснушки.

Я знал его раньше, еще до войны, а с Мишей Мельниковым дружил. Семья была трудолюбивая, уважаемая в деревне. Мать — ударница, участница Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, награждена медалями. Отец тоже был хорошим колхозником. Умер перед самой войной.

— Счастлив отец, что не увидел этого позора, счастлив,— плакала мать.

Вдруг Петр вскочил и зашагал по хате.

— А я несчастлив. Советская власть не дала того, что должна была дать.— Он говорил быстро, заплетавшимся языком, сглатывая окончания слов, хотя был вовсе не пьян.— Почему мне в сельсовете тогда не дали справки в рабфак? Почему? Мне жизнь испортили из-за этой справки.

— Не та причина, чтобы объяснить измену,— попробовал возразить я.

— Хорошо тебе рассуждать. А коли бы не приняли тебя в институт, что бы ты запел?

— И без института жить можно.

Он присел, а руки матери, будто маленького ребенка, гладили рыжую голову сына-карателя.

Мельников не согласился на сдачу батальона. Он прямо сказал нам с Катюшей:

— Я буду указывать свой маршрут, а вы сообщайте куда знаете... Дело ваше.— Он резко повернулся, сверкнул офицерскими погонами, пошел к двери, на пороге бросил через плечо: — Передайте, что завтра иду на Федоровку и Дедлово. Но...— Он злобно взглянул на нас.— Но если партизаны навяжут бой, к нам тут же придет подмога.

Резко хлопнула дверь, стало тихо, только на лавке у стола тихонько всхлипывала старенькая мать.

Командование партизанского отряда приняло решение не ввязываться в бой с карателями. Предполагали, что Мельников образумится.

Вечером я снова зашел в хату Ксении Гороховой. Батальон только что вернулся в деревню. Пьяные каратели шнyряли по улице.

Теперь был пьян и командир.

— Ну, что не тронули? Боитесь? — Он грохнул кулаком по столу.

В хату ввалился пьяный Иван Селедцов. Не снимая полушубка, на рукаве которого была повязка полицейского, он подсел к столу, жадно опрокинул в рот стакан самогона. Тут же встал с лавки и, дожевывая огурец, вскочил на кровать, присел, загородился подушкой и начал изображать, как будет завтра уничтожать партизан:

— Та-та-та! Тру-тру-тру! Бух-бух-бух! — издавал Селедцов хриплые звуки.

Мельников выпил подряд два стакана сивухи, схватил автомат, дал в потолок четыре короткие очереди.

— Вот так будем! Завтра...

Надо было немедленно уходить: с пьяным шутки плохи. Я взял у порога ведро и вместе с Катюшей вышел на улицу. Пьяными голосами гудела она. Значит, идти прямо к своему дому опасно, надежнее через огороды...

— Катюша, ты уж последи за командиром батальона. Постарайся не отпускать его от матери.

Часа через два Катя пришла ко мне. Никто этому не удивился, ведь все знали, что она моя невеста. Оказывается, Петр Мельников выгнал Селедцова, а Кате снова указал маршрут, по которому завтра пойдут каратели.

Михаил Лукашков по моему заданию ходил по хатам, тайком советовал женщинам уговаривать карателей, чтобы они не завязывали бой с партизанами: все, мол, вы свои, русские, да и деревни могут пострадать.

Каждый день я сообщал командованию о маршрутах ка-

рателей, о их настроении. А оно-то было вовсе не боевое. Немцы вскоре отозвали батальон и отправили в Бобруйск на переформирование.

6

На некоторое время партизан оставили в покое, и командование отряда решило провести операцию в Гутище. В этой деревне, расположенной возле самого леса, неподалеку от Довска, не раз останавливались разведчики, подпольщики и другие бойцы. Но оккупанты поставили на мосту через Гутлянку небольшой гарнизон, и теперь у всех проверяли пропуска — «аусвайсы». Гарнизон держал в страхе проезжих и прохожих, грабил население. Тех, у кого не было документов, на месте расстреливали. Даже если и был пропуск, но человек не давал приношения (яиц, кур, масло, самогон), к нему придирались, оставляли «до выяснения личности», и он должен был носить в гарнизон воду, рубить дрова.

В охране находились трое полицейских. С ними завязали связь наши подпольщики. Но местных полицейских вскоре заменили. Здесь оказались чехи и словаки. Хотя они носили немецкую форму, хорошо относились к населению, не отличались рвением в работе. Вскоре в деревне уже знали Теодора Полу и других. Чехов и словаков кормили плохо. А голод, как говорится, не тетка, и они стали чаще навещать Гутище. Рассказывали о Чехословакии, о том, как их насильно мобилизовали, интересовались партизанами.

Особенно участились визиты словаков к местному учителю Ждановичу. Он уже различал их не только в лицо, но и знал, как настроен каждый. Обо всем этом Жданович рассказал нашему подпольщику Михаилу Комарову и партизану Алексею Воробьеву. Командование отряда решило использовать сложившуюся обстановку, чтобы уничтожить вражеское гнездо на шоссе возле Гутища.

С чехами и словаками встретились К. Черненко, А. Воробьев, Н. Шаньков и А. Барковский. В квартире учителя их усадили за приготовленный стол.

— Мы возьмем вас в партизаны, если поможете нам уничтожить охрану, а с нею и мост через речку,— предложил Кузьма Черненко.

Они согласились. Тут же наметили план предстоящей операции.

На мост партизаны въехали на подводе вместе со словаками, поравнялись с часовым. Но тут сдали нервы у Воробьева. Он выхватил пистолет и выстрелил в немца. А предполагалось взять часового живым, чтобы не поднимать шума, затем тихо пробраться к домику, обнесенному до самой кры-

5 Зак. 2007

ши земляным валом, там иаходились еще семь фашистов.

Партизаиы бросились к казарме. Офицер, выскочивший иа порог, был тут же сражеи очередью. Но... что это? Под окнами домика стали рваться граиаты, преграждая путь партизаиам. Пришлось отступить за глухую стену казармы.

Дождавшись очередного взрыва, Кузьма Чериеико бросился к окну, метнул противотанковую граиату. Вместе с глухим взрывом осел домик. Еще две гранаты полетели в перекошенный проем окна. Партизаны ринулись к входу.

И только тут заметили на снегу отпечатки босых иог, затем в кустариике мелькиула зелеиая фигура.

— Одиого гада упустили! — крикиул Николай Шаньков и дал длинную очередь по кустам.

Словаки помогли погрузить иа саии стаиковый пулемет, восемь винтовок, восемь ящиков патроиов и гранат. Затем партизаиы облили деревянный мост горючей жидкостью, а сами скрылись в лесу.

Забегая вперед, иужио сказать, что в отряде полюбили словаков за веселый ирав и бесстрашие в бою. Теодора Полу перекрестили в Дорика. Вскоре он стал комаидиром отделеиия. Вырос до комаидира взвода. Затем в 1944 году был заслаи в еще оккупироваиную немцами Чехословакию и там комаидовал партизаиской бригадой. Пригодился опыт, приобретеииый в белорусских лесах...

Живут сейчас словаки — бывшие белорусские партизаны — в социалистической Чехословакии.

БОЙ У СВЕРЖЕНЯ

1

Со дия оргаиизации партизаиского отряда это был первый крупный бой, в подготовке к которому иаша подпольная комсомольская группа приняла самое непосредственное участие.

...Почти целый деиь партизаны шли и шли, хотя усталость валила с иог. Давал зиать о себе и голод. Трудио идти в последиих рядах колонии по расквашеииой сотнями ног сиежиой кашице. И сюда часто спешила Татьяиа Федоровна Корниенко.

— Что иос повесили? — улыбалась она.

Чериые глаза горели весельем. Высокая подтяиутая фигура этой жеищины заставляла мужчин расправлять плечи, тверже шагать.

— Денек-то недаром прошел,— продолжала Кориенко.

— Оно-то так,— отозвался Терентий Балабаев.— Да

сколько же у немцев войск? Все едут и едут, аж с сорок первого.

— Едут, да не те. Разве забыл, как выглядели первые молодчики? — вступил в разговор Юрий Лазарев, комсомольский вожак партизанского отряда.— Теперь только у офицеров по-прежнему шик да наглость. Да и то, я думаю, от страха. А солдат пошел — одни старики да юнцы желторотые. Палят из автоматов в белый свет как в копейку, лишь бы шума побольше. Это уже, братец мой, от неумения.

— Вот ты, Балабаев, говоришь: едут,— вмешался Арсен Бердников.— А почему едут? Да потому, что те, которые ехали раньше, назад не вернулись. Капут им, вот что!

Отряд часто останавливался, чтобы сменить тех, кто шел впереди. Хотя в хвосте колонны тяжело, зато первые прокладывали след по снежной целине — им-то намного труднее.

Вот и снова остановились. Задние гадают: смена головного подразделения или новая опасность?

— А сегодня, Юра, попались нам вовсе не старики и юнцы, а откормленные да краснорожие,— продолжала разговор Татьяна Федоровна.— Хорошо драпали от засады Журавлева прямо под наши пули!

— Так это ж каратели, не о них разговор...

Партизаны возвращались с необычной засады. Выждали, пока появился поезд с живой силой, и подорвали мину. По обе стороны дороги густой цепью растянулся чуть ли не весь отряд. Как раз попался эшелон с карателями. Но куда ехали, так и не узнали: не взяли «языка».

Командование отряда решило не идти в «свою» деревню, а стать на дневку в поселке Днепровский, недалеко от Кистеней Рогачевского района, послать разведку в окрестные деревни и к подпольщикам в Серебрянку, Гадиловичи, на 16-й разъезд, а также выделить отделение за боеприпасами в один из ближайших тайников.

Предыдущие сведения связных и разведчиков сводились к тому, что вот-вот должна начаться очередная карательная экспедиция. Может, в этом эшелоне и ехали войска на блокировку журавичских лесов.

Партизаны расположились в крестьянских хатах. Бойцов потчевали радушные хозяйки — делились последним куском хлеба, солеными огурцами, квашеной капустой и, конечно, разваристой бульбой.

В полночь в поселок прибыла группа рогачевских партизан.

— Так это ж дикановцы! — простуженным голосом воскликнул Карп Михайлович Драчев.— Ну так ведите ж меня в штаб, хлопцы!

А в штабе он поведал о том, чего с тревогой ожидали целый день: начииается блокада.

Меня доставил в отряд Семен Скобелев. Я доложил, что серебрянские подпольщнкн не смогли вчера найти отряд, чтобы сообщить о готовящейся карательиой экспедиции. А иаши комсомо́льцы узиали многое. Ннна Язикова, рискуя жизнью, пробралась в логово врага н получнла цеииые сведения: в Довск прибыло более трехсот гитлеровцев из журавичского, кормянского и пропойского гарнизоиов. Оин завтра пойдут на проческу лесов. На вооруженнн — таикетка, двадцать трн пулемета. Артиллернн, правда, нет. Нииа Язикова еле успела выбраться из Довска: по дорогам снуют патрульиые группы. Выручило то, что каратели нскали самогон.

— Дома нашелся бы...— ответила патрулю Нина.

— А где твой дом?

— Не очень далеко, в Серебрякие.

Патруль доложил заместителю иачальиика полиции Ларькову. После возвращеиия нз тюрьмы его восстановнли на прежнюю должность. Тот, видимо, догадываясь, что за девушка перед иим, выделнл подводу с двумя полицейскими. Пришлось Ннне Язиковой отдать два лнтра водки за... вовремя доставлеииые мие сведения.

Вот об этом я рассказал комаидиру партнзаиского отряда С. М. Белых. Дикаи, Аитонов н Будников уточинлн детали: настроение карателей, отиошение к населению, есть ли у них лыжи н белые халаты.

— Ну что же,— заметил Белых, когда выслушал мой рассказ,— доставить тебя домой, видимо, ие удастся. Пока останешься при штабе. Но только — пока... Оружие получни́шь у Аитонова.

Из Старого Села н 16-го разъезда тоже прииесли тревожные вестн: во второй половине дня здесь выгрузнлнсь два эшелона карателей — до тысячн иемцев н власовцев. На вооружеиии — две пушки, мииометы, миого пулеметов н автоматов. Привезлн н две походные кухни с собой. Зиачит, не на один деиь пожаловали в иашн края.

Ситуация стала проясняться. Из-за стола подиялся Белых, взгляиул на свои часы, самые точные часы в отряде, раздобытые во время боя Кузьмой Чериеико.

— Сейчас половниа первого,— сказал комаидир отряда.— Немедлеино снимаемся н следуем через Диепр в Свержень. Журавлеву с ротой подготовить оборону в севериой частн местечка, Гаврилову — на южиой окраине, по дороге в Рекотино. В лесу возле этой деревии замаскироваться Драчеву. Вам, Карп Михайлович, вступать в бой лишь в крайнем случае. Другие подразделеиия держат обороиу юго-восточиее Довска и Юдич. Оин вроде осиовного резерва. Еслн каратели пойдут из Довска, резерв вступает в бой. Поиятно? — Белых

обвел глубоко запавшими глазами командиров рот и взводов.— Вести только прицельный огонь: беречь патроны... Надо разбить карателей по частям, так легче будет уйти от преследования. И во что бы то ни стало инициативу надо держать в своих руках.

Через четверть часа партизанский отряд уходил из поселка. Замыкала колонну группа Кузьмы Черненко. Она была арьергардом. Кроме того, должна вести разведку, особенно выяснять, по каким дорогам продвигаются каратели.

В полночь снегопад прекратился. Небо прояснилось. На иссиня-черном его куполе ярко засветились звезды, на горизонте разгорались разноцветным пламенем редкие в этих местах отсветы северного сияния. Мороз крепчал, будто подгонял партизанскую колонну. Люди шли молча, суровые, задумавшиеся.

2

В одиннадцать утра каратели вытянулись длинной цепью по дороге Мадора—Кистени—Свержень. По ней всего лишь несколько часов назад шли партизаны.

— Неплохо у них работает разведка,— сказал Белых, когда Черненко доложил о противнике.— Зато все они будут на виду...

Дело в том, что на левобережье Днепра дорога проходила через четырехкилометровую полосу луга, покрытую толстым слоем снега, который сровнял все ямы, ложбины, старицы и пригорки.

Вскоре показалась длинная цепь карателей. Метрах в семистах от местечка на виду у хорошо замаскировавшихся партизан цепь раздвоилась и полукольцом начала охватывать Свержень с западной стороны. Фашисты шли напрямик к улице, параллельной приднепровскому лугу.

Когда начали разворачиваться вторая и третья цепи, почти одновременно раздались два артиллерийских выстрела. Снаряды разорвались чуть впереди цепи, намного не долетев до огородов. Два снежных столба будто придавили фашистов к земле. Немцы из-за реки ударили по своим.

После пристрелки началась артподготовка. Она длилась более получаса. В местечке вспыхнули пожары. Когда прекратился обстрел, каратели оказались в двухстах метрах от Сверженя.

Все ближе к огородам подходят серо-зеленые цепи. Вот уже различимы лица, наполовину скрытые касками. Автоматы и винтовки, кажется, нацелены в твою грудь.

Семьдесят метров до огородов... Пятьдесят...

— По врагу — ого-онь! — скомандовал Журавлев и выпустил первую короткую очередь.

Справа и слева дружным залпом отозвались винтовки, автоматы. Почти одновременно заговорили пулеметы роты старшего лейтенанта Гаврилова.

На снег, за несколько метров до огородов, уже упали первые фашисты, корчились раненые. Те, которых не задели пули, попятились назад. Но тут раздалась команда, и гитлеровцы бросились вперед — на наши позиции.

Партизаны усилили огонь и прижали немцев к земле. Многие враги остались лежать на снегу неподвижно. Послышались стоны раненых гитлеровцев.

А партизанские пулеметчики, снайперы и стрелки уже обстреливали вторую и третью цепи карателей и, где надо, меняли позиции на более удобные.

Передняя цепь откатилась назад, атака захлебнулась. Однако перестрелка продолжалась — интенсивная, хотя и беспорядочная со стороны гитлеровцев, лежавших на открытом снежном лугу, и скупая, прицельная со стороны партизан, замаскированных на огородах и приусадебных постройках.

Усилился бой в северной части местечка. Группа Андрея Козырева бросилась в контратаку, вышибла в поле гитлеровцев, пробравшихся на огороды.

А на южной окраине Сверженя было пока спокойно. Туда не успели подойти немцы. Пойма речки Рекотянка была забита глубоким снегом. Партизаны ждали, пока приблизится противник. Сюда с опушки леса к нему спешило подкрепление — две роты гитлеровцев. Если те выберутся из поймы да еще одновременно ударят, туго придется левому флангу.

Снова открыли огонь пушки и минометы. Артподготовка на этот раз длилась долго. Начали бить тяжелые пулеметы. Гитлеровцы одновременно не пошли в атаку — видно, боялись своих же снарядов и мин.

Короткими перебежками Белых добрался в укрытие политрука Фомы Журавлева, прилег рядом с ним и приказал:

— Проскочишь с третьим взводом во-он до того лесочка,— он показал рукой.— Дальше двигайся окраиной деревни Рекотино и выйди к рогачевскому отряду. Когда мы перейдем в контратаку, ударите в тыл фашистам.

— Понял, товарищ командир,— ответил политрук.

Под прикрытием кустарника взвод пробрался в лес и вскоре встретился с партизанами Карпа Драчева. Продвигаясь в тыл противника, они наткнулись на небольшую группу карателей. Схватка была короткой, но погиб один из рогачевских партизан и тяжело ранило в грудь Фому Журавлева. Партизаны вышли на опушку.

А немецкие цепи уже поднялись в атаку и устремились на Свержень. Народные мстители подпустили их на близкое расстояние и открыли дружный огонь. Тут же громкое

«ура-а!» прокатилось по всей линии обороны — партизаны пошли в контратаку.

Отстреливаясь, фашисты отступили к лесу. И тогда на опушке раздалось «ура-а!». Это бойцы Фомы Журавлева вместе с рогачевскими ринулись в атаку.

Гитлеровцы очутились меж двух огней. Они начали отступать к Днепру. Центральная группа противника отхлынула к лугу, оставив раненых, пушки, минометы, походные кухни, и устремилась к реке — туда еще была открыта дорога. По заснеженному льду каратели перебрались на другой берег.

Начальник штаба отряда Антонов приказал хозвзводу подобрать трофеи, подсчитать убитых и оставленных раненых фашистов.

Бойцы особого отдела собирали карты, документы, записные книжки убитых и раненых, а наши подразделения уже врывались в Кистени, когда в тылу у партизан снова вспыхнул бой. Послышались пулеметные и автоматные очереди, разрывы гранат.

«Бой, но с кем?» — с тревогой подумал каждый.

Оказывается, Белых давно ждал этого момента, хотя ему хотелось, чтобы он наступил как можно позже. Командир отряда приказал не преследовать карателей далее Кистеней и Вищина: нужно беречь силы.

Казалось, совсем спокойно он посмотрел на часы. Было три часа сорок пять минут дня. «Ну что ж, опоздали каратели из Довска!» Белых планировал разбить врага по частям: сперва западную группировку, затем — восточную, из Довска.

Западную разбили, но как будет с восточной?

3

Взвод Кузьмы Черненко прикрывал дорогу, ведущую на Свержень из Серебрянки. Впереди действовал разведдозор. Бой, судя по отзвукам, уже далеко откатился от местечка, затихал где-то у реки Днепр, возле Вищина.

Вдруг раздался одиночный выстрел. Потом снова стало тихо. Насторожился Черненко, замерли его товарищи.

Из-за поворота дороги показались гитлеровцы. «Что такое? Что с дозором?» — пронеслась страшная мысль.

В следующее мгновение Черненко подал команду — и дружный залп эхом отозвался в лесу. Каратели было попятились, но тут же опомнились и продолжали наступление, тесня небольшую группу партизан. Взвод отошел и уже в другом месте оседлал дорогу, преграждая карателям путь к Сверженю.

Трудно пришлось бы взводу Черненко, если бы в самый критический момент не подоспели Гаврилов и Михаил Журавлев со своими партизанами.

Бой вспыхнул с новой силой. Окрыленные недавней победой под местечком, партизаны контратаковали карателей и погнали их к шоссе.

В это время Белых подъехал на повозке к месту боя. Он заметил вдали на шоссе автоколонну. Если партизаны станут преследовать карателей до Серебрянки, эта колонна окажется в их тылу.

Два вестовых поскакали к Гаврилову и Журавлеву с приказом немедленно прекратить преследование.

И вот уставшие партизаны возвращаются в Свержень. Все довольны такой победой, даже двумя. Только Кузьма Черненко идет, понурив голову. Ему сегодня не весело. Никак не поймет, что случилось с дозором. Павел Бычкунов был убит кинжалом. Это он дал предупредительный выстрел: в канале ствола — стреляная гильза. Куда же девался Василь Кулюта? Вдвоем они были в дозоре.

Кулюта прибыл в отряд недавно, недели полторы назад. До этого служил в Свержене в полиции. Учли его молодость, простили, мол, искупит свою вину. И вот теперь... Что же теперь? Может, он в лесу где-нибудь лежит, пристреленный или зарезанный карателями?

У сельского кладбища собрались партизаны и население. Желтеет свежевырытый песок, снег больно режет глаза.

Хоронили четверых — Бородулина, Бычкунова, Шаламова и Драчева. На желтый вал ступил комиссар. Он недолго говорил, но о каждом из четырех сказал доброе слово.

Павел Бычкунов — комсомолец, нет и двадцати лет. Мало прожил, дальше Журавич нигде не был. Василий Бородулин — из Актюбинска, русский, но останется навеки в сердцах белорусских партизан. Яков Шаламов — с Алтая, немало сделал для освобождения белорусской земли. Иван Драчев — тот самый, которого подпольщики из Задубья послали в Корму работать жестянщиком в мастерской, где были военнопленные. Он многим спас жизнь, переправив в отряд.

— Поклянемся же, товарищи, что и впредь будем так же бить фашистов, как сегодня били! Будем бить, пока не уничтожим всех! Вечная слава павшим товарищам!

Раздался троекратный залп.

Вскоре партизанский отряд выступил из Сверженя. Пятьдесят лошадей, захваченных у карателей, как нельзя кстати пригодились нам. Ведь надо было везти два орудия, четыре батальонных и девять ротных минометов, двести четырнадцать винтовок и девятнадцать автоматов, восемь подвод со снарядами, минами, гранатами и патронами, две кухни, ме-

дикаменты и перевязочные материалы. Да и для двенадцати раненных в этом бою партизан нужны были лошади.

Когда вошли в лес, к Белых подъехал начальник особого отдела Будников и доложил, что выяснил судьбу Кулюты. Оказывается, в дозоре он шел первым, первым увидел колонну карателей, но, не предупредив об опасности ни Павла Бычкунова, ни командира взвода, трусливо спрятался в ельнике. А затем убежал домой, напился самогона и улегся спать. Его там и нашли партизаны.

— Судить партизанским судом,— предложил Будников.— За вами окончательное решение.

— Согласен! — отрубил Белых.

Отряд шел в деревню Малые Стрелки. Вскоре распрощались с партизанами Карпа Драчева: рогачевцы направлялись в свой район. Вечером на розвальнях Семен Скобелев доставил меня в Серебрянку. Сначала я заглянул к Михаилу Лукашкову. Он сказал, что все спокойно, никто не заходил к нам домой, не справлялся, почему я отсутствую.

Весть о бое у Сверженя быстро облетела всю округу. Говорили уже не об одном отряде, а о «целой партизанской дивизии».

Этот бой имел еще одну положительную сторону. Усилился приток в партизаны. Только за одну неделю в ряды народных мстителей кроме девяти человек из Сверженя влились 156 бойцов из Журавичского, Кормянского, Рогачевского, Буда-Кошелевского, Быховского, Жлобинского, Уваровичского, Пропойского районов.

ДЕРЖИСЬ, ПАРЕНЬ!

1

В конце 1942 года в деревнях Старый и Новый Довск фашисты создали лагеря военнопленных. Им нужна была рабочая сила для ремонта шоссейных дорог. Нашей подпольной комсомольской организации командование отряда поручило подготовить перевод военнопленных из Старого Довска в партизаны. Такую же задачу получила подпольная партийная организация в Новом Довске.

Пленные жили в холодном сарае, продуваемом сквозняками. Пища — неочищенная гречиха, мороженые брюква и капуста. Маленький кусочек эрзац-хлеба выдавали раз в неделю. А работали пленные с утра дотемна. Жутко было смотреть на обросших, оборванных людей, еле тащивших тачку. Многие падали. Тогда раздавалась автоматная очередь и пленный оставался недвижимым на мерзлой земле. Многие умирали от холода на гнилой соломе в бараке. Утром их вы-

возили на дровнях в ближайший ров, присыпали снегом.

Страшная картина страданий военнопленных не давала нам покоя ни днем ни ночью. Как помочь им вырваться из этого ада? Командование отряда не могло пойти на открытый бой. Рядом усиленный гарнизон и бойкий перекресток шоссейных дорог.

Мы решили связаться хотя бы с одним охранником и попытаться через него подготовить людей к побегу из лагеря. Валя Кондратенко как раз жила в соседней деревне, ей и поручил я «завязать знакомство». Нина Левенкова стала связной между Валей и мной.

Вскоре пришла первая весточка от Вали: познакомилась с Митрофаном Мазиным. Он из военнопленных, но немцы поручили ему и еще нескольким охрану. Подбирали по принципу: здоровый, рослый, широкоплечий — тебе и охранять, конечно, рядом с немцем. Мазин хорошо обращался с пленными, заходил кое к кому из местных крестьян, спрашивал, как связаться с партизанами. Валя несколько раз встретилась с ним, из разговоров выяснила, что он ненавидит гитлеровцев, готов хоть сейчас перейти к народным мстителям. Но это лишь слова. А что в действительности думает Митрофан Мазин?

Решили испытать его. Валя будто невзначай показала сводку Совинформбюро, мол, нашла на дороге. Он внимательно прочитал и попросил разрешения передать ребятам. Валя настояла, чтобы Мазин переписал. Дело было как раз у соседки. Митрофан тут же переписал и отправился в лагерь. А Валя ждала час, два, но никто за ней не пришел, не арестовал. Когда же назавтра зашел Мазин и снова попросил, чтобы она узнала, где можно встретиться с партизанами, Валя сказала:

— Собирайтесь, пойдем...

Конечно, перед этим мы обдумали, что предпринять, и решили все-таки встретиться с Мазиным в Серебрянке, основательно прощупать, чем дышит человек, что у него, как говорится, за душой.

Когда я пришел в дом Христины Мельниковой, родной сестры Нины Языковой, то чуть было не попятился к порогу. Широкоплечий детина в немецкой форме и с автоматом в руках поднялся с лавки, головой чуть не доставая потолок. Худенькая Валя Кондратенко рядом с ним казалась просто ребенком.

Долго мы говорили с Мазиным. Нина Левенкова с подпольщиками в это время наблюдала за улицей и гарнизоном, который был в каких-то двухстах метрах от дома Мельниковой. И место встречи, и время (середина дня) были подобраны специально. Ведь не могли же гитлеровцы даже представить себе, что буквально рядом с ними ведутся пере-

говоры о переходе целого лагеря военнопленных в партизанский отряд.

Мазин рассказал, что все без исключения военнопленные с радостью уйдут в лес. С многими он сам говорил об этом, настроение других выведали его товарищи.

Мы договорились с Митрофаном Мазиным, чтобы в полночь с 21 на 22 февраля все пленные были готовы к уходу. Охрану лагеря в это время должны нести Мазин и его друзья, к пирамиде с оружием поставят тоже своего человека.

Я доложил командованию отряда о результатах встречи с Мазиным. С. М. Белых выделил для операции взвод во главе с комсомольцем Кузьмой Черненко.

Ровно в полночь партизаны подошли к лагерю. Мазин уже ждал их. В считанные минуты места часовых заняли партизаны, двое стали у пирамиды с оружием. Первый этап операции выполнили без единого выстрела. Зато второй без шума не обошелся.

Алексей Барковский с группой автоматчиков широко распахнул дверь жарко натопленного помещения, где подвыпившие немцы все еще играли в карты.

— Хенде хох! Руки вверх! — скомандовали партизаны.

Хотя гитлеровцы были пьяны, один из них все же схватился за пистолет. Длинные автоматные очереди срезали всех, сидевших за длинным столом.

Кузьма Черненко распахнул дверь в холодный сарай.

— Товарищи! Вы свободны! Немецкая охрана уничтожена. Кто желает в партизаны, выходи во двор строиться.

Захватив свои нехитрые пожитки, 49 бывших военнопленных выстроились во дворе лагеря. Многих поддерживали товарищи. Конечно, строем эту извилистую цепочку измученных людей можно было только условно назвать.

— Товарищи, одна к вам просьба,— сказал Черненко,— помогите своим ослабевшим товарищам, не оставляйте их.

— Будет сделано! — за всех ответил Митрофан Мазин.

В этой операции уничтожили 15 немцев и 4 полицейских. Среди партизан потерь не было. Из лагеря унесли станковый и три ручных пулемета, 13 винтовок и 15 тысяч патронов.

Той же ночью и в Новом Довске была проведена подобная операция. Агафья Толкачева и Василий Хилькевич, секретари подпольных партийной и комсомольской организаций, направили на службу в охрану лагеря своих людей, в том числе Ивана Анищенко. Василий Хилькевич сам вызвался идти готовить операцию. Окончательный план разгрома лагеря разрабатывался командованием отряда в Хмеленце, куда прибыли вместе с подпольщиками начальник охраны Иван Орленко и полицейский Василий Арсентьев. Оба они были отобраны на эти должности из числа военнопленных и вместе со всеми рвались в партизаны.

Согласно плану, охрана должна была бесшумно снять часовых и вместе с военнопленными идти в Хмеленец, где их будет ждать Самуил Дивоченко. Он-то и проведет в партизанский лагерь.

В самом начале операции случилась трагическая ошибка. Иван Орленко загнал в канал ствола винтовки патрон и в сопровождении двух надежных охранников подошел к немцу, дал закурить и тут же ударил его прикладом по голове. Затвор винтовки стоял на боевом взводе, и от удара произошел выстрел — Орленко смертельно ранило в живот... Но все же 51 военнопленный вышел из лагеря и благополучно добрался до партизанского отряда.

Накануне Дня Красной Армии и Военно-Морского Флота отряд пополнился 115 бойцами. Кроме военнопленных прибыли 15 местных жителей. Все они хорошо владели оружием, люто ненавидели фашистов.

2

Обеспокоенные активностью партизан оккупанты, в частности полевая жандармерия Нового Довска, которую возглавлял майор Шварц, принимали отчаянные меры, чтобы обезопасить зоны продвижения войск на фронт по шоссе Брест — Москва и перегруппировки частей по дороге Киев — Ленинград. Карательные отряды шныряли по населенным пунктам, прочесывали леса. У шоссейных дорог теперь им удалось восстановить гарнизоны, в свое время разгромленные партизанами, и даже создать несколько новых.

Шварц решил поставить еще один гарнизон в Серебрянке. Молодой немец-лейтенант уже ходил по деревне, заглядывал в дома, прикидывал, где бы расположить гитлеровцев.

Я доложил об этом С. М. Белых. Командование дало задание: найти предлог, чтобы побывать в старом гарнизоне и точно узнать, где расположится новый.

— Да заодно присмотрись,— продолжал Белых,— чем он вооружен и как укреплен.

— Только будь осторожен,— предупредил Антонов.— Чтобы ни в чем не заподозрили.

По дороге из отряда я придумал предлог, чтобы побывать в гарнизоне: заболел дедушка Степан, вот и пойду за таблетками или за микстурой.

Утром шагал к рекотянскому мосту. Правда, «шагал» — не то слово. Шел и напряженно перебирал в памяти все возможные варианты моего провала. Повторял на немецком языке, что скажу, как только войду, как дальше поведу разговор. К этому времени я уже свободно читал и кое-как мог говорить по-немецки.

Меня пропустили к коменданту, и я преподнес ему в подарок полдесятка яиц. Это в феврале-то! Комендант заметно подобрел и внимательно выслушал меня.

— Гут, хорошо, мы посмотрит дедушка,— ответил комендант, вместо того чтобы дать таблетки.

— Вы врач? — искренне удивился я.

— Студент.

«Вот те на: влип по уши! — холодок пробежал у меня меж лопаток.— Приведу немцев в дом, и нас всех расстреляют. Будут опасаться, что у дедушки тиф,— и расстреляют. Ведь бывали же такие случаи...»

Я ругал себя за то, что не мог придумать какой-либо иной повод для посещения гарнизона.

И тут же мелькнула другая мысль: а может, он хочет проверить, правду ли я сказал? Может, для партизан просил таблетки. Ну что ж, пусть проверяет — дедушка действительно болен.

Пока офицер брился, собирался, отдавал какие-то распоряжения, я хорошо рассмотрел казарму. Это был деревянный сруб, разделенный на три части. В одной — жилье офицера, в противоположной — в два яруса нары, а посредине — комната, где находится пирамида с оружием — 8 винтовок и два немецких легких пулемета. «Да еще одна винтовка у немца, который стоит на посту,— мысленно дополнил я,— автомат у офицера под кроватью, кольт, что болтается у него на ремне. Ну а в тех ящиках — патроны или гранаты. Точно, гранаты: такие ящики я уже видел».

В помещении стояла невыносимая жара, пропитанная затхлым казарменным воздухом. А толстый, взопревший старый солдат все подкидывал дрова в раскаленную печку-буржуйку.

Офицер, видимо, идти один побоялся. Взял с собой двух солдат. Когда вошли в наш двор, они остались у крыльца, а мы с офицером — прямо в дом.

Я помог дедушке слезть с печи. Офицер, к немалому моему удивлению, достал термометр, проверил температуру. Потом сказал, что воспаление легких.

Немец дал несколько таблеток, посоветовал поставить банки, натирать спину скипидаром. И при этом все время рассматривал наше жилище. Взгляд его остановился на запечье, откуда выглядывал петух.

— Кур, я, я! — усмехаясь, заговорил он.— Комм цу мир!

Я понял, что он требует плату за осмотр больного. Мало ему яиц, отдай еще и петуха.

Мама достала из запечья петуха. Немец сиял от удовольствия и поглаживал белой рукой с перстнем рябое оперенье и примороженный гребень. К счастью, курица не была в это время в запечье, а сидела под кроватью в корзине, иначе

лишилась бы моя бабушка Ульяна всего куриного поголовья.

Но у меня на душе стало легче: все обошлось благополучно. Воспаление легких — не тиф, значит, расстреливать семью немец не станет.

— Ты пойдешь со мной! — Офицер ткнул пальцем мне в грудь. Я, видимо, побледнел, потому что он начал успокаивать: — Не бояться. Один час — и домой.

Он начал объяснять, что надо найти подходящий дом для расположения нового гарнизона на тридцать человек.

Определенно везло мне в тот день: сам офицер назвал цифру, которая меня интересовала.

Я повел немцев к дому Сильвестра Янченко, отца бывшего полицейского, а ныне хорошего партизана, командира роты Якова Янченко. Расположен дом почти на опушке леса по дороге на Свержень. Старик на время может перейти в хату сына. Только на время ли? Если партизаны нападут на гарнизон, дом Янченко-старшего, конечно, сожгут.

И дом, и место понравились офицеру. Он явно начал доверять мне. Стал объяснять, что через три дня мне придется с ним поехать в деревню Шапчицы переводчиком, чтобы отобрать для нового гарнизона лучших полицейских. Оружие надо разделить поровну, сюда можно и чуть больше. Правда, на такое объяснение у нас ушло добрых минут двадцать. Офицер так же плохо изъяснялся на русском, как я на немецком.

— Вам нравится наша деревня? — спросил я.

Лицо офицера побледнело, в глазах вспыхнули недобрые огоньки, холеные руки нервно застегнули шинель.

— Нет,— ответил он резко и махнул рукой в сторону сверженского леса.— Здесь много-много партизан.

— О-о! — посочувствовал я.

Наконец мы разошлись. Мне надо было хоть немного поспать. Ночью снова идти, на этот раз в Свержене ночует отряд.

Белых улыбнулся, когда я окончил рассказ о встрече с комендантом гарнизона:

— Пока идет как по-писаному! Поезжай с ним в Шапчицы.

— Притом толково выполни задание офицера,— заметил Дикан.— Во-первых, в доверие войдешь, а во-вторых, больше оружия привезешь,— и похлопал меня по плечу.— Для нас, конечно, не для офицера.

— В Шапчицах как следует изучи гарнизон — укрепления, смену караула и прочее,— добавил командир отряда. Затем спросил: — Боишься?

— Страшновато,— признался я.

— Ну, знаешь, воевать — это тебе не в куклы играть!

сказал Белых.— Задание придется выполнить, притом усердно.

Друзья-партизаны проводили меня в этот раз, как показалось, теплее обычного. Это навело на тревожное раздумье: «Не прощаются ли, не предчувствуют ли провала?» Но я приказал себе: «Держись, парень!»

3 марта рано утром к нашему дому подъехала подвода с немцем-возницей. На вторых санях сидел офицер. В Довске полчаса ждали, пока тот ходил в полевую комендатуру за письменным отношением к начальнику шапчицкой полиции. Значит, журавичские районные власти подчинены полевой военной комендатуре. Значит, достаточно одного росчерка пера майора Шварца, чтобы перевести половину полицейских из любого гарнизона в Серебрянку.

Когда прибыли в расположение шапчицкого гарнизона, я окончательно утвердился в своих догадках. Полицаи нас встретили недружелюбно.

— Нам нужен начальник гарнизона! — потребовал я.

Двое полицейских с винтовками наперевес, не впуская в укрепление, ответили, что начальника сейчас нет... А в дзоты уже бежали гитлеровцы. Складывалось впечатление, что вот-вот откроют по нас стрельбу. Даже днем боятся партизан... Наконец в глубине обширного двора, расположенного за высоким валом и проволочным заграждением, появился лучше других одетый полицай.

— К вам прибыл начальник серебрянского гарнизона с предписанием коменданта военно-полевой комендатуры майора Шварца,— сказал я.— Доложите офицеру, кто вы.

— Савельичев, заместитель начальника полиции.— Он приложил руку к козырьку.— Начальника вызвали в Журавичи, будет только завтра утром.

— Проводите нас к себе,— приказал офицер.

Мы пошли за Савельичевым. По дороге он спросил, кто я такой.

— Работаю по приказу господина офицера,— уклончиво ответил ему и с достоинством заметил, что лейтенант заберет в Серебрянку половину состава полиции для создания нового гарнизона.

На двор из дзотов и казармы высыпали полицейские, глазели на нас, видимо, силясь понять, зачем мы здесь. Я рассматривал молодых, лет по 17—20, парней. Одного из юнцов узнал, он из Старого Довска, по фамилии Божков.

— Ты как попал сюда? — спрашиваю.

— Мобилизовали,— со вздохом ответил он.— Уже скоро месяц, как здесь.

— А другие?

— И нас тоже мобилизовали,— послышалось со всех сторон.

— Этот офицер из серебряиского гарнизоиа. Пойдете к нему, коль вас мобилизовали иа службу.

— А разве плохо, что мобилизовали? — вдруг спросил Савельичев, и я понял — слишком неосторожно употребил это слово.

— Напротив! — отвечаю.— Советую и вам перейти в Серебрянку. Да отберите с собой самых сильных полицейских. Об оружии подумайте. Лучшее, конечно, захватите с собой. Ну как, согласиы? Если не против, то буду рекомеидовать вас господиину лейтенаиту.

Савельичев осклабился, угодливо наклоиил голову. Видимо, ему хотелось стать самостоятельным начальником. А когда зашли в помещение и он прочел предписаиие Шварца, совсем сдался.

— Сегодия же составить списки тех, кто едет в Серебрянку,— приказал офицер,— и позиакомить меия с людьми.

Савельичев кликнул своих дружков, долго с ними о чемто шептался. Накоиец ему прииесли ручку с пером, чернила и лист бумаги. Он, морща лоб, долго и старательно выводил фамилии, а я читал и думал: «Пиши, пиши, гадина. Может, завтра остаиутся от вас одни лишь эти списки...»

Вскоре на простороим дворе выстроилась цепочка полицейских.

— Почему тридцать пять? — спросил офицер.

— Ровио половина...

— Постройте вторую, тоже с оружием.

Я шепнул на ухо офицеру, что у второй половины иа один пулемет больше. Ои приказал перевести пулеметчика в «иашу» шеренгу. Офицеру почему-то понравились двое парней, и он перевел их сюда, а взамеи передал двух иизкорослых.

Пришлось Савельичеву виести поправки в свои списки.

«Четыре пулемета везут с собой,— прикинул я.— В Шапчицах при трех пулеметах и 28 винтовках остаются 33 полицейских».

Начальник полиции почему-то ие задержался в Журавичах до утра, а возвратился перед закатом солнца. Вечером для отъезжающих устроили прощальный ужин. Был спирт, самогон и немецкий шнапс. Пили много и отъезжающие, и те, которые оставались в Шапчицах.

— Почему ие пьете? — приставал ко мие полицейский, сидевший справа.

— Не могу, головой слаб...

— А если потеряете свою слабую голову?

— Все может случиться. На фроите каждый час летят тысячи голов и русских, и иемецких. А наши, может быть, завтра полетят — кто знает?

Зато немецкому офицеру поиравилось, что я пью совсем мало.

На следующее утро предложил ему пройтись по гарнизону, посмотреть, нельзя ли чего-либо еще прихватить с собой. Он обрадовался, видимо, понял меня буквально в прямом смысле. Мне же нужно было посмотреть расположение укреплений.

3

Под вечер на восьми подводах мы прибыли в Серебрянку. Офицер отпустил меня домой, а сам повез гитлеровцев к Сильвестру Янченко. Через час кто-то постучал в окошко. Выскочил в сени и носом к носу столкнулся с Яковом Янченко.

— Так рано? — встревожился я.— Сейчас небезопасно, только что приехали они...

— Приказано доставить тебя в штаб отряда,— хмуро ответил Янченко.

Я возвратился в дом, сказал маме, куда еду, и сунул в карман полушубка свой «ТТ». Выходя, слышал, как на печи бабушка шепчет молитву.

Я бросился в розвальни. Янченко дернул вожжи, и сильный серый конь рванул с места, обдав нас комьями снега из-под копыт.

— Ты на меня не обижайся, Яков Сильвестрович,— начал я, когда выехали за огороды.— Не моя вина, что отца твоего выселили. И дом понравился офицеру, и место.

— Не обижаюсь я,— проворчал Янченко, глубже уходя в большой воротник тулупа.

Конь бежал ходко, и вскоре мы были в Свержене. Штаб располагался в доме Григория Житкевича, нашего связного. Здесь собралось все командование: Белых, Дикан, Антонов, Будников, командиры рот. Многих я увидел впервые. Отряд растет, увеличивается количество подразделений. Хозяйка в маленькой боковушке готовила ужин, а мы толпились в просторной передней.

— Ну докладывай! — сразу же нетерпеливо потребовал Белых, когда я за руку поздоровался почти со всеми.— Только все по порядку, с подробностями.

Рассказ мой занял доброго полчаса. Затем посыпались вопросы. Уже картошка перестала дымиться на столе, а мы так и не притронулись к еде.

— Хорошо,— подвел итог разговору Дикан, и прямая поперечная морщинка на его открытом лбу чуть разгладилась, сверкнули радостью светло-серые глаза.— Пока идет неплохо.

Ужинали все вместе. Только, казалось, одному Белых безразлично было то, что стояло на столе. Время от времени он поднимался, к немалому удивлению хозяйки, и метровы-

6 Зак. 2007

ми шажищами мерил большую хату Житкевичей. В это время все замолкали, и мне почему-то вспомииалась книга Д. А. Фурманова и фраза о том, что Чапаев думает.

Через полчаса был готов приказ. В. А. Трубачев с ротой выступает сегодия же иочью и уничтожает остатки шапчицкой полиции, взрывает дзоты, сжигает помещения. Рота М. П. Журавлева оседлает шоссе возле Хмелеица и не пропускает ни одной живой души ни в ту, ни в другую стороиу. Если же появятся немцы — уничтожает. Две роты — И. М. Гаврилова и З. П. Самыкииа — расправляются в Серебрянке с прибывшими полицейскими иового гарнизона.

— Журавлеву доставить Дмитриева в Серебрянку, немедленно, до начала боя,— приказал Белых. И обратился ко всем: — Вопросы?

Вопросов ие было, и мы вышли из штаба.

В одиинадцать часов вечера партизаиы Гаврилова и Самыкина атаковали новый гариизои. Отчаяино отстреливались только часовые. Сосновый дом Сильвестра Янченко, изрешеченный партизанскими пулями, запылал ярким факелом. Из первого гарнизона немцы пускали осветительные ракеты, начали палить из пулеметов и винтовок. Это несколько помешало завершению операции так, как намечалось. Жалко было оружия: оно сгорело. Восемь полицейских оказались убитыми, один ранен. Основная же часть убежала или уползла в кустарник по соседству с домом. Подобрав только один станковый пулемет, партизаны отошли.

Успешно прошла операция и в Шапчицах. Правда, роте Василия Трубачева не сразу удалось захватить гарнизон. Гитлеровцы вовремя успели ускользиуть в дзоты и открыли шквальный огонь. Партизаны пошли иа хитрость. Они подожгли все дома местных полицейских, а сами отошли и замаскировались невдалеке от гарнизона.

Когда рассвело, все местные оставили дзоты и ушли в деревню к семьям. В это время уже иикто не ожидал партизан, и гарнизон оказался почти пустым. Народиые мстители легко ворвались в укрепления, взорвали все дзоты, сожгли помещеиия.

До конца оккупации фашисты так и ие восстановили гарнизон в Шапчицах.

В это же утро начальник серебрянского гарнизона вызвал меня.

— Что это значит? — Он пристально посмотрел на меня.

— Это было ужасно, господин лейтеиант! Меня искали партизаиы, видимо, хотели расстрелять. Я в овине спрятался...

На лице его, как мне показалось, мелькнула тень недоверия, но все-таки он начал успокаивать:

— Ничего, не надо бояться...

Мы вместе пошли по шоссе к пепелищу. Испуганные, обмороженные и безоружные полицаи, услышав, что и меня искали партизаны, стали спрашивать совета, как быть дальше.

— Что им делать, господин лейтенант?

— Что им делать? — переспросил он и ничего не ответил.

— Мы поедем в Довск, может, там помогут нам,— хмуро бросил Савельичев.

— Пусть едут в Довск,— посоветовал я офицеру.

Теперь все они уместились на трех подводах.

ХИТРОСТЬЮ И СИЛОЙ

1

Прошло пять месяцев с тех пор, как в Журавичский район прибыла инициативная группа. Вокруг нее сплотилось уже полутысячное войско народных мстителей. Среди них было 69 коммунистов и 117 комсомольцев. Во многих населенных пунктах работали подпольные партийные и комсомольские организации. Созрела необходимость координировать и направлять всю работу.

8 марта 1943 года у деревни Хвощ состоялось подпольное собрание коммунистов района. Первым обсуждался вопрос о мероприятиях по реализации праздничного приказа И. В. Сталина от 23 февраля. Требовалось всемерно развивать партизанское движение в тылу противника. Коммунисты единодушно одобрили инициативу командования 256-го отряда, которое выделило специальные группы для создания новых партизанских формирований. Так, в Буда-Кошелевский район отправили группу Федора Шилова и Григория Стрикова, в Кормянский — Ивана Гаврилова и Фомы Журавлева, в северную часть Журавичского и Пропойский районы — Михаила Журавлева и Якова Никифорова, в Жлобинский — Николая Труснова.

Вскоре группы переросли в партизанские отряды. 256-й отряд стал партизанской бригадой. Ей дали название «10-я Журавичская».

Подпольное партийное собрание утвердило командование: командиром бригады Степана Митрофановича Белых, комиссаром Игната Максимовича Дикана, заместителем комбрига Николая Александровича Труснова, начальником штаба Филиппа Карповича Антонова, помощником комиссара по комсомолу Владимира Федоровича Полекшанова.

На этом же собрании был оформлен и Журавичский подпольный райком партии. В его состав избрали самых

авторитетных коммунистов: Игната Максимовича Дикана — секретарем райкома, Степана Митрофановича Белых, Ефима Игнатьевича Штапенко, Самуила Павловича Дивочеико, Андрея Федоровича Гончарова — членами подпольного райкома партии.

Большую помощь в организации Журавичского РК КП(б)Б оказал Рогачевский подпольный райком, в частности, его первый секретарь, заместитель уполномоченного ЦК КП(б)Б С. М. Свердлов и командир 8-й Рогачевской партизанской бригады Ф. С. Тарасевич.

265-й отряд, которым командовал К. М. Драчев, вскоре влился в 10-ю Журавичскую партизанскую бригаду, хотя в партийном подчинении относился к Рогачевскому подпольному райкому.

2

На первом же заседании Журавичский РК КП(б)Б решил начать выпуск газеты «Красный партизан», органа районной партийной организации и командования 10-й партизанской бригады. Для ее издания нужны были шрифт, другие типографские материалы и оборудование. Серебрянской подпольной комсомольской организации дали задание достать все это в Корме. Кроме того, Игнат Максимович Дикан, как «попутное задание», поручил сделать все возможное, чтобы фашистская газетенка, выходившая там, перестала существовать.

С Кормой больше всех была связана Катюша Савельева. На нее и легла основная тяжесть выполнения этого поручения.

В кормянской типографии продолжали работать наборщиками Тит Мятников и Александр Руденко, печатником Николай Купцов, а завхозом Михаил Мельников. Немцы насильно заставили их делать газету. Редактором был некто Кирилл Морозов, секретарем — Валентин Якушевский.

Николая Купцова я знал хорошо по довоенному времени, знал и Михаила Мельникова. Они уже несколько раз выручали подпольщиков — печатали листовки. Тексты составляли местные учителя Исаак Костючейко и Федор Кожемякин. Через Савельеву передавал и я свои тексты.

Обычно Николай Купцов стоял у окна и вел наблюдение, пока Тит Мятников набирал листовки. Затем менялись местами: Мятников наблюдал, чтобы никто из посторонних не вошел в типографию, а Купцов работал на печатной машине. Николай или же Михаил Мельников, а позже и Александр Руденко доставляли листовки в деревню Сырск, где жила Савельева. Часть листовок они передавали местным подполь-

щикам, те расклеивали их в самом местечке и соседних деревнях.

Катюша Савельева, рискуя жизнью, приносила листовки в Белев к моей сестре Анастасии и ко мне в Серебрянку. Несколько раз сам ходил в Сырск, чтобы взять листовки.

Все шло хорошо. Только однажды случилось непредвидеииое. Как из-под земли появился полицейский Ремнев. Он схватил оставшуюся иа печатиой машиие листовку, быстро пробежал текст. И ие успели Купцов и Мятииков прийти в себя, как ои сказал:

— Не выдам. Но помогите связаться с партизаиами,— и тут же подиес зажигалку к малеиькому листку бумаги.

Оказывается, листовки, расклееииые иа заборах, привели его сюда. Ои долгое время выслеживал печатииков, чтобы поймать их с поличиым и через иих связаться с народиыми мстителями. Вскоре его свели с партизаиами, ио самим работникам типографии пришлось теперь быть еще более осторожиыми, чтобы гитлеровцы ие иапали иа их след.

Вот как раз в это время Журавичский РК КП(б)Б поручил иашей оргаиизации достать все необходимое для подпольиой типографии. Я вызвал в Серебряику Катюшу иа инструктаж. И оиа ушла в Корму, чтобы поговорить с Николаем Купцовым. Тот согласился, ио поставил условие: шрифты, стаиок, валики и краски он доставит туда, куда скажет Савельева, если его и его товарищей возьмут в партизаиский отряд. Осточертела иавязаииая им служба.

Безусловио, если материалы и оборудоваиие типографии передадут подпольиому райкому партии, да штат типографии уйдет в лес, то фашистская газетеика перестанет выходить, а партизаиы будут иметь свою газету, и своих работииков. Коиечио же, Савельева согласилась с условием Николая Купцова.

И вот среди белого дия прямо в Сырск к Савельевой катит иа велосипеде Николай Купцов. На багажиике — корзина, а в ией — шрифт, поверх его — мороженые яблоки, мол, для обмеиа иа картошку...

Но шрифта иужио миого, а каждый деиь ие станешь ездить, заподозрят. И Купцов передает шрифт в Сырскую Буду Николаю Ромаиову, который по задаиию подпольщиков работал в полиции. К Ромаиову переправил также ручной печатиый стаиок, валики и краску.

Прятать дома шрифты опасио, и Савельева решает перенести их в Белев, хотя и иелегок путь до этой деревии. По дороге не пойдешь, иадо идти засиежеиным кустарииком, затем по льду Кормяики, мимо деревеиь Барсуки и Малые Барсучки.

Однако добралась благополучно. Спрятала шрифт в старом овиие, иедалеко от деревии. Затем зашла к моей сестре

Анастасии и попросила, чтобы та передала мне, где находится «груз». Три раза прошла подпольщица этот опасный путь.

Настал назначенный день, и Николай Купцов пришел в Белев. Там он ждал партизан. Анастасия и ее муж Лука с моим братом Петей с утра до вечера наблюдали за дорогой, нет ли подвоха. Кажется, все спокойно. В ранних сумерках я пробрался в домик.

— Миша, ты — партизан? — удивляется Николай, крепко обнимая меня.

Засиживаться нельзя. Мы уходим в урочище Седнево. Здесь, в старом овине, Купцов показывает свое богатство. Мы вместе заворачиваем в холстину валики, ссыпаем в мешки шрифты. Почему-то Николаю показалось, что я не доволен.

— Это еще не все,— будто оправдывается он.— Ну, сам посуди: сколько может перенести Катюша. Это не то, что мы, мужчины...

— Да здесь добрых пуда полтора!

— Остальное у Николая Романова, в Сырской Буде,— заверяет меня Купцов.

Есть у него и трехлинейка, и полтысячи патронов. Чем не будущий партизан?

Как теперь все имущество доставить к Сожу, где ждет сопровождающая меня группа партизан? Пришлось зайти в поселок к Семену Власенко, потребовать, чтобы на лошади поехал с нами.

Поздним вечером в Сырской Буде Николай Романов передал еще пуда три шрифта, печатный станок. Семен Власенко доставил в лес возле деревни Литвиновичи этот драгоценный груз. Отсюда его на своих плечах партизаны понесли в бригаду.

Чуть раньше в Серебрянке я проводил в партизаны Михаила Мельникова и Александра Руденко, которые ехали покупать бумагу для типографии. Они передали в штаб бригады 43 тысячи рублей советских денег и немецкие марки. Редактор и секретарь газеты позже попались в руки партизан и получили по заслугам.

Вот так было выполнено задание подпольного райкома партии и командования бригады. Фашистская газетенка в Корме прекратила свое существование. А у партизан и коммунистов, да и у всего населения появился свой печатный орган — «Красный партизан».

3

Коварных и сильных врагов, какими оказались фашисты, нельзя было побеждать одной лишь мощью. К ней нужны были ум, хитрость, знания, умноженные на смелость,

Не случайно Игнат Максимович Дикан 26 января 1943 года писал секретарю Гомельского подпольного обкома партии: «Прямо радостно, как мы немцев обманываем в бою!» Да, бои с фашистами велись везде, где ступала их нога.

25 марта рано утром кто-то постучался в наш дом. Я вышел во двор. Незнакомый человек сказал, что он Петр Горбацевич, и назвал пароль. Пароль был настоящий: срок его заканчивался через три дня. Горбацевич торопливо объяснил, что работал по заданию партизан в районной земельной управе и попал на подозрение жандармерии, просил срочно доставить в отряд. Я слышал о нем, через связных получал от него сведения, но этого человека никогда не видел. Поэтому не торопился с ответом. Пригласил его во двор, чтобы не стоять на виду у всей деревни.

— Ну и что? — снова спросил я неопределенно.

— Заведи меня к партизанам.

— К каким?

— Как — к каким? К обыкновенным...

— Не знаю ни обыкновенных, ни необыкновенных,— отрезал я сердито.— А ты, парень, уходи туда, откуда пришел. Иначе в гарнизон отведу,— и направился к двери.

— Постой, не горячись.— Он шел за мной и шепотом продолжал: — Начальник штаба Антонов Филипп Карпович сказал, чтобы в случае провала к ним подавался.

— Если тебе так сказал некто Антонов, то и подавайся к нему.

— Но он сказал, что место укажешь ты,— настаивал Горбацевич.

— Откуда мне знать какие-то места? Вот поживи в Серебрянке, может, нагрянут партизаны, ты и встретишь своего Антонова.

— Нельзя мне и часа оставаться здесь,— горячо объяснял он.— Уже, может, хватились документов, которые я стащил и должен доставить в штаб.

— Интересно... Покажи, что у тебя там за документы.

Из-за пазухи он достал большой сверток бумаг, отпечатанных на машинке. Я быстро пробежал глазами первые листки. В них говорилось о готовящейся операции карателей в зоне деревень Рисково, Каменка Рисковская, Перекоп. Операция имела шифр «Хозяйственная экзекуция». И только теперь убедился, что этого Горбацевича должен выручить. У меня есть и четкие указания, как поступать в таких случаях.

— Оружие?

— Нет у меня оружия. Можешь обыскать, пожалуйста.

Мы вышли на улицу. Как проводить его в партизанский отряд? Легче, если бы это случилось вечером. Средь бела дня большой риск, но ничего не поделаешь — надо.

Когда вышлн за околицу и направилнсь по дороге в Малашковичн (а вокруг поле, нн деревца, нн кустнка), Горбацевнч вдруг насторожнлся:

— Почему мы ндем сюда?

— А куда ндти? — ответил я вопросом на вопрос.

Он с минуту молчал, а потом всю дорогу рассказывал о своей работе в земельной управе, о встрече с партнзанскими командирами, называл миогих по нмеин-отчеству. И я еще больше убедился, что это — свой человек.

Мы договорилнсь, что еслн встретим немцев нлн полицейских, скажем, что идем к Илье Дворецкому покупать сало.

Вот и Малашковичн. Здесь живет учитель, теперь партизанский связиой. Илья приветливо улыбается нам, как всегда разговорчив. Но вдруг иа улице раздалнсь выстрелы, и во двор вскочнлн двое полнцейскнх. Они вытолкиули нас на улицу. Там поджндал старший полицейский Савельичев.

— Чего надо? — спрашнваю у него.

— А вот зайдем в участок, там н получишь подобающий ответ,— ои презрительно скрнвил губы.

— Смотри, чтобы тебе там не сказалн: гоняешься не за тем, за кем надо,— отвечаю с независнмым вндом, даже с вызовом.

— А это кто? — кнвает на Горбацевнча.

— Кажется, такой, как и ты, а может быть и похлеще...

Тои моего ответа, вндимо, охладил полнцая, а тут еще вмешался Горбацевнч:

— Я работиик райониой земельной управы. Вы не нмеете права задержнвать меня, в противиом случае будете нести ответственность перед самим комеидантом. Я предупредил вас. Все!

Не знаю, сколько бы велнсь этн переговоры. Старший полнцейский явно не знал, что делать с нами: отпустнть или коивоировать до участка. Но тут на улнце послышались крики ребятишек: «Партизаиы! Партнзаны!»

Прямо сюда мчались три всадиика.

Савельнчев юркнул на огороды, один полицейский успел выстрелить по всадиикам. Третьего, который растерянно топтался возле меия, я взял за руку н твердо сказал ему:

— Ни с места, ниаче стреляю.

Партизаиы поймали и того, который после выстрела убежал на огороды. Но старшего полицая не нашли.

— Вы кто? — грозио наседает на меня партизан с автоматом на груди.

— Отойдем в сторонку,— прошу его.

Называю пароль, объясияю, что надо моего путннка во что бы то нн стало доставить в штаб. Вместе с ним и полицейским пусть ведут и меня. И не надо скупиться на под-

затыльники. Ведь вся деревия была свидетелем, как нас захватили сначала полицейские, потом — партизаны.

Я попросил Илью Дворецкого сказать, если немцы начнут допрашивать, что мы приходили покупать сало и нас захватили полицейские, а затем партизаны, здорово били.

Белых и Дикан были расстроены моим появлением средь бела дня. Оии снова убеждали меия, что в подполье я приношу больше пользы, чем находился бы в бригаде.

— Что я мог поделать, если все так нескладно получилось? — пытался я оправдаться.

— Ты должен был на день спрятать куда-либо Горбацевича или с кем угодно отправить его,— отрезал командир бригады.

Белых и Дикан настаивали на немедленном возвращении в Серебрянку. Когда стемнело, они выделили для меня верховую лошадь и двух сопровождающих, и я отправился домой.

«Что же будет завтра?» — не давала покоя тревожная мысль.

Утром я узнал, что старший полицейский Савельичев прямо из Малашкович убежал в Довск в комендатуру и рассказал о случившемся. Для меня потекли длинные часы тревожиого ожидаиия.

Во второй половине дня в деревню нагрянули немцы и сразу же окружили нашу хату.

«Ну, кажется, все кончеио...» — мелькнула мысль. Но хотел чем-нибудь успокоить своих.

— Сидите смирно, тихо. Вас не касается...— сказал я.

В хату вошли трое офицеров, на пороге застыли автоматчики, по двору шныряли солдаты — обыскивали постройки.

Я пригласил офицеров сесть на деревяниый диван. Моя вежливость им понравилась. Понравилось и то, что на столе лежали книги и среди иих учебники немецкого языка и русско-немецкий словарь.

— Ваша фамилия, имя, отчество? — на чисто русском языке спросил один из офицеров.— Вы были у партизан?

— Был, господин офицер.

Они иедоумеиио переглянулись: видимо, не надеялись, что вот так легко призиаюсь.

Я рассказал, что вместе с господином Горбацевичем из районной земельной управы пошел покупать сало. Во-он какая у иас семейка! Зашли в первый дом, но тут поднялась стрельба. Сиачала подскочили полицейские, они не тронули нас. А потом нагрянули партизаны. Господин старший полицейский отстреливался и убежал, а нас партизаны поймали, избили и погнали в Дедлово. Там они ходили по деревне, требовали еды и водки. Я воспользовался этим и убежал, добрался домой уже ночью...

Все трое офицеров не спускали с меия глаз, ловили буквально каждое слово, замечали выражеиие лица. Значит, хотя с виду и благожелательны, а ие доверяют.

— Сколько было партизан? Какое оружие у них?

— У двух винтовки, а у третьего что-то коротеинькое с дырочками на стволе,— прикидываюсь, будто не понимаю, что это автомат ППШ.

— Во что одеты партизаны, какие кони?

Я стараюсь отвечать точно. И правильио делаю. Вскоре офицер, владеющий русским языком, заявляет:

— Показания жителей Малашкович совпадают с вашими.

Зиачит, они уже побывали там.

Кажется, проиесло. А вдруг иет? Вдруг маму, бабушку, братьев и сестер захватят с собой. Сколько они мие помогали в этой нелегкой работе! Нет, если что случится, надо взять виину иа себя. Пусть меия одиого... Как ие хочется умирать! Надо хитрить, изловчаться, а оии пусть считают меня простачком, пусть!

— Возьмите меня с собой, господии офицер,— начал я с дрожью в голосе.— Все равно меня схватят партизаны и расстреляют. Я же удрал от них...

Эта просьба явно понравилась офицеру. Но последовал совсем неожиданный ответ:

— Мы вас пошлем в Берлии, в специальиую школу. Нам нужны такие люди. Будьте завтра в Довске в десять утра, в комендатуре.

Будто ведро ледяиой воды опрокинули иа меня — дрожь, резкая, колючая, пробежала по спиие. Но иадо во что бы то ни стало закрепить такое «доверие».

— Большое спасибо, господа офицеры! Но партизаны могут прийти сегодня ночью.

— Мы здесь вам гарантируем безопасиость,— самоуверенно ответил офицер, подиимаясь с дивана.— Завтра в десять иоль-ноль будьте в Довске, спросите господииа Шварца.

4

Двор опустел, хлопнула калитка за последним немцем. Все, пронесло и на этот раз! Но одна мысль ие давала покоя: «Что делать? Как быть?»

На эти вопросы могли ответить только Белых и Дикан.

И вот в ранних сумерках мчусь на лошадке в Каменку Рисковскую — там штаб бригады. Выкладываю все командованию, прошу разрешить остаться в партизаиах. Не хочу, не могу ехать в Берлии!

— Эх, если бы оии дали хотя бы две-три недели, а не

одну только ночь! — хмуро говорит Белых, крупными шагами меряя крестьянскую хату.

Скрипит портупея на его кожаной тужурке. Ни одной морщинки на чисто выбритом лице, оно будто окаменело. Значит, вот-вот командир бригады примет единственно правильное решение. Я весь напрягся, ожидая своей судьбы.

— Да, мы связались бы с Москвой, и ты поехал бы в Берлин,— прерывает напряженное молчание Игнат Максимович, и прямая поперечная морщинка глубоко врезалась в его открытый выпуклый лоб.— Не успеем получить инструктаж, не успеем...

— Надо уважить его просьбу,— отозвался Яков Николаевич Никифоров.— Не можем же парня прямо черту в зубы бросать.

— Так и быть: оставим его здесь.— Степан Митрофанович остановился против меня, сильно сжал плечи своими большими руками: — Ну радуйся! — И широко улыбнулся.

В мое распоряжение выделили отделение бойцов. Это для того, чтобы вернуться в Серебрянку и сделать так, будто меня силой схватили партизаны.

Через полтора часа мы уже были на месте, разбили в нашем доме с улицы в двух окнах три стекла, в передней разбросали вещи, и я простился с семьей.

Затем мы выполнили вторую часть плана, одобренную командованием: забрали всех, кто добровольно или по принуждению служил у немцев — полицейского Ивана Селедцова, дорожных мастеров Николая Сафронова, Петра Вежнавца, сына старосты Артура Ковалева. В хате Ксении Гороховой взяли бидоны с молоком, собранным у населения для немцев, а в сарае возле школы — четыре свиньи, отнятых оккупантами у местных жителей. В школе выбили окна.

Когда мы забирали Ивана Селедцова, жена, плача, спросила:

— Что будет с Иваном? С нами?

— Иван будет воевать против немцев,— ответил я.— А вы помогайте нам бить фашистов.

Я понимал, что сводить личные счеты с Селедцовым не стоит. Сам факт, что полицейских, которых вооружали немцы, мы поворачивали на борьбу против них, был сам по себе важен.

Зашел к бургомистру Бычинскому. Предупредил его, чтобы подтвердил немцам версию о том, что всех нас уничтожили партизаны.

Потом забежал к Нине Левенковой. Она теперь вместо меня остается секретарем комсомольского подполья. В полночь я написал мелом на стенах домов: «Смерть немецким пособникам!», а утром наши ребята распустили слух, что всех, взятых ночью, партизаны повесили где-то в лесу.

По возвращении в бригаду меня вызвал Белых и спросил, куда бы я хотел пойти. Ну, конечно же, попросился в отряд Михаила Журавлева, рядовым бойцом.

— Давай-ка лучше пока помощником начальника штаба, к Антонову,— предложил Дикан.

— Рано, у меня опыта нет. С вашего разрешения пока похожу с винтовкой.

Но на третий день командир отделения Иван Востриков вручил мне ручной пулемет. Я держал его в руках, и вспомнилась мне первая военная осень, старый клен, тихо ронявший листья, Михаил Прохоров, бережно смазывавший только что найденный пулемет... Теперь, спустя полтора года, я держу в руках это грозное оружие — держу, уже стоя в плотном строю народных мстителей.

И пошла она, партизанская жизнь. По сравнению с работой в логове врага — это настоящее счастье. Вокруг свои боевые друзья. А с фашистами можно теперь посчитаться не только хитростью, но и силой оружия!

БОЕВОЙ АПРЕЛЬ

1

Развезло дороги и тропинки. Непролазное месиво из снега и грязи приковало партизан к временным лагерям и лесным деревенькам. Но народные мстители не теряли даром времени. В подразделениях опытные партизаны обучали молодых, готовили подрывников, минометчиков, снайперов, запасные пулеметные расчеты. И, конечно же, каждый отряд пополнялся оружием и боеприпасами. При штабе бригады работали специальные курсы командного состава. В то время чаще стали встречаться с населением партизанские агитаторы.

Подпольный райком партии и командование бригады разрабатывали планы весенних операций. Основной удар надо было нанести по железнодорожным коммуникациям противника на участке Жлобин — Гомель. Однако на кратчайшем для нас пути — к станции Хальч — оккупанты насадили гарнизоны в деревнях Майское, Старая Рудня, Мамково. На самой железной дороге теперь действовала специальная военная охрана. Первые весенние операции и предусматривали разгром этих гитлеровских гарнизонов.

Сначала решили взять мамковский. 150 гитлеровцев находились в хорошо защищенном укреплении. На вооружении у них были две пушки, три батальонных миномета, четырнадцать пулеметов. Дополнительную трудность составляло

то, что в соседней деревне расквартировался потрепанный под Сталинградом полк итальянских солдат. Он мог прийти на помощь гарнизону.

Операцию по уничтожению этого осиного гнезда поручили группам партизан под командованием Антонова, Драчева и Семешкина. Решили применить старую, не раз испытанную тактику: разложить гарнизон. В деревне Кирово Семешкин встретился со связными Соней Крутелевой и Дмитрием Иванчиковым. Они вовлекли в подготовку к операции полицейских Василия Прошкина и Петра Корибского. Кроме того, командование бригады подключило Екатерину Курьянову — партизанскую связную из Жлобина. Она завела знакомство с Алексеем Киреевым, инспектором районной полиции, склонила его к участию в разгроме гарнизона.

256, 265 и 260-й партизанские отряды выделили три усиленных подразделения. В 11 часов вечера 8 апреля возле Мамково партизаны встретились с Киреевым, Прошкиным и Корибским, которые провели народных мстителей к самому гарнизону. Группа под командованием Александра Бекаревича вместе с Киреевым сняла часовых и захватила пирамиду с оружием. Виктор Ашмянский со своими партизанами без выстрела заняли дзот. Ворваться в казарму теперь стало делом несложным. Правда, некоторые полицаи метнулись к окнам, но тут же были скошены автоматными очередями. На подводы погрузили все оружие, боеприпасы и продукты. Итальянский полк не решился выступить на помощь гитлеровскому гарнизону.

Через десять дней на совместном заседании подпольного райкома партии и командования бригады было решено нанести одновременный удар силами всей бригады по семи гарнизонам: в Новом Довске, Гадиловичах, Кривске, Меркуловичах, в районах рекотянского и гадиловичского мостов и в Старых Журавичах.

Эти операции прошли успешно, и враг почувствовал, что в междуречье Днепра и Сожа действует крупная партизанская группировка. Безусловно, оккупанты могли принять контрмеры, поэтому партизаны усилили связь с подпольщиками, послали связных в районные центры. Меня направили в Корму, в разведку. Подпольщики передали, что готовится в небывалых еще для этих мест размерах карательная экспедиция против партизан.

Вечером 24 апреля в штаб бригады прибыли первый секретарь Рогачевского подпольного райкома партии С. М. Свердлов и секретарь райкома комсомола А. А. Бирюков для согласования плана действий 10-й Журавичской и 8-й Рогачевской бригад. К этому времени уже поступили более точные сведения: крупные силы карателей движутся с трех сторон — из Рогачева, Довска и Меркулович. Путь их — на

Каменку, Рисково, т. е. туда, где дислоцируется наша 10-я Журавичская бригада.

В полдень состоялось совместное заседание Журавичского подпольного райкома партии и командования всех партизанских отрядов. Присутствовали и рогачевские товарищи. Обсуждался один вопрос: дать ли карателям бой на месте или уйти в озеранские леса, где располагалась 8-я Рогачевская бригада. Некоторые предлагали уйти за Сож, присоединиться к 1-й Гомельской бригаде.

— Точных сведений о ней не имеем,— возразил Белых.— А вдруг гомельчане ушли, и в незнакомых местах нам трудно будет ориентироваться.

— В Озераны также не следует уходить,— сказал Антонов.— Мы лучше всего знаем свои места, здесь и бой держать.

— Но сегодня наши позиции невыгодны,— твердо заявил Белых.— Леса вокруг невелики, много населенных пунктов, значит, из-за нас пострадают местные жители.

— Зато оружия много, боеприпасов достаточно,— настаивал на своем Антонов.

— Да, я согласен с тобой, Филипп Карпович,— скупо улыбнулся Белых.— Будем бить оккупантов в своих, обжитых местах. Только хорошенько подумаем об удобных позициях. Надо иметь несколько запасных позиций, чтобы навязывать карателям свою тактику,

2

Вечером 26 апреля Белых, Дикан, Антонов, Свердлов и Бирюков провели с командирами отрядов последнее совещание. Обстановка прояснилась благодаря хорошо налаженной разведке, донесениям связных и подпольщиков. Наступление карателей начнется завтра утром со всех четырех сторон. Они плотным кольцом обложили лесной массив у деревень Ударник, Каменка, Рисково, Ворошилово. Поэтому райком партии и командование бригады приняли новое решение — в течение ночи вывести все отряды в Буда-Кошелевский район, в лозовский лес. Этот массив обширен, притом с трех сторон окружен болотами. Единственная проселочная дорога пересекает лес из Лозова на Стовпню. На опушках есть окопы, вырытые красноармейцами еще в 1941 году. Противнику же придется наступать по открытой местности. В случае затяжного боя можно воспользоваться боеприпасами из воинского склада, оставленного нашими частями во время отступления. И еще одна несомненная выгода: к лозовскому лесу одним углом примыкает Рогинская лесная дача, значит, в крайнем случае можно будет сманеврировать.

Здесь же, у Каменки, прикрывать отход бригады оставался отряд К. М. Драчева. И не только прикрывать. Он должен создать видимость, что у Каменки остались основные партизанские силы, и задержать противника хотя бы на сутки. За это время остальные отряды укрепятся в лесу под Лозовом.

Как только стемнело, длинные партизанские колонны потянулись через топкое болото. На сухих местах шли быстрее. Двигались бесшумно, разговаривать и курить строжайше запрещалось.

Утром на привале возле Лозова я разыскал Белых и Дикана, доложил им, что узнал в Корме. За Сожем гитлеровцев нет. Они редко появлялись в тех местах. Если передислоцироваться за реку, то единственная небольшая преграда — гарнизон в самом местечке Корма.

— А связь с кормянскими партизанами уже есть! — прервал меня Дикан, и светло-серые глаза его сверкнули радостью.— Тихонов установил! Даже с командиром отряда Ушевым лично познакомился. Они подготовили две переправы — в основном на лодках и плотах... Что ты еще разведал?

— Вчера кормянская полиция выехала в сторону Довска.

— Та-ак, понятно!

Командование бригады и соседи-рогачевцы торопились в голову колонны. С ними шли двое не знакомых мне ребят, с какими-то ящиками за плечами.

— Новенькие, что ли? — спросил я у Михаила Журавлева.

— Наши радисты! Только что прибыли из Москвы вместе с уполномоченным ЦК КП(б)Б Н. Т. Подоляком.

Позже мы узнали, что произошло в тех местах, откуда ушла бригада.

В три часа ночи Карп Михайлович Драчев поднял по тревоге свой отряд и повел его через деревни Каменка Стрелковская и Каменка Рисковская. На рассвете подошли к Варварино. И тут разведка доложила, что с противоположного конца в деревню входит какая-то вооруженная колонна. Может, запоздавший партизанский отряд, замешкавшийся в дороге? Но почему движется в сторону, противоположную Лозову?

Через несколько минут прискакал второй разведчик. Он сообщил, что это — каратели, на вооружении — пушки, танкетка, бронемашина.

Драчев выдвинул для прикрытия пулеметчиков во главе с Романом Смоленчуком, и отряд, пользуясь тем, что противник замешкался, ушел в лес.

Два взвода роты Максима Рымарева и пулеметчики Смоленчука остались на опушке. Роты Василия Шевченко и Ни-

колая Елисеенко направились в обход, на другую окраину Каменки.

— Постреливайте, хлопцы,— наказывал им Драчев,— отвлекайте карателей, маневрируйте. Наскакивайте, подсыпьте им жару и — в лес!

Все остальные заняли круговую оборону у болота. Здесь густые заросли, карателям же придется идти по изреженному лесу. Обоз выдвинули чуть вперед, на полянку, как приманку для неприятеля. Минометы установили тоже на открытые места, чтобы мины не задевали кроны деревьев.

Каратели не знали ни численности партизан, ни точного места их расположения. Но, как выяснилось позже, предполагали, что здесь основные партизанские силы.

В полдевятого утра началась беспорядочная пулеметно-автоматная стрельба то в одном месте, то в другом, то в третьем. Это противник провоцировал, нащупывал дислокацию партизан. Лишь через час каратели наскочили на бойцов 3-й роты, но тут же отхлынули. Спустя некоторое время на дороге показалась группа автоматчиков-велосипедистов.

— Подпустить ближе! — подал команду Карп Михайлович, а через минуту грозное: — Ого-онь!

Более десятка фашистов упало замертво, остальные, бросив велосипеды, отползли по лесу к своим.

Первая атака отбита. Противник меняет тактику. Глухо, как в огромную бочку, ухнула пушка у деревни, за ней — вторая. Мощное эхо повторило разрывы снарядов. Долго палили из орудий, наверное, час, и все по пустому месту. Затем послышался гул бронемашины и танкетки.

В ответ в лесу то там, то тут раздавались очереди, винтовочные выстрелы. Впечатление было такое, что лес полон партизан, это группы Шевченко и Елисеенко дезориентировали противника.

Танкетка и бронемашина не смогли лавировать между деревьями и поползли назад, к полю. Тогда снова вступила в бой артиллерия. На этот раз немецкие орудия ударили... по своим.

Раздались стоны и крики раненых. Взвились ракеты — сигнал бедствия. Но потребовался еще добрый десяток минут, чтобы артиллерия прекратила огонь. По тому, как каратели ровно через каждый час предпринимали одновременные атаки на разных участках, командование отряда поняло, что руководит экспедицией один человек.

Десять атак за день!

Под вечер каратели отступили в Каменку.

Под покровом ночи Карп Михайлович увел свой отряд в лозовский лес. Шли глухими болотными тропами, известными только немногим. День, необходимый Журавичской бригаде для создания надежной обороны, был выигран от-

рядом Драчева. Утром, когда партизаны подходили к Лозову, далеко позади их раздалась приглушенная расстоянием артиллерийская канонада. Это каратели начали наступление... на лес под Каменкой.

3

К этому времени партизанская разведка, связные и подпольщики выяснили силы противника. Оказалось, что в состав карательной экспедиции входит полк регулярной армии. Он сосредоточился в Меркуловичах и Кривске. Второй полк сформирован из личного состава гитлеровских гарнизонов в Рогачеве, Жлобине, Буда-Кошелеве, Чечерске, Корме, Пропойске, Черикове, Кричеве, Журавичах и Гомеле. Он расположился в Серебрянке, Гадиловичах и Довске. Кроме того, 800 всадников из так называемой РОА находились в Дербичах. Общая численность карателей превышала пять тысяч. На вооружении они имели полевую артиллерию, танкетки, бронемашины, пулеметы, автоматы, карабины, винтовки. Наши связные и подпольщики Феодора Маркова, Мария Потапенко, Василий Дмитриев и Марк Мачеча выяснили, что каратели должны прочесать леса в треугольнике Рогачев — Довск — Гомель, выявить партизан и уничтожить их.

Вот этой огромной карательной экспедиции противостояла 10-я Журавичская бригада численностью в две тысячи четыреста девяносто четыре бойца. И с вооружением у нас было негусто: 2101 винтовка, 68 автоматов, 96 пулеметов, 24 миномета, одна пушка. Конечно, ни танкеток, ни бронемашин мы не имели.

До боя партизаны-подрывники установили минные поля по пути возможного движения бронемашин и танкеток противника. Заминировали и лесную дорогу, идущую из Лозова на Стовпню.

Накануне боя восемь отрядов заняли позиции. Каждый партизан знал свою задачу. Надежно укрепили стыки между подразделениями. Отряды впереди своих секторов выдвинули заставы, получили нужное количество боеприпасов. Установили пушку и минометы в местах предполагаемого движения карателей — со стороны Лозова.

В три часа ночи 29 апреля 1943 года разведчики донесли, что каратели подтянули свои силы к деревням Зорька, Романовка, Малиновка, Поделы, Лозов, Церковье, Рогинь, Любань, Неговка. Мы были окружены со всех сторон. Оборона тоже была круговой. Штаб бригады во главе с Белых, Диканом, Антоновым и Будниковым расположился примерно в центре лесной дачи. Невдалеке от него — пункт боепитания, по другую сторону — лазарет.

Перед рассветом на совещанни подпольного райкома партии, команднров н комиссаров отрядов комбриг поставил задачу: нанестн карателям контрудар, продержаться на позициях до следующей ночн, а затем сманеврировать и перейти в другое место. В какое нменно — сообщат посыльные в конце дня.

Последнне распоряжения отдал и Дикан:

— Комиссарам разъяснить партизанам: стойко держаться на позициях и без приказа не отходить. Коммунистам н комсомольцам быть на самых ответственных участках.

Вряд ли кто спал в ту ночь, разве что диверсионные группы, только что прнбывшие с боевых заданий. Но тих был безлистый лес, притаился, настороженно замер, ощетнившись пикетами и заставами.

Завтрак партизаны так н не успели приготовнть, да и всухомятку некогда было поесть. Ровно в девять утра 29 апреля началась атака. Трнста всадников на бешеном аллюре бросились на позицин 260-го н 256-го отрядов. Когда до конной лавины осталось метров четыреста, Белых, находившийся на познции, подал команду:

— По фашистам ого-онь!

Шквал пулеметного, ружейного и минометного огня обрушился на карателей. Топот и ржанье лошадей, вопли раненых, взрывы и выстрелы — все смешалось в сплошной дикнй гул.

Поле перед партнзанскими рубежами усеялось убитыми карателямн и лошадьмн. Не менее пятидесятн коней, но уже без всадников, прорвалось в лес. Части карателей удалось убраться восвояси.

Но не прошло и получаса, как противник опять перешел в наступление. Сюда были брошены танкеткн н бронемашины. Плотный огонь пулеметов и пушек обрушился на наши позиции.

Но броннрованные машины наскочили на мнннное поле. Артнллерийский расчет Ивана Дышлова метким огнем подбил танкетку н бронемашину. Уцелевшие повернули к деревне. Тогда артиллернсты перенеслн огонь на автоколонну, выползавшую из Лозова. По ней ударили и батальонные минометы. Черные столбы дыма поднялись над двумя автомашинами.

Один нз снарядов угодил в «оппель». То, что в начале дня каратели потеряли команднра полка, имело немаловажное значение для исхода лозовского боя. Больше часа немцы не возобновляли атаки.

Но вот то тут, то там возннкала перестрелка. Каратели пыталнсь найти слабые места в нашей обороне. Затем последовала яростная атака на познцнн партизанскнх отрядов

П. Е. Матюшкова и Л. Ф. Шилова. Но и здесь не удалось прорваться фашистам.

Каратели бросили крупные силы на 261-й партизанский отряд Михаила Журавлева. Они шли под прикрытием артиллерийского и минометного огня.

Слева от меня у дубового пня лежал Николай Жолудев, дальше — Иван Востриков, Николай Тилигузов, Александр Руденко. Справа — Николай Купцов, Евгений Аниськов, комиссар отряда Афанасий Гонтарев, рядом с ним — начальник штаба Василий Аникиевич. А чуть позади нас — сам командир Михаил Журавлев, тут же Герасим Тимошенко.

Снаряды свистят над головами и разрываются в глубине леса. А мины коварнее. Они шипят вверху и, словно с неба, падают почти на наши позиции. Мы плотно прижимаемся к земле между пнями.

— Приготовить гранаты! — приказал Журавлев, а через минуту по цепи уже летит вторая команда: — Гранатами — ого-онь!

Я поднимаюсь во весь рост и резким взмахом швыряю гранату туда, где трое немцев тащат пулемет. Не успело заглохнуть эхо разрывов, как мы услышали звонкий голос комиссара Афанасия Гонтарева:

— Партизаны, вперед!

Мощное «ура!» прокатилось по опушке леса. С флангов ударили пулеметы, короткими очередями залились автоматы.

Каратели на мгновение застыли на месте, потом попятились и вдруг побежали. Лишь некоторые на миг останавливались, и тогда малиновый огонек часто-часто мигал на темносером силуэте. Мы обрушивали весь огонь на этих одиночек.

Вдруг черно-рыжие фонтаны минных разрывов поднялись позади отступавших, а потом появились перед нами. По цепи полетела команда Журавлева — отходить на прежние позиции.

На нашем участке каратели не показывались до вечера. Они перенесли удар левее, и Журавлев послал на помощь соседу роту своих бойцов. Меня же направил в штаб бригады для связи.

Стонал старый лес от разрывов мин и снарядов, перестуков автоматов, длинных-предлинных пулеметных очередей. Короткие стычки, атаки и контратаки чередовались между собой.

— Мобилизовать всех вестовых, выздоравливающих и немедленно обеспечить боеприпасами все отряды, — приказал Белых.

И вот уже мчатся на лошадях партизаны к пункту боепитания, а оттуда с мешками, полными пачек патронов, гранат, торопятся к цепям бойцов.

Спустя полчаса начальник бригадного пункта боепитания Зубков доложил Белых и Антоиову:

— Боеприпасами пополнены все подразделения. Но...— Он мнется, и весенияя грязь хлюпает под растрепанными кирзовыми сапогами.— Вот они,— указал Зубков в сторону, где плотиой группой стояли около тридцати стариков, жеищин и раиеиых, которые могли держаться иа иогах и поэтому ие хотели передать свое оружие товарищам.

Комбриг и начальиик штаба повернулись, встретили суровые взгляды. Среди ранеиых с обвязаниой головой стоял и пулеметчик Петр Мишин. Ои твердо шагнул вперед, простуженным басом сказал:

— Разрешите к своему «максимке»... Надо рассчитаться с фашистами!

Белых с Антоновым перегляиулись. Они понимали пулеметчика Мишииа, раиеиного 24 февраля в бою под Фундаминкой.

— Давай, браток, иди к своему «максимке»,— ответил начальиик штаба.

— Ну и вы тоже туда...— Белых махиул иестроевикам и раиеным в стороиу передовой и улыбиулся.

А напряжение боя между тем нарастало. Вестовые докладывали комбригу, что каратели теперь с трех сторон идут в атаку.

— Подпустить ближе. Стрелять только иаверияка! — отдал приказание Белых.— Удержаться на опушке, в поле не выходить!

Эта атака, оказывается, была рассчитана иа то, чтобы отвлечь главиые силы партизан. Был шестой час вечера. Сильная вражеская группировка, используя пересеченную местиость, заросшую кустариком, сделала попытку прорваться в лес через линию обороиы 263-го отряда. Об этом Татьяна Корниенко немедленно доложила комбригу.

— Направить туда две роты резерва! — приказал Белых Драчеву.— Не впускать карателей в лес!

Драчев усилил 1-ю и 2-ю роты диверсиоиными группами и сам повел их на помощь 263-му отряду. Подкрепление подоспело вовремя. Каратели отступили из леса, оставив убитых и ранеиых.

Бой иачал утихать и иа других участках. Только слева, на позициях отряда имеии Чкалова, он вспыхнул с утроеиной силой, смещаясь к стыку с 260-м отрядом. Белых послал туда роту на подкреплеиие.

В партизанский лазарет продолжали поступать тяжелораиеные. Врачи Владимир Ольшевский и Владимир Киселев, фельдшера Иван Новиков, Василий Якушев и Аина Ефотова, медсестры Анна Мироиова, Елена и Анна Ващины накладывали повязки. Накал боя был таким, что почти все ране-

ные, получив первую медицинскую помощь, снова брались за оружие.

На отдельных участках бой то затихал, то вспыхивал с новой силой. Пулеметчик Петр Мишин как раз вовремя добрался к своему «максиму». Пулемет заело. Петр устранил задержку и через пару минут уже высматривал цель, приговаривая:

— Мы с тобой, дружочек, не подведем, постоим за родную землю.— И тут же приказал своему второму номеру: — Ленту!

— Есть ленту! — ответил Виктор Ковалев и пододвинул тяжелый сверкающий латунью пояс.

Мишин припал к пулемету, поставил прицел.

— Ну а теперь давайте поближе, сволочи! — сказал, будто его могли услышать густые цепи карателей, бегущие, казалось, прямо на пулемет.

Петр целился тщательно, бил короткими очередями. И снова целился, нажимал гашетку. Если же четыре — пять карателей на бегу приближались друг к другу, «максимка» стрекотал дольше. И падали уже не один, а несколько фашистов. Через десять минут в секторе Мишина цепи карателей были прижаты к земле.

Немецкий офицер уже не подавал команды, а вырвал у одного из солдат винтовку и прилег за кочку, выслеживая пулеметчика.

Мишин дал короткую очередь, приподнял забинтованную голову над щитком пулемета. И опустил ее. Пуля офицера сразила Петра Петровича Мишина.

Пулемет замолк. Но только на несколько минут. Виктор Ковалев перетащил его вправо. Поднявшиеся в атаку фашисты снова были вынуждены залечь под пулеметным огнем.

На позициях 261-го отряда минометчик Михаил Мельников переносил с места на место свой миномет. Опуская мину в трубу, приговаривал:

— Вот так вам, гады!

— Маскируйся, Михаил! — кричал другу Александр Руденко.

— Пусть фашисты маскируются,— отвечал он.— Я на своей земле.

И посылал мину за миной в цепи карателей.

Временами наступали минуты, когда стихал огонь противника. И тогда нас охватывало удивительное состояние — клонило ко сну. Возможно, оказывали какое-то влияние голод и жажда. Но странно, есть и пить не хотелось. Сказывалось, безусловно, и нервное перенапряжение.

На позиции 256-го отряда была предпринята еще одна, самая яростная атака. По распоряжению С. М. Свердлова

и А. А. Бирюкова группа рогачевских партизан, сопровождавшая членов подпольного райкома партии, пополнила ряды отряда. Отчаянная попытка карателей вклиниться на этом участке не имела успеха.

4

Перестрелка между карателями и партизанами по всей линии обороны продолжалась до 10 часов вечера. В штаб бригады доложили, что противник отводит свои войска.

Белых созвал командиров и комиссаров на совещание. Он отдал распоряжение:

— Начальнику штаба бригады Антонову и моему заместителю командиру 256-го отряда Штапенко вывести бригаду в направлении деревни Стовпня. Антонову установить очередность движения отрядов на марше. Командиру 261-го отряда Журавлеву обеспечить безопасность движения подразделений бригады. Для этого оседлать мост, затем прикрывать колонну, следуя в арьергарде. Дальнейший маршрут получите на марше.

Так окончился бой у лозовского леса — окончился победой партизан. Многих недосчитались мы: 29 человек убито, 32 ранено. Разбиты три станковых пулемета, пять ручных, вышла из строя пушка.

Отряды оставили позиции и начали отходить в направлении Стовпни. Шли организованно, хотя стояла кромешная тьма: ни луны, ни звезд.

Дикан, Белых, Свердлов, Подоляк и радисты решили идти в Малиновку. Почему они решили пойти отдельно, тогда никто не знал. Белых что-то замышлял. В сложных ситуациях он отдавал распоряжения тогда, когда надо было их исполнять. Комбриг обычно раскрывал свои планы узкому кругу лиц.

Вот и теперь Адама Бирюкова вместе с двумя партизанами он отправил в разведку в сторону Малиновки. Но не стал ждать их возвращения. Совсем по другой тропинке, через болото, Белых сам повел свою группу.

После только что утихшего боя на болоте бродили группки разбитого противника. От партизан также откололась небольшая группа недавно принятых в бригаду из разгромленного мамковского гарнизона. Это были местные парни. Их насильно мобилизовали оккупанты. Поэтому как только представился случай, они с оружием в руках перешли к партизанам.

И солдаты противника, и наши партизаны, видимо, искали в темноте своих. Белых впереди вдруг заметил каких-то людей.

— Ложнсь,— тихо скомандовал комбриг и тут же громко окликнул неизвестных паролем: — Москва!

В ту же секунду раздалась автоматная очередь, командир брнгады упал.

— Засада! — крикнул Свердлов н открыл автоматный огонь.

В партизан полетелн две гранаты. Секретарь Рогачевского подпольного райкома партии был тяжело ранен, однако отполз в сторону. Дикан и его группа некоторое время преследовали неизвестных, а потом вернулнсь н подобралн стонущего Свердлова. В кромешной темноте труп комбрига им не удалось найтн...

Мы слышали звуки этой короткой схватки, но о такой трагедни ннкто не мог н подумать. Все были возбуждены только что одержанной победой. Хотя Антонов приказал до утра молчать о гибели комбрига, задолго до рассвета страшная весть облетела все отряды.

Начальник разведкн Самыкин с большой группой партизан направился на поиски трупа Белых. Лишь в полдень они узнали, что рано утром его похоронили жители Малиновки.

1 мая 1943 года брнгада передислоцировалась в лес под Турском. Здесь в присутствнн Подоляка, Свердлова н Брюкова состоялось заседанне Журавичского подпольного райкома партии. Подвели итоги боя под Лозовом. Утвердилн нового командира бригады — Ивана Мнхайловича Гаврилова. Прежнего комбрига — Степана Митрофановича Белых — решили перезахоронить.

Спустя трн дня возле деревни Рнсково выстронлнсь все отряды 10-й Журавичской брнгады. Пришлн местные жители. Ведь Белых зналн тут от мала до велика.

Траурная тишина стоит над плотными рядами бойцов. Только в огромной толпе женщин раздаются глухие рыдания. У всех на глазах слезы.

Слышу, как тихонько говорит старушка своему внуку:

— Хорошему человеку и погода хорошая. Верная прнмета.

С утра было пасмурно, изредка моросил дождь, а сейчас, когда вот-вот опустят гроб с телом Степана Митрофановнча, по-весеннему ярко засветило солнце, тучи отошлн далеко к горизонту.

К гробу, усыпанному подснежниками и первымн лесными цветамн, подходит комиссар Дикан.

— Товарищи! Сегодня мы хороним нашего боевого друга, коммуннста, любнмца партнзан и населения,— голос Игната Максимовича дрогнул.— Он вел нас верной дорогой, с ним мы побеждалн. Отомстнм же за его смерть проклятым фашистам!

Один за другим подходят к гробу командиры и комиссары отрядов, партизаны. Боль утраты сжимает горло, сковывает губы.

Сотни партизанских винтовок, карабинов и автоматов дали троекратный прощальный салют...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

1

Наш путь лежит от бывшей партизанской деревушки Хвощ до Озерщины — крупного населенного пункта в Речицком районе, известного своим народным хором. Вот уже пятый день мы в дороге. Мы — это Карп Михайлович Драчев, Филипп Карпович Антонов, ученики Кормянской школы-интерната и я, их директор. Автобусы то пылят проселком, то ныряют в лесную прохладу.

Недалеко за Хвощом (теперь это поселок Партизанский), у дороги, что ведет к бывшему партизанскому лагерю, стоит обелиск. Возле него делаем остановку. Красивое место. На солнечной полянке россыпи земляники. К дороге подступает черничник.

Лесные лакомства сегодня не манят моих воспитанников. Они столпились возле Карпа Михайловича и Филиппа Карповича у самого обелиска. На камне высечено золотом: «Здесь, в этом лесу, в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. дислоцировались 10-я Журавичская партизанская бригада и Журавичский подпольный райком КП(б)Б».

У многих походные дневники. Время от времени дети делают пометки в них, некоторые срисовывают обелиск. Все внимательно слушают Карпа Михайловича. А он не может спокойно рассказывать. То гневно дрожит его голос, то на глаза навертывается слеза. Ребята делают записи в своих дневниках. Записывают итоги боевой деятельности партизан 10-й Журавичской:

«Спущено под откос немецких эшелонов — 190.

Подорвано паровозов — 198.

Уничтожено вагонов, платформ, цистерн — 2104.

На платформах взорванных эшелонов уничтожено танков и бронемашин — 133.

Разгромлено фашистских гарнизонов и управ — 96.

Уничтожено телеграфно-телефонной связи — 273 километра.

Подорвано мостов — 276.

Во время «рельсовой войны» перебито железнодорожных рельсов — 2896.

Партнзаны днверсионных групп сожглн 2653 тонны бензниа, 2300 тонн сена...

Отнято у оккупантов н роздано населению 4017 тонн зерна.

Брнгада провела 93 открытых боя.

В боях н засадах убнто 9078 гитлеровскнх солдат н офицеров».

За каждой цифрой — тяжелый и опасный труд партнзан, подпольщиков, связных. За каждой цифрой — бесстрашие и мужество пятн тысяч двухсот пяти народных мстнтелей. И тех, кто ннкогда не носил вннтовку, ннкогда не стрелял в гитлеровцев.

Вот одна нз ннх. Она тнхонько подходит к нам, боясь помешать рассказу бывшего командира отряда, а затем комиссара бригады Карпа Михайловича Драчева. Старенькая кошелка, почти полная ягод, в ее руке. Какое знакомое лицо! Ничего, что оно постарело. Морщинам не скрыть сердечной доброты н прнветливого взгляда этой женщины. Такую же кошелку держала тогда, в сорок третьем. И былн ягоды в ней, а под ними — хлеб, огурцы, кусочек сала.

— Да это же Марня Нестеренко! — Карп Мнхайловнч на полуслове обрывает рассказ, н мы торопнмся навстречу старой женщнне.

Она узнала нас. Не скрывая радостн, старушка смеется н плачет одновременно, ласково прижимая нас к груди, словно родных детей. А мы целуем ее руки, которые подавали нам хлеб, испеченный спецнально для партизан, подавалн кринничную воду, перевязывалн раны. Многое делалн онн, женскне руки, в те суровые днн.

Дети обступилн нас. Раздается однн несмелый вопрос, второй — н потекла непрннужденная беседа у обелиска. Вспомнила Мария Степановна Ивана Герасимова, Игоря Савнцкого, Семена Скобелева, Матвея Шаройко, Ивана Кудрицкого, Григория Бычинского, Николая Петроченко. Их нет в живых, онн погибли в этих лесах.

Минута молчання, и снова вопросы, теперь уже к Карпу Михайловнчу, ко мне, к Филнппу Карповичу. Мы рассказываем, что Журавичский подпольный райком партни к осени 1943 года объеднннял 201 коммуннста, а райком комсомола — 602 комсомольцев. Из нашей брнгады выделнлось трн отряда — нмени Чкалова, именн Кутузова, имени Котовского. Они объеднннлись в 1-ю Буда-Кошелевскую брнгаду н расширили свое влиянне на соседние районы.

Тщательно записывают ребята эти факты в свои дневннки. И вот уже горнист трубнт сбор. Еще не затихло лесное эхо, а длинная цепочка выстроилась у обелиска на Лннейку памятн. Бережно ложатся цветы на граннтную плнту. Детские рукн застывают в пионерском салюте.

Рядом с нами — Мария Степановна Нестеренко. Свежий ветер шевелит ее седые волосы. Светлые две слезы вдруг появляются в уголках ее глаз, но тут же прячутся в густой сетке морщин. О ком-то вспомнила она сейчас...

И вот снова мы у автобусов. Прощаемся.

2

Некоторое время ребята едут молча. Увиденное и услышанное овладело сердцем каждого. Дорога тянется через кустарник, затем выходит к широкому разливу пшеницы. Когда-то здесь был болотистый луг, и мы, выпачканные в грязи, ползли и ползли вон к тому мосту. Спички отсырели, никак не поджечь бикфордов шнур. Выручил Максим Автушков. У него всегда был с собой кремень, кресало и трут.

Но вот наши машины выскакивают на добротную асфальтированную дорогу Довск — Рогачев. С двух сторон над шоссе нависают ветви белоствольных берез, и автобусы катят под зеленым шатром. Жара сменяется приятной прохладой.

Прошипели шины по длинному мосту. Тому самому, что уничтожали в сорок третьем. Только теперь он из бетона, а не деревянный.

Снова автобусы ныряют под зеленый березовый навес. Раздается чей-то голос:

— А куда мы сейчас едем?

— В деревню Святое,— отвечаю, сам еще занятый далеким прошлым.

— А кого вы там знаете?

— Женю Езепова...

В 1941 году после девяти классов он окончил в Журавичах курсы киномехаников. Началась война, и Женя вместе с военнообязанными пошел на призывной пункт. Военком, уставший от бессоницы и постоянных просьб принять в ряды Красной Армии, сурово сказал:

— Молод еще. Придешь через полгода...

Но он добился-таки, чтобы зачислили бойцом истребительного батальона. Рыл вместе со всеми окопы, строил блиндажи, а ночью дежурил на перекрестке дорог, у важных объектов. Однажды Езепов заметил, что незнакомый лейтенант в милицейской форме почему-то часто появляется у хлебопекарни. Задержанный оказался фашистским диверсантом.

Накануне дня оккупации района отец сказал Жене:

— Собирайся, сын. Пойдем на восток — со всеми не пропадем.

Евгений Езепов прошел курсы подрывников, и летом 1942 года вместе с двумя товарищами его отправили во вражеский тыл. Часто выходили на операции. То машину подо-

рвут на шоссе, то повредят телефонную связь. Бывало, по целым дням сидели в засадах, подсчитывали автомашины, идущие к фронту, записывали их номера и знаки.

В конце 1942 года Женя стал командиром диверсионной группы. Веселого, неустрашимого, его любили партизаны. 17 эшелонов с живой силой и техникой врага спустил он под откос. За очередным долго охотилась группа Езепова. Гитлеровцы усилили охрану дороги Жлобин — Гомель, у насыпи через каждый километр соорудили дзоты с круговым обстрелом. Да и в придорожной полосе сновали дозоры, сидели в засаде фашисты.

А все-таки партизаны подобрались к полотну, заложили взрывчатку. Через час и 18-й эшелон полетел под откос.

Диверсионная группа благополучно миновала придорожную полосу, но возле деревни Святое, теперь Кирово, наскочила на фашистскую засаду.

Командир приказал отходить в лес, а сам схватил у товарища ручной пулемет и залег невдалеке от опушки. Гитлеровцев оказалось много, но патроны через полчаса кончились. Женя разобрал пулемет, разбросал его части. А когда фашистская цепь во весь рост пошла на смельчака, швырнул гранату.

Езепов сорвал с головы фуражку, сунул в нее последнюю «лимонку», зажал рычаг, выдернул чеку. И только тогда поднялся во весь рост. Оглянулся, вторая цепь фашистов заходила с тыла. В лесу уже не стреляли, значит, ушли товарищи.

— Не стрелять! — крикнул немецкий офицер.— Взять живым!

Гитлеровцы уже не бегут, а шагают, настороженно, медленно. Немец в серебристых погонах — чуть впереди цепи.

Женя рванулся к офицеру.

— Партизан не сдается живым! — крикнул он.

В следующий миг сильный взрыв потряс воздух.

Двенадцать гитлеровцев свалилось на землю. Это было 26 июня 1943 года.

Обелиск на могиле Евгения Игнатовича Езепова стоит в деревне Кирово Жлобинского района. Имя партизана высечено на мраморной плите памятника в Гомеле на улице Карповича.

3

На исходе вторая неделя с тех пор, как я с детьми отправился по местам боевой славы 10-й Журавичской партизанской бригады. Через какой бы лесок ни проезжали, в какую бы деревню ни заглянули — везде остались следы войны.

В Рисковской лесной даче стоит пятиметровый обелиск. На нем написано: «В этом лесу в период Великой Отечественной войны 27 апреля 1943 года партизаны 265-го партизанского отряда имени Ворошилова 10-й Журавичской бригады провели 14-часовой бой с превосходящими силами фашистских оккупантов. Врагу нанесены большие потери. Партизаны вышли победителями. Партизанам и партизанкам слава!»

Песчаная дорога ведет наши автобусы через Дедлово, Курганье к центральной усадьбе совхоза «1 Мая». В огромном доме — контора, сельская библиотека, отделение связи, клуб. Напротив административного центра — тенистый сквер, его опоясывает крашеный забор. Посреди сквера братская могила с обелиском. Букеты свежих полевых цветов, гвоздики и бессмертника лежат на плите. Мои ребята приносят два венка. Девочки раскладывают лесные и луговые цветы. В этой братской могиле покоится прах нашего комбрига Степана Митрофановича Белых. Его помнят здесь и теперь, о нем рассказывают, как о живом.

Вместе с комбригом похоронены партизаны Петр Мишин, Федор Сидоренко, Никита Коротаев, Михаил Хромин, Леонид Падунов, Николай Полешков, Антон Толкачев, Павел Шкапаев, Андрей Тульский. Память о них навсегда останется в людских сердцах.

Волынцы — деревня возле Кормы.

Командование поручило мне и Евгению Аниськову, помощнику комиссара отряда по комсомолу, сделать «рейд» по северу Кормянского, Журавичского и Пропойского (ныне Славгородского) районов. Эти места вот-вот должны были стать прифронтовой зоной, и требовалось дать инструкции местным комсомольско-молодежным подпольным группам об организации работы в особо сложных условиях. Более двух недель занял опасный путь. Прошли все предполагаемые сроки нашего возвращения в бригаду, а мы не появлялись. Нас уже считали погибшими.

Но вот в Волынцах мы встретились с Игнатом Максимовичем Диканом. Он сердечно обнял нас. Потом сказал мне:

— Зайди в шесть вечера в штаб бригады.

Оказалось, что на это время было назначено заседание бюро Журавичского подпольного райкома комсомола. Поднялся Игнат Максимович:

— Подпольный райком партии рекомендует Дмитриева на должность второго секретаря подпольного райкома комсомола.

Я сидел не шевелясь, гордый таким высоким доверием коммунистов.

Утром связные донесли, что гитлеровцы собираются угнать в Германию молодежь и подростков Журавичского

района. Надо было предупредить их через подпольные организации, одновременно разъяснить людям, чтобы прятали хлеб, скрывались от оккупантов, уводили в леса оставшийся скот. Кому же идти на это задание, если не нам с Аниськовым? На данном этапе это было главной задачей райкома комсомола.

А спустя неделю поздравляли мы Игната Максимовича Дикана с награждением орденом Ленина и присвоением звания генерал-майора.

Тогда же в штабе бригады я встретил уполномоченного ЦК КП(б)Б, представителя Белорусского штаба партизанского движения Андрея Фомича Жданович, седого, худощавого человека с умными серыми глазами. Он уже несколько недель координировал действия партизанских сил в северо-восточной части Гомельской области. Вместе с собравшимися в штабном домике командирами, комиссарами послушал его выступление. Андрей Фомич говорил о том, что ЦК нашей партии требует усилить диверсионно-подрывную деятельность, чтобы помочь наступающей Красной Армии, а для этого надо принять в партизанские отряды всех с оружием. Одна из задач — сформировать партийно-советские и хозяйственные аппараты, чтобы с первого же дня освобождения начать восстановление разрушенного гитлеровцами народного хозяйства. Умный и тактичный, приветливый и обаятельный, Андрей Фомич покорил нас своей сердечностью, сделал ясной и четкой перспективу нашей борьбы на заключительном этапе.

На совещании было объявлено, что Дикан отзывается в Москву. Эта весть омрачила мое настроение. Как же мы будем без Игната Максимовича? Немного отлегло на сердце, когда услышал, что комиссаром 10-й Журавичской бригады назначается опытный, боевой командир Карп Михайлович Драчев.

Перед тем как закрыть совещание, велели некоторым товарищам, в том числе и мне, задержаться. Я терялся в догадках: для чего?

А предстояло необычное. Как только части Красной Армии начнут подходить к Сожу, перебраться глубже в тыл к немцам и отыскать часть партизанского отряда имени Чапаева во главе с его командиром М. П. Журавлевым и начальником штаба В. М. Аникиевичем. В этом отряде на меня возлагались обязанности заместителя комиссара по комсомолу и начальника особого отдела. Затем собрать боевые группы, выполнявшие задания, подчинить их 261-му отряду и влиться в 1-ю Буда-Кошелевскую партизанскую бригаду. Этому крупному соединению предстояло в междуречье Сожа и Днепра выполнять задачи, поставленные ЦК КП(б)Б и Белорусским штабом партизанского движения,

соединиться с Красиой Армией только с освобождением Журавичского района.

Стало быть, остаемся в тылу врага. А все мои товарищи будут ждать прихода Красной Армии на месте.

4

Потрескивает небольшой костер иа поляие. Дым светлым столбом ползет в вечернее иебо. Я сижу чуть в стороне от ребят. Моя истрепанная записиая книжка лежит на коленях. Я не пишу. Мысли далеко от этих мест: оии в Озерщине, под Речицей. Туда мы только приедем послезавтра. Вспоминаются последние партизаиские дни. Были они особенно трудиыми. Гитлеровцы отступали, и мы дни и ночи лежали в засадах, навязывали бои, делали тридцатикилометровые марш-броски, чтобы уйти от преследоваиия фронтовых частей.

Вспоминается Илья Павлович Кожар. Невысокого роста, плотный, сдержаииый в движеииях, серьезиый и медлительный в разговоре, он поразил меня железиой логикой суждений. Но зато когда улыбался Илья Павлович, он был неотразим в своей красоте. Хотя и одет просто, как все мы: короткий цигейковый полушубок коричневого цвета, гимнастерка под ремием, растоптаииые сапоги, о которых говорят, что «просят каши».

Врезался в памяти и последний мой партизанский день — 23 ноября 1943 года — деиь соедииеиия с частями Красной Армии. Крепкие объятия, троекратный, по-русски, поцелуй с казахами, таджиками, сибиряками, москвичами. Тут же, у деревни Озерщииа, мы заняли позиции рядом с красноармейцами.

Вскоре меня вызвали в штаб, и командир соединения партизаиских отрядов уполиомочеиный ЦК КП(б)Б Герой Советского Союза генерал-майор И. П. Кожар выдал мне удостоверение с круглой печатью и за своей подписью. В нем говорилось, что я следую в распоряжение Гомельского обкома партии.

В те, еще военные дни, я всей душой сошелся с малышами — оборванными, бледными, голодными, одиако жадными к знаниям. И я снова стал педагогом.

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитриев М.

Д 53 У тихой Серебрянки. Мн., «Беларусь», 1975.
144 с.; 8 с. ил.

В книге рассказывается о боевой и политической деятельности Серебрянской подпольной комсомольской организации и 10-й Журавичской партизанской бригады на Гомельщине в годы Великой Отечественной войны, о руководстве партии вооруженной борьбой в тылу врага.

Д $\frac{10604\text{-}246}{М301(05)\text{-}75}$ 92-75 9(С)27

Михаил Афанасьевич Дмитриев
У ТИХОЙ СЕРЕБРЯНКИ

Редактор *Б. Х. Гриншпун*
Художник *А. М. Кашкуревич*
Художественный редактор *И. Г. Славянин*
Технический редактор *Я. С. Шляшинская*
Корректор *А. П. Костелецкая*

АТ 09205. Сдано в набор 25/III 1975 г. Подп. к печати 8/IX 1975 г. Тираж 75 000 экз. Формат 84×108$^1/_{32}$. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 7,98. Уч.-изд. л. 9,39. Зак. 2007. Цена 43 коп.

Издательство «Беларусь» Государственного комитета Совета Министров Белорусской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Ленинский проспект, 79.

Полиграфический комбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров Белорусской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Красная, 23.

